

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

PRIMO ASPECTU

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ISSN 2500-2635

2018
№ 3 (35)

16+

Главный редактор научного журнала «PRIMO ASPECTU»
доктор педагогических наук, профессор,
проректор Волгоградского государственного технического университета (ВолгГТУ)
Р. М. ПЕТРУНЕВА

Редакционная коллегия:

Багдасарьян Надежда Гегамовна – профессор кафедры социологии и культурологии МГТУ им. Н. Э. Баумана, доктор философских наук, профессор (Россия)

Борытко Николай Михайлович – доктор педагогических наук, профессор, советник при ректорате Волгоградского государственного университета (Россия)

Вуков Николай – профессор, старший научный сотрудник Болгарской Академии наук (Республика Болгария)

Галиймаа Нямаа - доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой гуманитарных наук, Институт социальных и гуманитарных исследований, Монгольский государственный университет науки и технологии (Монголия)

Ганопольский Михаил Григорьевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института проблем освоения Севера Тюменского научного центра Сибирского отделения РАН (Россия)

Докторов Борис Зусманович – доктор философских наук, профессор, ассоциированный сотрудник Социологического института РАН в Санкт-Петербурге, почетный доктор Института социологии РАН, действительный член Российской Академии социальных наук, независимый аналитик и консультант (США)

Дулина Надежда Васильевна – доктор социологических наук, профессор Волгоградского государственного университета (Россия)

Жаркынбаева Роза Сейдалиевна – доктор исторических наук, профессор Казахского национального университета им. аль-Фараби (Казахстан)

Жураковский Василий Максимилианович – академик РАО, доктор технических наук, профессор, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ) (Россия)

Звоновский Владимир Борисович – доктор социологических наук, заведующий кафедрой социологии и психологии Самарского государственного экономического университета, президент Фонда социальных исследований (Россия)

Лашук Ирина Валерьевна - кандидат социологических наук, доцент, заместитель директора по научной работе Института социологии НАН Беларуси (Белоруссия)

Леонтьева Елена Юрьевна – доктор философских наук, профессор Волгоградского государственного технического университета (Россия)

Похолков Юрий Петрович – заведующий кафедрой организации и технологии профессионального образования Национального исследовательского Томского политехнического университета, доктор технических наук, профессор, Заслуженный деятель науки и техники РФ, Президент Ассоциации инженерного образования России (Россия)

Рашева Ивета – профессор, старший научный сотрудник Болгарской Академии наук (Республика Болгария)

Розов Николай Христович – декан факультета педагогического образования МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор физико-математических наук, профессор член-корреспондент РАО, Заслуженный работник высшей школы РФ, Лауреат премий Правительства Российской Федерации в области образования (Россия)

Сазонова Зоя Сергеевна – доктор педагогических наук, профессор, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ) (Россия)

Сериков Владислав Владиславович - член-корреспондент РАО, доктор педагогических наук, профессор, заместитель директора Института по научной работе ФГБНУ «Институт стратегии развития образования Российской академии образования» (Россия)

Симонян Ренальд Хикарович – доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института экономики РАН (Россия)

Стронгин Роман Григорьевич – президент ННГУ им. Н.И. Лобачевского, вице-президент Российского союза ректоров, доктор физико-математических наук, профессор, председатель совета ректоров ПФО (Россия)

Троян Сергей Станиславович – заведующий кафедрой внешней политики и дипломатии Дипломатической академии Украины при МИД Украины, доктор исторических наук, профессор (Республика Украина)

Цэцэнбилег Цевений – профессор Монгольской академии наук (Монголия)

Чучалин Александр Иванович – председатель аккредитационного центра АИОР, доктор технических наук, профессор Национального исследовательского Томского политехнического университета (Россия)

Юдит Аксади – профессор, старший научный сотрудник института теории и методологии научных исследований Венгерской академии наук (Венгрия)

PRIMO ASPECTU

ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Журнал входит в перечень утвержденных ВАК РФ изданий для публикации трудов соискателей ученых степеней

РЕДАКЦИОННЫЙ

СОВЕТ:

Председатель

Дулина Н.В., д.соц.н., проф.
(ВолГУ)

Леонтьева Е.Ю., д.филол. н.,
проф. (ВолгГТУ) (зам. председате-
ля)

Артюхович Ю.В., д.филол.н.,
проф. (ВолгГТУ)

Васильева В.Д., д.пед.н., проф.
(ВолгГТУ)

Виноградова Н.Л., д.филол. н.,
проф. (ВолгГТУ)

Леонтьев А.Н., к.филол.н., доц.
(ВолгГТУ)

Топоркова О.В., к. пед.н., доц.
(ВолгГТУ)

Овчар Н. А., к. соц.н., доц.
(ВолгГТУ) (ответственный секре-
тарь)

Ануфриева Е.В., к. филол. н., доц.
(ВолгГТУ)

Международный индекс журнала
ISSN 2500-2635.

Журнал распространяется
по подписке.

Индекс журнала по каталогу
Агентства «Роспечать»
для Российской Федерации –
94192(ОК+ЭК). По вопросам
подписки обращаться
в издательство.

Тел. издательства ВолгГТУ:

(8442) 24-84-06

Факс (8442) 24-84-06

otr@vstu.ru

Научный журнал
Издается с января 2004 г.
Выходит четыре раза в год

№ 3 (35)
Сентябрь
2018

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ФГБОУ высшего образования
«Волгоградский государственный технический университет»

Адрес редакции:

Волгоград, пр. В. И. Ленина, 28.
Телефон: гл. редактор – (8442) 24-80-15

E-mail: raissa@vstu.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–63553 от 30 октября 2015 г.

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Волгоградского государственного технического университета

**Авторское право на журнал в целом принадлежит Учредителю,
на отдельные статьи – сохраняется за автором**

*Перепечатка из журнала «PRIMO ASPECTU»
категорически запрещена без оформления договора
в соответствии с действующим законодательством РФ*

*При перепечатке материалов ссылка на журнал
«PRIMO ASPECTU» обязательна*

Head Editor of the scientific journal "PRIMO ASPECTU":

Petruneva R. M. – Doctor of Science (Pedagogy), Professor, Vice-Rector of Volgograd State Technical University (VSTU)

Editorial board:

Bagdasarian Nadezhda Gegamovna – Doctor of Science (Philosophy), Professor of the Department of Sociology and Culturology, Bauman Moscow State Technical University (Russia)

Borytko Nikolai Mikhailovich - Doctor of Science (Pedagogy), Professor, Advisor to the rector of Volgograd State University (Russia)

Vukov Nikolai - Professor, senior scientific researcher of the Bulgarian Academy of Sciences (The Republic of Bulgaria)

Galiymaa Nyamaa - Doctor of History, Professor, Head of the Department of Human Sciences, Institute of Social and Humanitarian Studies, Mongolian State University of Science and Technology (Mongolia)

Ganapolsky Michael Grigoryevich - Doctor of Science (Philosophy), Professor, Principal Researcher, Institute of North Development Problems of Tyumen Science Center, Siberian Branch of Russian Academy of Science (Russia)

Doctorov Boris Zusmanovich - Doctor of Science (Philosophy), Professor, Associate of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences in Saint Petersburg, Honorary Doctor of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Member of the Russian Academy of Social Sciences, independent researcher and consultant (USA)

Dulina Nadezhda Vasilyevna - Doctor of Science (Sociology), Professor, Volgograd State University (Russia)

Zharkynbaeva Roza Seydalievna - Doctor of Science (History), Professor, Al-Farabi Kazakh National University (Kazakhstan)

Zhurakovsky Vasiliy Maksimilianovich – Academician of RAO, Doctor of Technical Sciences, Professor, Moscow State Automobile and Road Construction University (MADI) (Russia)

Zvonovsky Vladimir Borisovich - Doctor of Science (Sociology), Head of the Department of Sociology and Psychology, Samara State University of Economics, President of Social Research Institute (Russia)

Lashuk Irina Valeryevna - Candidate of Sociology, Associate Professor, Deputy Director for Research of the Institute of Sociology of NAS of Belarus (Belarus)

Leonteva Elena Yurievna - Doctor of Science (Philosophy), Professor, Volgograd State Technical University (Russia)

Pokholkov Yury Petrovich – Head of the Department of Management and Technology of Higher Professional Education of National Research Tomsk Polytechnic University, Doctor of Technical Sciences, Professor, Honored Worker of Science and Technology of the Russian Federation, President of the Association for Engineering Education of Russia (Russia)

Rasheva Iveta - Professor, senior scientific researcher of the Bulgarian Academy of Sciences (The Republic of Bulgaria)

Rozov Nikolai Khristovich – Dean of the Faculty of Pedagogical Education, Moscow State University, Doctor of Science (Phys.-Math.), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation (Russia)

Sazonova Zoya Sergeevna - Doctor of Science (Pedagogy), Professor, Moscow State Automobile and Road Construction University (MADI) (Russia)

Serikov Vladislav Vladislavovich - Doctor of Science (Pedagogy), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Deputy Director of the Institute for Scientific Research of the Institute for the Strategy for the Development of Education of the Russian Academy of Education (Russia)

Simonyan Renald Hikarovich - Doctor of Science (Sociology), Principal Researcher of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Russia)

Strongin Roman Grigoryevich - Doctor of Science (Phys.-Math.), Professor, President of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Vice-President of the Russian Union of Rectors, Chairman of the Volga Federal District Councils of Rectors (Russia)

Troyan Sergey Stanislavovich - Doctor of Science (History), Professor, Head of the Department of Foreign Policy and Diplomacy of the Diplomatic Academy of the Ukraine Ministry of Foreign Affairs of Ukraine (Ukraine)

Tseven Tsetsenbileg – Professor of the Mongolian Academy of Sciences (Mongolia)

Chuchalin Alexander Ivanovich - Doctor of Science (Technical), Professor, National Research Tomsk Polytechnic University, Chairman of Accreditation Board of the Russian Association for Engineering Education (RAEE/AIOR) (Russia)

Judit Ascady - Professor, senior scientific researcher of the Hungarian Academy of Sciences (Hungary)

PRIMO ASPECTU

VOLGOGRAD STATE TECHNICAL UNIVERSITY

The Journal is included to the list of peer-reviewed scientific journals and publications of the Higher Attestation Commission (HAC) of the RF for publishing of results of candidates for scientific degrees.

Editorial board:

Head Editor

Dulina N.V., chairman of the Editorial Council, Doctor of Science (Sociology), Professor (VolSU)

Leonteva E.Yu., vice-chairman, Doctor of Science (Philosophy), Professor (VSTU)

Artukhovich Yu.V., Doctor of Science (Philosophy), Professor (VSTU)

Vasilyeva V.D. - Doctor of Science (Pedagogy), Professor (VSTU)

Vinogradova N.L., Doctor of Science (Philosophy), Professor (VSTU)

Leontev A.N., Cand. of Science (Philosophy), Assoc. Professor (VSTU)

Toporkova O.V., Cand. of Science (Pedagogy), Assoc. Professor (VSTU)

Ovchar N.A., Cand. of Science (Sociology), Assoc. Prof., (VSTU) (Executive Secretary)

Anufrieva E.V., Cand. of Science (Philosophy), Assoc. Prof., VSTU)

International index of the journal
ISSN 2500-2635.

The journal is distributed by subscription.

Index of the journal in the catalogue of the Agency "Rospechat" for the Russian Federation – 94192(OK+ЭК). Concerning subscription turn to the editorial office.

Tel. Of VSTU editorial office:

(+7 8442) 24-84-06

Fax: (+7 8442) 24-84-06;
otr@vstu.ru

Scientific journal

Published since January 2004

4 times a year

№ 3 (35)
September
2018

FOUNDER:

FSBEI of Higher Education
"Volgograd State Technical University"

Editorial office address:

Volgograd, Lenin avenue, 28.

Tel.: Head Editor – (+7 8442) 24-80-15

E-mail: raissa@vstu.ru

The journal is registered at the Federal Service on Control in the Sphere of Communication, IT and Mass Communications (Roscomnadzor)
Registration certificate ПИ № ФС77–63553 of October 30, 2015

Is printed according to the decision of editorial-review board of
Volgograd State Technical University

*The copyright for the journal in general belongs to the Founder,
for separate articles – to authors.*

*Reprint from the journal "PRIMO ASPECTU" is strongly forbidden without
conclusion of an agreement in accordance with the legislation of the RF
When reprinting the materials, the citation to the journal
"PRIMO ASPECTU" is obligatory*

АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Алимпиева А. В. 14	Леушина И. В. 57
Белоновская И. Д. 76	Неволина В. В. 76
Бутенко С. В. 48	Овчар Н. А. 7
Васильева В. Д. 81	Петрунева Р. М. 81
Гаврилова И. С. 29	Полежаев Д. В. 35
Гладких А. С. 81	Сироткина О. В. 62
Гусейн-заде Р. Г. 43	Сухарева Л. М. 67
Дурягина Н. Н. 67	Токина В. А. 29
Журавлева М. О. 76	Фокина О. А. 23
Казанова Н. В. 71	Чижова В. М. 29
Калимуллина О. А. 62	Шекера Е. А. 51
Кохановская М. И. 14	Штыров А. В. 71
Кулакова А. Б. 67	

AUTHOR INDEX

Alimpieva A. V. 14	Leushina I. V. 57
Belonovskaya I. D. 76	Nevolina V. V. 76
Butenko S. V. 48	Ovchar N. A. 7
Chizhova V. M. 29	Petruneva R. M. 81
Duryagina N. N. 67	Polezhayev D. V. 35
Fokina O. A. 23	Shekera E. A. 51
Gavrilova I. S. 29	Shtyrov A. V. 71
Gladkikh A. S. 81	Sirotkina O. V. 62
Guseyn-zade R. G. 43	Sukhareva L. M. 67
Kalimullina O. A. 62	Tokina V. A. 29
Kazanova N. V. 71	Vasilyeva V. D. 81
Kokhanovskaya M. I. 14	Zhuravleva M. O. 76
Kulakova A. B. 67	

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ

<i>Овчар Н. А.</i> Социальное самочувствие жителей Волгограда: динамика последнего десятилетия (по результатам социологического исследования).....	7
<i>Алимтшьева А. В., Кохановская М. И.</i> Охрана репродуктивного здоровья молодежи: возможные подходы к решению социальной проблемы...	14
<i>Фокина О. А.</i> Трансформация практик потребления в условиях экономического кризиса в современной России (региональный аспект).....	23
<i>Чижова В. М., Гаврилова И. С., Токина В. А.</i> Институциональный анализ медико-социальной реабилитации: технология и социальная практика.....	29
<i>Полежаев Д. В.</i> Субъектный подход в измерении качества образования: социологические основания.....	35
<i>Гусейн-заде Р. Г.</i> Экспорт образовательных услуг в России.....	43
<i>Бутенко С. В.</i> Ментальные начала исторической идентичности в пространстве образования и воспитания.....	48
<i>Шекера Е. А.</i> Теоретические основания исследования особенностей процесса социальной адаптации мигрантов в крупном городе.....	51

ПЕДАГОГИКА

<i>Леушина И. В.</i> Учебно-познавательная компетенция студентов: когнитивный аспект.....	57
<i>Калимуллина О. А., Сироткина О. В.</i> Социально-культурная среда вуза как педагогическая платформа процесса формирования культуры здоровья современного студента.....	62
<i>Кулакова А. Б., Сухарева Л. М., Дурягина Н. Н.</i> Развитие интеллектуального потенциала населения региона (из опыта НОЦ ВолНЦ РАН).....	67
<i>Штыров А. В., Казанова Н. В.</i> Онлайновый мультимедиа продукт – замена студенческого реферата: опыт применения.....	71
<i>Неволина В. В., Журавлева М. О., Белоновская И. Д.</i> Технологии педагогического сопровождения профессионального саморазвития студента-медика.....	76
<i>Петрунева Р. М., Васильева В. Д., Гладких А. С.</i> К вопросу об отношении студентов технического вуза к личной физической подготовленности.....	81

CONTENTS

SOCIOLOGY

<i>Ovchar N. A.</i> Social well-being of dwellers of Volgograd: the dynamics of the last decade (on the results of the social research).....	7
<i>Alimpieva A. V., Kokhanovskaya M. I.</i> Youth reproductive health protection: possible approaches to solving the social problem.....	14
<i>Fokina O. A.</i> The transformation of practices of consumption in conditions of economic crisis in modern Russia (regional aspect).....	23
<i>Chizhova V. M., Gavrilova I. S., Tokina V. A.</i> Institutional analysis of medico-social rehabilitation: technology and social practice.....	29
<i>Polezhayev D. V.</i> Subject approach in measurement of quality of education: sociological foundations.....	35
<i>Guseyn-zade R. G.</i> Export of education in Russia.....	43
<i>Butenko S. V.</i> Russian identity as the historical dynamics: mental aspects research.....	48
<i>Shekera E. A.</i> Theoretical framework for the study of the social adaptation process of migrants in a city.....	51

PEDAGOGY

<i>Leushina I. V.</i> Training and cognitive competence of students: the cognitive aspect.....	57
<i>Kalimullina O. A., Sirotkina O. V.</i> Social-cultural environment of higher education as a pedagogical platform of the process of forming the culture of health of the modern student.....	62
<i>Kulakova A. B., Sukhareva L. M., Duryagina N. N.</i> Development of the intellectual potential of the population of the region (from the experience of the SEC of VolSC RAS).....	67
<i>Shtyrov A. V., Kazanova N. V.</i> Online multimedia product as a replacement of student's essay: application experience.....	71
<i>Nevolina V. V., Zhuravleva M. O., Belonovskaya I. D.</i> Technologies of pedagogical support of professional self-development of a medical student.....	76
<i>Petruneva R. M., Vasilyeva V. D., Gladkikh A. S.</i> On the issue of the attitude of higher technical education students to personal physical preparedness.....	81

УДК 316.4
ББК 60.56

СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ ЖИТЕЛЕЙ ВОЛГОГРАДА: ДИНАМИКА ПОСЛЕДНЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ (по результатам социологического исследования)

SOCIAL WELL-BEING OF DWELLERS OF VOLGOGRAD: THE DYNAMICS OF THE LAST DECADE (on the results of the social research)

ОВЧАР Надежда Андреевна

Волгоградский государственный технический
университет, Волгоград, Россия
E-mail: onadine@mail.ru

OVCHAR Nadezhda A.

Volgograd State Technical University,
Volgograd, Russia
E-mail: onadine@mail.ru

Аннотация. В статье представлены данные эмпирического исследования социального самочувствия волгоградцев в 2017 г. по методике РИПН, а также проведено сравнение данных с 2010 г. Цель работы – оценить и зафиксировать состояние социального самочувствия по состоянию на конец 2017 года, установить тенденции изменения показателей за последние годы.

Ключевые слова: социальное самочувствие, социальное здоровье, социальное настроение, социальное благополучие, город, социальная динамика.

Abstract. The article presents the data of the empirical study of the social well-being of Volgograd residents in 2017 according to the RIPN methodology and also compares the data with the year 2010. The purpose of the author is to assess and record the state of social well-being as of the end of 2017, to establish the trends in the indicators for recent years.

Keywords: social well-being, social health, social mood, subjective well-being, city, social dynamics.

В современных социологических работах весьма популярной социологической категорией является социальное самочувствие, изучение которого ведется не только в России, но и за рубежом [1; 4; 8]. Кроме собственно социального самочувствия, часто рассматриваются близкие понятия, иногда отождествляемые с социальным самочувствием – социальное настроение, социальное здоровье, социальное благополучие. В контексте зарубежных исследований речь идет о понятиях «social well-being», «social health», «subjective well-being» [11]. Особенности работ по изучению социального самочувствия являются, во-первых, попытки операционализации данной категории, поскольку его однозначного определения до сих пор не предложено, а потому социологи ищут разные подходы к определению социального самочувствия как с точки зрения структуры понятия, так и с позиции факторов, его детерминирующих; во-вторых, операционализация предполагает в последующем измерительные процедуры, а потому сравнение динамических рядов данных, полученных в ходе социологических исследований, проведенных в разные годы, дают богатую базу для анализа, интерпретации, сравнений [1–5; 8; 9].

Одним из ярких примеров изучения социального самочувствия в Волгограде является мониторинг, проводимый ЦСМИ «Аналитик» по методике, разработанной Ассоциацией региональных социологических центров «Группа 7/89» [10]. Так, в научных публикациях представлены данные за 2007–2010 гг., а также отдельные показатели за 2014 г. Кроме того, авторы методики РИПН довольно подробно описывают ее в своих работах, что делает возможным ее повторение для продления динамического ряда и отслеживания показателей и на современном этапе.

Так, с 10 по 20 ноября 2017 года было предпринято собственное социологическое исследование волгоградцев в возрасте от 18 лет и старше методом анкетирования (N=504, выборка репрезентативна по полу и возрасту), в которое были включены вопросы из индекса РИПН, на основании чего можно провести сравнение данных (табл. 1). В этот же период были проведены глубинные интервью с волгоградцами, что может быть использовано для понимания количественной информации. Данные 2016 г – результаты пилотажного исследования на небольшой выборке (N=60, где задачи репрезентативности не ставились) – приведены справочно.

Таблица 1

**Изменение мнения респондентов об их материальном положении,
% по годам**

Как Вы полагаете, Ваше нынешнее материальное положение (вашей семьи), лучше, хуже или примерно такое же, каким оно было год назад?			
Варианты ответов	Годы		
	2010	2016	2017
Материальное положение семьи хуже, чем было год назад	38	53	25
Материальное положение семьи такое же, как год назад	45	37	57
Материальное положение семьи лучше, чем год назад	17	9	17
Общий итог	100	100	100

Судя по данным за 2017 г., ситуация с материальным положением в семьях волгоградцев перестала значительно ухудшаться - показатель составил 25 %, тогда как в 2010 и 2016 гг. ухудшение отмечали 38 % и 53 % респондентов. Автору представляется, что отсутствие отрицательной динамики можно рассматривать как положительную тенденцию – материальное положение улучшилось у 17 % в 2010 г. и у 17 % в 2017 г. Следует помнить, что внешнеполитические события 2013–2014 гг. для нашей страны обернулись экономическими санкциями, ограничениями по ввозу импортных товаров, ростом цен и т. п. В связи с этим улучшение, в целом, материального положения волгоградских семей может являться результатом адаптации к изменившейся экономической ситуации в стране.

В оценке перспектив на ближайший год (табл. 2) жители Волгограда более сдержанны – 66 % в 2010 г., 59 % в 2017 г. сохраняют нейтралитет, а примерно четверть (22 % в 2010 г. и 27 % в 2017 г.) оптимистично ждут улучше-

ния материального положения в семье. Забегая вперед (табл. 3), обращает на себя внимание тот факт, что прогноз материального положения семьи более оптимистичный, чем положения россиян в целом. Таким образом, в сознании волгоградцев нет прямой связи между уровнем жизни в стране и собственным уровнем жизни.

Таблица 2

**Изменение мнения респондентов об их материальном положении через год,
% по годам**

Как Вы полагаете, в ближайшие 12 месяцев Ваше материальное положение улучшится, ухудшится или останется примерно таким же, как сейчас?			
Варианты ответов	Годы		
	2010	2016	2017
Материальное положение за ближайший год ухудшится	12	36	14
Материальное положение за ближайший год не изменится	66	51	59
Материальное положение за ближайший год улучшится	22	12	27
Общий итог	100	100	100

Краткосрочный социальный оптимизм, представленный в табл. 3 и оценивающий ожидания изменения жизни россиян в течение ближайшего года, оставляет желать лучшего – более половины (65 %) в 2010 г. и (63 %) в 2017 г. считают, что жизнь не изменится (ни улучшится, ни ухудшится), а ухудшение прогнозируют 19 % и 24 % соответственно. Таким образом, можно сказать, что среди жителей Волгограда только каждый восьмой в 2017 г. демонстрирует оптимистичные настроения.

Таблица 3

**Изменение мнения респондентов о жизни россиян через год,
% по годам**

Как, по Вашему мнению, за это время изменится жизнь большинства россиян: улучшится, ухудшится или останется примерно такой же, как сейчас?			
Варианты ответов	Годы		
	2010	2016	2017
Жизнь большинства россиян за ближайший год ухудшится	19	51	24
Жизнь большинства россиян за ближайший год не изменится	65	46	63
Жизнь большинства россиян за ближайший год улучшится	17	3	12
Общий итог	100	100	100

В табл. 4 представлены прогнозы волгоградцев на 5 лет относительно материального положения жителей России. Здесь оценки менее пессимистичны, видимо, поскольку горизонт прогноза гораздо дальше. Однако в улучшение ситуации в стране верят только 28 % горожан, тогда как нейтральной позиции придерживаются 40 % респондентов, а 31 % ждут ухудшений.

Таблица 4

**Изменение мнения респондентов о материальном положении россиян
через 5 лет, % по годам**

Как Вы думаете, в ближайшие 5 лет материальное положение россиян в целом улучшится, ухудшится или останется прежним?			
Варианты ответов	Годы		
	2010	2016	2017
Жизнь большинства россиян за 5 лет ухудшится	13	46	31
Жизнь большинства россиян за 5 лет не изменится	58	31	40
Жизнь большинства россиян за 5 лет улучшится	28	22	28
Общий итог	100	100	100

Из данных, приведенных в табл. 5, следует, что межрегиональные сравнения явно не в пользу нашего региона – в 2016 году более половины (61 %) респондентов оценивают жизнь в Волгоградской области хуже, в сравнении со страной в целом; очень высок показатель тех, кто считает, что мы живем так же, как и другие россияне – около 36 %.

Таблица 5

**Изменение мнения респондентов об условиях жизни в нашей области,
% по годам**

Как Вы полагаете, нынешние условия жизни в нашей области лучше, хуже или примерно такие же, как и в целом по стране?			
Варианты ответов	Годы		
	2010	2016	2017
Условия жизни в нашей области хуже, чем в целом по стране	41	61	53
Условия жизни в нашей области такие же, как в целом по стране	50	36	45
Условия жизни в нашей области лучше, чем в целом по стране	9	3	2
Общий итог	100	100	100

В сравнении с 2010 годом наглядно прослеживается отрицательная динамика по оценке своей территории в сравнении со страной. Так, считают, что условия жизни в нашем регионе лучше, чем по стране в 2010 г. – 9 %, а в 2017 г. – только 2 %, что находится в пределах статистической погрешности. Таким образом, данные исследования не противоречат аналитическим рейтингам городов, которые по комплексу показателей ставят Волгоград на последние места. Например, по рейтингу департамента социологии Финансового университета при правительстве Российской Федерации в 2014 г. Волгоград был признан самым депрессивным городом России [6]. В числе показателей рейтинга состояние системы здравоохранения, работа образовательных учреждений и ЖКХ, благоустройство города, материальное благополучие его жителей. По данным этих же исследователей за 2015 г., положение Волгограда не изменилось – город опять последний в списке [7].

Волгоград оказался внизу рейтинга и в исследовании Росгосстраха «Качество жизни в российских городах в 2015 году» [7] и был определен как город, где жители чувствуют себя наихудшим образом. В ходе этого исследования респонденты оценивали свои возможности по влиянию на муниципальную власть; работу местных чиновников; деятельность учреждений здравоохранения, образования, досуга и развлечений; уровень благоустройства города; качество коммунальных услуг и качество дорог.

Таким образом, жители города своим мнением, выраженным в 2017 году, подтверждают результаты исследований 2010, 2014, 2015 гг., что позволяет рассматривать нынешнее положение дел как устойчивую тенденцию, объективно сложившуюся оценку ситуации в городе.

Следует проиллюстрировать оценки Волгограда данными качественного исследования 2017 года, основные характеристики которого были представлены выше, что сделает понятными негативные оценки жизни в городе и регионе. *«Мне не нравится, что из Красноармейского до Спартановки ехать два с половиной часа, без возможности... Ну то есть мне не нравится общественный транспорт в целом. Мне не нравится отсутствие такого ассортимента и качества товаров, которые я хотел бы видеть. То есть все становится лучше со временем, но если сравнивать с той же... со столицами нашими, то добраться в какое-либо место и найти то, что тебе нужно в Волгограде гораздо сложнее, а зачастую невозможно» (м, 56 лет).*

«Заводы практически все закрыты. Гиганты, которые. Тракторный завод, алюминиевый завод практически стоит, Химпром наш встал, судостроительный завод. То есть экономика города не живет, а так, прозябает. Если брать просто внешне, то, тоже, в городе не все у нас процветает, чисто и хорошо. Дороги своевременно не чистятся. Новых каких-то парков не открывается. Цены на все остальное, коммунальные услуги растут, а сервис наоборот (ухудшается)» (м, 47 лет),

«Ну, преступность у нас не уменьшилась. Например, год назад, прямо около моего дома, застрелили ... Просто мужчина, наверно из ГосДумы был Волгоградской области, просто гулял по парку около дома» (м, 19 лет).

Оценочные суждения по поводу жизни в Волгограде носят, зачастую, негативную окраску, а по спектру проблем это рост цен, преступность, неразвитая инфраструктура (плохие дороги, отсутствие парков, мест семейного отдыха), грязь, отсутствие развитой промышленности. Большинство информантов обозначает эти проблемы, но находит и источник позитивных оценок ситуации в городе – Чемпионат Мира по футболу. *«Готовится Волгоград к Чемпионату Мира 18-го года, строится стадион. Это, конечно, лучше. Состояние дорог не очень, хотелось бы лучше. Ну и как бы вообще надеюсь, что к 18-му году город Волгоград преобразится в отношении дорог, гостиниц и остальной инфраструктуры, что поможет нам принять игры Чемпионата Мира, жителям города получить какие-то последствия хорошие» (м, 47 лет).* Это единственное перспективное событие, которое имеет положительную оценку в глазах волгоградцев. В нем видят потенциал для решения других проблем – с дорогами, развитием туристической и спортивной инфраструктуры, рабочими местами, поддержкой спорта.

Таким образом, сравнение данных с разницей в 7 лет показывает отсутствие значительных отличий в оценках ситуации в целом, уровня материального благополучия, социального оптимизма, перспектив российского общества. Надо сказать, что, интерпретируя данные 2007–2010 гг., Н. В. Дулина и В. В. Токарев апеллировали к ситуации экономического кризиса, оказывавшего влияние на индекс РИПН [10]. Проводя анализ данных 2017 г., можно рассматривать такие факторы внешней среды, как экономические санкции в связи с украинскими событиями 2013–2014 гг. и по настоящее время. Собственно, в нашем понимании, это может означать только то, что перманентный кризис как явление нашей действительности и сопровождающий фактор общественной жизни просто является отражением высокой динамики современности, *liquid modernity* (З. Бауман), а нестабильность выступает образом жизни, к которому волгоградцам нужно адаптироваться, приспособиться. Кто-то готов к высокой динамике, а кто-то ищет опору и стабильность там, где может найти. Так, в качественном исследовании информанты, давая субъективную оценку своей жизни, чаще использовали нейтральные субкатегории – не лучше и не хуже, как у всех. Например, *«ну она у меня не лучше и не хуже, она у меня стабильная, так как я работаю воспитателем в детском саду, и пока меня это не коснулось лично, но других людей это уже вплотную коснулось, и когда смотришь на все это, считаю, что не очень то хорошо все это происходит»* (ж, 43 года).

Есть активные позиции относительно планов на будущее типа *«строю, планов очень много, самый первый – это открыть центр молодежного инновационного творчества в Волгограде. Сейчас мы активно этим занимаемся и надеемся, что все будет хорошо, все получится»* (ж, 27 лет).

А некоторые более сдержаны, например, *«К чему я стремлюсь, если честно, я не знаю. Я даже не знаю, какие у меня будут планы на следующую неделю. Я строю какие-то локальные планы, возможно, на день, на три дня, допустим, в этот день мне нужно сходить в магазин, прибраться. Какие-то такие, локальные планы. Но именно глобальных... Есть, скажем так, какие-то задумки, но называть это планами, которые я действительно реализую, я не могу»* (м, 42 года).

«Да ни к чему такому особенному, как любой другой человек: хотелось бы улучшить материальное благополучие, больше отдыхать, заниматься своим здоровьем» (ж, 56 лет).

Несколько человек собираются покинуть город и даже страну, аргументируя это следующим образом:

«Я стремлюсь к саморазвитию, хочу путешествовать. Возможно за границу, возможно куда-либо в центральную Россию. Просто не нравится волгоградский климат» (м, 56 лет);

«Я бы хотел заработать шесть тысяч евро и поехать в Италию к лучшим кондитерам, чтобы там пройти практику» (м, 19 лет).

Соответственно, широкий спектр перспектив и планов отражает наличие социальной динамики, мобильность населения, причем, различных возрастных групп. Уровень планов и целей различен – начиная от семейных ценностей до саморазвития, создания общественных центров в масштабе города.

Особо следует отметить индекс межрегиональных сравнений (см. табл. 5), который применительно к Волгограду, стал еще ниже, что подтверждается и другими исследованиями, осуществлявшими сравнение российских городов между собой. В связи с этим, конечно, можно анализировать причины, оценивать благоустроенность, развитость инфраструктуры, деятельность местных властей и т. д. Но рассматривая «социальное самочувствие» волгоградцев в очередной кризисный период, следует признать, что качество социального капитала, одной из составляющих которого является социальное самочувствие как отражение его состояния на конец 2017 года, оставляет желать лучшего. Позитивные настроения представлены только в оценке семейных ценностей, личных планов. Если рассматривать оценки Волгограда в целом, то сейчас надеяться на прорыв не приходится – явно обозначены желание уехать, неразвитость инфраструктуры, низкое качество дорог, отсутствие работающих промышленных предприятий и т. д. Сбудутся ли ожидания волгоградцев, возлагаемые на подготовку к Чемпионату Мира 2018 года, принесет ли это событие долгосрочные результаты для Волгограда и его жителей – об этом можно будет говорить по результатам дальнейших исследований и мониторинга социального самочувствия волгоградцев.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Барская, О. Л. Социальное самочувствие: методологические и методические проблемы исследования: автореф. дис. ... канд. философ. наук / О. Л. Барская. – М., 1989. – С. 16–28.
2. Дулина, Н. В. Религиозность как индикатор социального самочувствия жителей города (тезисы) / Н. В. Дулина, Н. А. Овчар // Материалы докладов III Всерос. социологического конгресса «Социология и общество: пути взаимодействия». [Электронный ресурс] — М.: ИС РАН, РОС, 2008.
3. Дулина, Н. В. Социальное самочувствие и религиозные ориентации современной студенческой молодежи (по итогам прикладного социологического исследования) / Н. В. Дулина, Н. А. Овчар, В. В. Токарев // Известия ВолГТУ : межвуз. сб. науч. ст. № 16 (143) / ВолГТУ. – Волгоград, 2014. – (Серия «Проблемы социально-гуманитарного знания» ; вып. 18). – С. 120–124.
4. Карамельский, Р. В. Проблемы измерения социального самочувствия / Р. В. Карамельский // Вестник Чувашского университета. – 2011. – № 4. – С. 178–182.
5. Овчар, Н. А. Мониторинг социального самочувствия населения как инструмент прогнозирования угроз социальной стабильности региона / Н. А. Овчар // Научное, экспертно-аналитическое и информационное обеспечение национального стратегического проектирования, приоритетных национальных проектов и программ: сб. науч. тр. ИНИОН РАН / редкол.: Пивоваров Ю. С. (отв. ред.) и др. – М., 2009. – Ч. 2. – С. 131–141.
6. Рейтинг городов России по качеству жизни в 2014 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fa.ru/chair/priklsoc/Documents/8_Best_Cities_of_Russia_2014.pdf
7. Рейтинг городов России по качеству жизни в 2015 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fa.ru/dep/press/about-us/Documents/30_Life_Quality_2015.pdf
8. Рогозин, Д. Тестирование вопросов о социальном самочувствии / Д. Рогозин // Социальная реальность. – 2007. – № 2 – С. 97–113.
9. Стризов, А. Л. Социальное самочувствие: между реформистским проектом и здравым смыслом / А. Л. Стризов // Социальное самочувствие населения в современной России. – Ростов н/Д, 2010.
10. Токарев, В. В. Опыт социального мониторинга в городе / В. В. Токарев, Н. В. Дулина // Известия ВолГТУ : межвуз. сб. науч. ст. № 9 (69) / ВолГТУ. – Волгоград, 2010. – (Серия «Проблемы социально-гуманитарного знания» ; вып. 8). – С. 78–86.
11. Тощенко, Ж. Т. Концепция социального настроения / Ж. Т. Тощенко, С. Харченко. – М., 1996. – С. 97–123.

УДК 613.88+371.72

**ОХРАНА РЕПРОДУКТИВНОГО ЗДОРОВЬЯ МОЛОДЕЖИ:
ВОЗМОЖНЫЕ ПОДХОДЫ К РЕШЕНИЮ
СОЦИАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМЫ**

**YOUTH REPRODUCTIVE HEALTH PROTECTION:
POSSIBLE APPROACHES TO SOLVING
THE SOCIAL PROBLEM**

АЛИМПШЕВА Анна Викторовна

Балтийский федеральный университет
им. И. Канта, Калининград, Россия
E-mail: anna_alimpieva@mail.ru

КОХАНОВСКАЯ Мария Ивановна

Балтийский федеральный университет
им. И. Канта, Калининград, Россия
E-mail: m.kohanovskaya@gmail.com

Аннотация. В статье обсуждаются вопросы охраны репродуктивного здоровья молодежи в современном российском обществе. Показаны тенденции в состоянии репродуктивного здоровья молодых россиян и общественный контекст, в котором они разворачиваются. Анализируются возможные подходы к обеспечению охраны репродуктивного здоровья, лежащие в их основе парадигмы заботы и контроля.

Ключевые слова: репродуктивное здоровье, охрана репродуктивного здоровья, контроль, забота, молодежь.

ALIMPIEVA Anna V.

Immanuel Kant Baltic Federal University,
Kaliningrad, Russia
E-mail: anna_alimpieva@mail.ru

KOKHANOVSKAYA Maria I.

Immanuel Kant Baltic Federal University,
Kaliningrad, Russia
E-mail: m.kohanovskaya@gmail.com

Abstract. The issues of youth reproductive health protection in today Russian society are analyzed. Youth reproductive health trends in Russia are shown within the social context. The article discusses two reproductive health protection approaches which are based on care and control paradigms.

Keywords: reproductive health, reproductive health protection, control, care, youth.

Данная статья посвящена анализу подходов к охране репродуктивного здоровья российской молодежи. В работе используются следующие типы источников информации: медицинская статистика, нормативные и стратегические документы, материалы социологических опросов и фокус-групповых интервью с подростками и молодежью, экспертных интервью с врачами, специализирующимися на проблемах репродуктивного здоровья, проведенных в Калининградской области период с 2015 по 2018 гг.

В современном мире репродуктивное здоровье граждан, будучи важным фактором поддержания демографического благополучия, является предметом внимания государственных и надгосударственных институций. Так, среди восьми целей тысячелетия в области развития, отраженных в Декларации тысячелетия ООН, принятой 189 государствами-членами в 2000 г., три непосредственно касаются репродуктивного и сексуального здоровья (сокращение детской смертности, улучшение здоровья матери и борьба с ВИЧ/СПИДом и другими болезнями), а четыре тесно связаны со здоровьем, в том числе репродуктивным [7].

Особенно актуальна данная проблематика для стран и регионов, где наблюдаются неблагоприятные тенденции в сфере демографии и в состоянии здоровья населения. Входит в это число и наша страна, где процесс уменьшения потенциала здоровья, в том числе репродуктивного, отчетливо проявляется на протяжении нескольких десятилетий. При общей тревожной

динамике состояния здоровья россиян, включая детей и подростков, статистика указывает на следующие проблемные аспекты:

– значительное ухудшение состояния здоровья детей и подростков. В течение 2000-х гг. общая заболеваемость детей в возрасте до 14 лет возросла на 9,3 %. В 2017 году показатель заболеваемости подростков 15–17 лет составил в 137273,8 на 100 тысяч человек населения [9]. При этом половина случаев приходится на болезни органов дыхания, в рейтинге за ними следуют болезни кожи и подкожной клетчатки, органов пищеварения, глаза и его придаточного аппарата, костно-мышечной системы и соединительной ткани, мочеполовой системы;

– ухудшение здоровья в целом и репродуктивного здоровья женщин, включая постоянный (с 1980 г.) рост числа впервые зарегистрированных больных с впервые установленными диагнозами. Так, заболеваемость женщин злокачественными новообразованиями в 2017 году составила 413,9 (на 100 тыс. человек соответствующего населения), при этом данный показатель в 2008 году был на отметке 327,2 и ежегодно повышается [9];

– абсолютное число случаев женского бесплодия выросло с 139223 случаев в 2001 г. до 235609 в 2014 г., мужского – с 24068 до 36003 соответственно [10]. Уровень бесплодия соответствует среднемировому, однако превышает показатель стран «богатых»: распространенность первичного бесплодия в России оценивается на уровне 1,9 % от всех женщин от 20 до 44 лет, вторичного – 3,2 % женщин от 20 до 44 лет [18];

– заболеваемость в течение беременности, родов и послеродовом периоде, патологии беременности и родов. Показатели здоровья беременных отражают наибольшую частоту анемии, болезней мочеполовой системы и системы кровообращения, отеки, протеинурию, гипертензивные расстройства, сахарный диабет. В 2016 г. из ста родов только 38,6, согласно медицинской статистике, отнесены к нормальным, в 28 случаях из 100 использовалось кесарево сечение;

– младенческая смертность, показатель которой составил в 2016 г. 6,0 на 1000 родившихся живыми. При этом ее основными причинами в более чем половине случаев являются отдельные состояния, возникающие в перинатальном периоде, то есть факторы, тесно связанные со здоровьем матери; врожденные аномалии (пороки развития), деформации и хромосомные нарушения стали причиной еще почти четверти случаев [9];

– высокий уровень распространения заболеваний, способных повлиять на репродуктивные функции подростков, что усугубляется ранним возрастом сексуального дебюта, наличием нескольких половых партнеров одновременно, низкой частотой использования надежных методов контрацепции;

– подростковая беременность и юное материнство. По официальным данным, в 2016 г. девушкам до 14 лет было произведено 284 аборта, в возрастной группе 15–17 лет этот показатель составил 7179 [9]. Рождаемость в группе 15–19-летних в 2013 г. составила 27 на 1000 девушек данного возраста [19];

– аборты, уровень которых хоть и является критичным, но тем не менее не выводит нашу страну в число мировых лидеров. Так, согласно расчетам

Института Гуттмахера, общемировой относительный показатель в 2010–2014 гг. составлял 35 аборт на 1000 женщин в возрасте 15–44 года [15], в России на 2016 г., по данным официальной российской статистики – 23,8 (показатель рассчитывается на 1000 женщин в возрасте 15–49 лет) [9]. Это выше, чем в наиболее благополучных в этом отношении странах, однако имеет место устойчивая динамика сокращения числа аборт (и материнской смертности по причине аборта) на протяжении вот уже почти 30 лет. В 1990 г. число аборт на 1000 женщин репродуктивного возраста составляло 113,9 [17]), то есть на одну женщину в среднем приходилось 3,4 аборта, к 2013 г. относительный показатель аборт сократился в 4,6 раза, а на одну женщину стало приходится 0,9 аборта [16].

Важно отметить, что российская статистика аборт учитывает не только искусственные прерывания беременности, но и самопроизвольные, доля которых в структуре аборт растет [3], что свидетельствует о негативной динамике репродуктивного здоровья населения страны. В 2017 г. доля самопроизвольных аборт составила 17,9 % [13]. Специалисты давно отмечают необходимость пересмотра статистической Формы 13 [20], исключения из нее всех аборт, произведенных не по желанию женщины: «Если анализировать каждую рубрику блока «Беременность с абортивным исходом» отдельно, было бы больше проку. Политики оперировали бы только теми числами, которые относятся к медицинским абортам (а не к абортам, произведенным по причине нездоровья женщины и патологии плода). И это действительно были бы истинные показатели неблагополучия» [4]. Этот и другие примеры также указывают на специфический подход к сбору самих статистических данных, который может игнорировать важные аспекты (не)здоровья или сглаживать факт не очень высокого качества услуг в сфере здравоохранения.

Что касается самой молодежи, исследования показывают, что сфера сексуальности и репродукции относится к числу проблемных, с точки зрения сформированности у молодых людей стратегий поведения, направленного на сохранение репродуктивного здоровья, и их осведомленности в этой сфере. Это выражается и в незрелых представлениях о сфере сексуальности и репродукции (о них говорит высокий уровень поддержки таких суждений, как «если девушка случайно забеременеет, можно сделать аборт», «в сексе главное – не безопасность, а удовольствие», «от одного полового акта беременности не будет» и пр.), и в неразвитости поведенческих паттернов, важных с точки зрения сохранения репродуктивного здоровья (например, молодые люди нередко стесняются приобретать презервативы, даже осознавая необходимость их использования) при том, что от нехватки опыта сексуальной жизни молодые люди обоих полов не «страдают» [1].

По словам участников опроса калининградских подростков – учащихся старшей школы и студенческой молодежи (N=400, 2018), 93 % из них заботятся о своем репродуктивном здоровье. Однако эта забота, в основном, сводится к соблюдению в большей или меньшей степени предписаний в отношении здорового образа жизни. Об этом говорят сами девушки и юноши

в ходе фокус-групповых интервью (далее – ФГ): «К гинекологу хожу нечасто, но зато стараюсь в обыденной жизни следить за здоровьем. Кушать качественные продукты. Не курю» (девушка, ФГ, 2015); «Спорт, здоровый образ жизни... Но у меня тоже не получается бросить курить, посещение врачей и т. д.» (юноша, ФГ, 2018).

Низок и уровень осведомленности молодежи о специфических мерах по сохранению репродуктивного здоровья: в ходе опроса более 80 % подростков и молодых людей признали, что ничего о них не знают. В то же время нередко ребята осознают, что проблемы в сфере репродуктивного здоровья могут быть связаны именно с плохой информированностью по данному вопросу: «нездоровье выражается в отсутствии знаний, осведомленности» (девушка, ФГ 2015).

На фоне неблагоприятных тенденций в сфере оказания медицинской помощи (снижения ее доступности и качества, усложнения процедур получения в случае ее узкоспециализированного и высокотехнологичного характера, коммерциализации медицинских услуг – в случае со сферой репродуктивного здоровья нередко компенсируемой использованием более современных технологий) приведенные показатели выглядят тревожными. Отсюда важность выработки наиболее эффективного подхода к охране репродуктивного здоровья населения страны.

В документах ООН и ВОЗ, а вслед за ними в национальных документах, репродуктивное здоровье определяется как «состояние полного физического, умственного и социального благополучия, а не просто отсутствие болезней или недугов во всех вопросах, касающихся репродуктивной системы и ее функций и процессов», что предполагает возможность доставляющей удовлетворение и безопасной сексуальной жизни, способность к деторождению и индивидуальному решению вопросов сексуальной жизни и планирования семьи [8]. При этом подчеркивается, что репродуктивное здоровье начинается до и продолжается после годов воспроизводства и тесно связано с социально-культурными факторами, гендерными ролями, а также с соблюдением и охраной прав человека, особенно – но не только – с сексуальностью и личными отношениями [14].

Такой широкий взгляд на репродуктивное здоровье не характерен для самой молодежи. Как показало проведенное исследование, молодые люди мыслят более узко: «Репродуктивное здоровье – это, в моем понимании, возможность беспрепятственно иметь детей, продолжать свой род. ...Термин «репродуктивное здоровье» у меня лично ассоциируется с женским здоровьем, так как от здоровья женщины напрямую зависит здоровье ребенка, а если взять женщин в целом, то и здоровье всего будущего поколения», – говорит участница фокус-группы (ФГ, 2018). Ее мнение разделяют 73,5 % опрошенных калининградских подростков и студентов.

С точки зрения глобальных международных организаций, репродуктивное здоровье выступает предметом охраны, под которой понимается «сочетание методов, способов и услуг, которые способствуют репродуктивному здоровью и благополучию за счет предупреждения и устранения проблем, связанных с репродуктивным здоровьем. Она также включает охрану сексу-

ального здоровья, целью которой является улучшение жизни и личных отношений, а не просто оказание консультативных и медицинских услуг, связанных с репродуктивной функцией и заболеваниями, передаваемыми половым путем». Таким образом, признается право индивида на свободный выбор в отношении собственной сексуальности, репродукции и тела, «право принимать решения в отношении воспроизводства потомства без какой бы то ни было дискриминации, принуждения и насилия» и приоритет интересов индивида по отношению к общественным [8].

В официальных российских документах также ведется речь об охране здоровья. Так, в Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» она определяется как «система мер политического, экономического, правового, социального, научного, медицинского, в том числе санитарно-противоэпидемического (профилактического), характера, осуществляемых... в целях профилактики заболеваний, сохранения и укрепления физического и психического здоровья каждого человека, поддержания его долголетней активной жизни, предоставления ему медицинской помощи» [21]. Однако в реальности чаще всего этот феномен редуцируется до «совокупности учреждений и организаций, выполняющих специфические санитарно-гигиенические и лечебно-профилактические мероприятия» [6], тогда как другие, немедицинские и, прежде всего, поведенческие аспекты во внимание не принимаются (примечательна в этом отношении ст. 2 упомянутого закона, где приводятся определения используемых понятий, среди них преобладают связанные с болезнью и медициной). В обоих случаях речь идет о внешних по отношению к самому индивиду воздействиях, а сам он выступает объектом, а не субъектом деятельности. При этом поведенческий подход, признающий ключевой вклад самого человека в сохранение своего здоровья, пока должного отражения ни в законодательстве, ни в практической деятельности не получил.

Помимо традиции трактовки здравоохранения в преимущественно медикалистском и надындивидуальном ключе, большое значение имеет проявившаяся с конца 1990-х годов и заметно активизировавшаяся в последнее время тенденция к институциональному контролю за семейной и сексуальной жизнью граждан, который, в частности, выражается в постепенном ограничении репродуктивных прав граждан, в первую очередь, женщин, принятии дискриминационного законодательства в отношении ЛГБТ-людей, продвижении идеологии фамилизма и «обязательного материнства» и, в целом, пронаталистской политике государства. Демонстрируемая различными субъектами тревога за репродуктивное здоровье населения, в основном, адресована женщинам (прежде всего, фертильного возраста), что связано с представлениями об их роли в процессах репродукции и необходимости ее регулирования извне. При этом приоритетными оказываются показатели репродуктивного потенциала демографической группы в целом, а не личность женщины и конкретные обстоятельства ее жизни.

Предметом особого беспокойства выступает аборт, который символизирует отказ фертильных женщин выполнять свои репродуктивные функции.

Именно в отношении аборт выдвигается (и реализуется) наибольшее число рестриктивных инициатив. Начиная с 2003 г. сокращаются социальные показания для аборта в сроки от 12 до 22 недель; с 2011 г. введены «дни тишины» (обязательное время ожидания перед проведением аборта), ограничена реклама услуг по прерыванию беременности в частных клиниках, врачи получили право отказываться от проведения аборта; по регионам страны идет волна временных мораториев на проведение абортов, объявляемых региональными минздравами и роддомами [12], продвигаются инициативы по запрету или ограничению вспомогательных репродуктивных технологий, выведению абортов из системы ОМС и даже внесения изменений в Конституцию страны о запрете абортов. Общий пафос подобных инноваций связан с заботой о сохранении жизни плода, тогда как речь о правах и судьбе женщины не идет. Не говорится и о мужском вкладе в проблему: помимо собственно фактора мужского (не)здоровья, эксперты отмечают, что каждая шестая женщина в России идет на аборт, потому что ее партнер не готов к отцовству [11]. В целом, продвигаемый дискурс имеет биополитический характер: женскому телу «вменяются определенные роли и обязательства», в том числе обязанность думать о рождении ребенка не как о личном деле, а как о вкладе в существование нации [22].

При этом вопросы, связанные с реальными факторами риска для репродуктивного здоровья (генетическими, экологическими, поведенческими), практически не обсуждаются, а предлагаемые и предпринимаемые меры по снижению воздействия этих факторов достаточно редки. Напротив, все чаще звучат инициативы, содержащие угрозу не только репродуктивному, но и социальному и психическому здоровью граждан (например, понижение брачного возраста до 14 лет для девочек и до 16 лет для мальчиков).

Таким образом, наблюдается сдвиг трактовки охраны репродуктивного здоровья в нашей стране в сторону одного из ее возможных полюсов – регулирования и *контроля*.

Контроль как одна из функций управления подразумевает оценку состояния и функционирования объекта и определение его отклонений от заданных нормативных параметров. Соответственно, осуществление контроля предполагает установление стандартов (норм, режимов), корректировку отклонений объекта от них (в том числе посредством стигматизации). В отношении репродуктивного здоровья это означает установление норм и предписаний относительно того, как следует реализовывать свою репродуктивность (скольких детей рожать, в каком возрасте, как вести себя во время беременности и после нее), отслеживание соответствия поведения индивидов и групп этим нормам, прежде всего, мониторинг патологий (УЗИ, генетические анализы, регулярное взвешивание беременных, патронаж и регулярные осмотры новорожденных), осуществление наказаний (привлечение к юридической ответственности женщин, намеренных сделать аборт, и врачей, практикующих аборты, в случае их законодательного запрета), мер по предотвращению нарушения нормы (практика отговаривания женщин от аборта, моратории на проведение абортов), стигматизация нарушителей

(аборт как убийство, использование выражения «старородящая», резко негативное отношение к женщинам «чайлд-фри»).

К контролю за репродуктивным здоровьем и репродукцией как таковой следует отнести такие социальные практики и инициативы, как ограничение прав и доступа к методам индивидуального планирования семьи (прерыванию беременности, средствам контрацепции), запрет или ограничение информационно-просветительских программ, касающихся сексуальности и репродуктивного здоровья, отказ от внедрения и развития современных репродуктивных технологий и технологий безопасного аборта, стигматизация выбора, альтернативного пронаталистскому и фамилистскому, и в целом, любая регламентация процессов, связанных с репродукцией или отказа от нее.

Другим возможным подходом к охране репродуктивного здоровья является модель *заботы*. За широко трактуемым понятием заботы могут стоять разнообразные типы социальных отношений: от эмоционального переживания (тревоги, волнения) или дела, задачи, которые необходимо реализовать, до определения чьей-либо деятельности с целью контроля, надзора. Последний вариант востребован в патерналистской идеологии, как содержащий идею отношений зависимости и власти между субъектом и объектом [5]. В случае охраны репродуктивного здоровья, в том числе с учетом того, что основным ее адресатом выступает женская гендерная группа, наиболее релевантным будет подход, трактующий заботу в феминистском ключе.

Феминистская этика заботы, возникшая в 1980-х гг., восприимчива к действительным человеческим потребностям и критично настроена к любым социальным практикам, поддерживающим подчиненное положение женщин. Забота здесь понимается как особый тип отношений с соответствующим набором практик, предполагающий осуществление целенаправленных регулярных и последовательных усилий по обеспечению блага того, о ком заботятся, без навязывания собственного представления о его потребностях и благе. Напротив, ключевыми в понятии заботы являются понимание ситуации (реальности) другого, заинтересованное отношение к нему, установка на содействие его благу (Джоан Тронто, Сара Радек, Нел Ноддинг) [2].

В противовес модели контроля, модель заботы о репродуктивном здоровье основана на доверии и уважении, исключает манипуляции и принуждение, учитывает различия между людьми, не усредняя их и не навязывая нормативной модели семьи, материнства и репродуктивного поведения, она индивидуализирована и нацелена на решение существенных для конкретного человека проблем, порожденных личными биографическими обстоятельствами. С точки зрения заботы, выведение абортов из системы ОМС будет иметь совершенно разные последствия для женщины среднего класса, проживающего в большом городе, и жительницы отдаленного села, не имеющей стабильного заработка.

Исходя из подобного понимания, забота о репродуктивном здоровье включает следующие аспекты, компоненты:

– обеспечение доступа к услугам в области репродуктивного здоровья, включая услуги в области ведения беременности и родов, независимо от возраста, пола, социального, брачного статуса человека и других его особенностей,

– обеспечение доступа к безопасным и эффективным методам планирования семьи и другим методам индивидуального регулирования деторождения, предохранения от ИППП,

– создание безопасных условий жизни и деятельности, включая профилактику репродуктивной токсичности,

– создание условий для развития самосохранительного поведения в целом и в сфере репродукции и сексуальности в частности,

– профилактика насилия, как фактора, негативно воздействующего на репродуктивное, сексуальное и социальное здоровье женщин и детей,

– обеспечение доступа к полной информации о рисках и факторах сохранения репродуктивного здоровья и права человека быть информированным,

– реализация образовательных программ, направленных на формирование репродуктивной и сексуальной культуры, профилактику нарушений репродуктивного здоровья у населения, в первую очередь, у подрастающего поколения,

– ориентация социальных служб, учреждений здравоохранения, просветительских программ на различные возрастные и гендерные группы, включая их дружелюбность детям, подросткам и молодежи.

Часть из них связана с развитием медицинских технологий и общим уровнем социально-экономического развития; соответственно, их коррекция сильно затруднена. Другая – касающаяся распространения информации, просвещения по вопросам репродуктивного здоровья, напротив, обладает большим потенциалом для относительно быстрых и одновременно долгосрочных изменений ситуации. При этом в просветительской работе по вопросам репродуктивного здоровья могут принимать участие (каждая в своем формате) разные институции – собственно государственные структуры, системы образования и здравоохранения, СМИ, организации гражданского общества и тому подобное, что будет усиливать ее эффекты.

Запрос на просвещение в сфере сексуальности и репродукции есть и со стороны самой молодежи, которая в условиях информационного голода пытается самостоятельно искать ответы на встающие по мере взросления и столкновения с проблемами вопросы, либо учится на личном опыте: «О мерах сохранения узнал из интернета, от друзей, от родителей, ну и в ходе общения» (юноша, ФГ 2018); «Общее развитие и личный опыт, никаких источников не изучала» (девушка, ФШ, 2018); «Ища информацию, они черпают ее чаще всего от своих соседок, подружек, даже не из СМИ. ...И отношение к своему здоровью у них соответствующее, что напрямую связано с количеством абортов, отсутствием контрацепции, количеством заболеваний ИППП» (врач-гинеколог, экспертное интервью (далее – ЭИ), 2018). Врачи – участники исследования подчеркивают критический вклад информирования в обеспечение охраны

репродуктивного здоровья: «Просвещение в данном вопросе может в корне вывести эту проблему на другой, более высокий уровень. Информированность в данных вопросах просто необходима» (ЭИ, 2018).

Таким образом, в охране репродуктивного здоровья можно выделить два полярных подхода: контроль, подразумевающий нормативизацию и регулирование репродуктивной жизни граждан в целях достижения надличностных целей, и заботу, напротив, признающую право самого человека принимать решения относительно репродуктивного здоровья и обеспечивающую благоприятные условия для того, чтобы эти решения были максимально осмысленными и фундированными. Очевидно, что в содержательном смысле эти феномены могут пересекаться, но их ценностные основания различны, а используемые практические инструменты нередко ситуативны или даже субъективны.

Выбор модели, ее близость к одному из полюсов зависят и от субъекта охраны репродуктивного здоровья молодежи. Субъекты, среди которых особенно стоит отметить государство, системы образования и здравоохранения, семью, общественные и религиозные организации, а также саму молодежь, базируют свою деятельность на разных подходах, соотношение которых в значительной степени определяет ситуацию в сфере репродуктивного здоровья молодежи и, соответственно, перспективы развития страны в плане демографии и человеческого капитала.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алимбиева, А.В. Самоохранительное поведение обучающихся: проблемные области / А.В. Алимбиева, Е.А. Прасова // Вестник БФУ. Педагогические и психологические науки. – 2011. – Вып. 11. – С. 68–74.
2. Артемьева, О.В. Этика заботы: феминистская альтернатива классической философии / О.В. Артемьева // Этическая мысль / Отв. ред. А.А. Гусейнов. – М.: ИФ РАН, 2000. – Вып. 1. – С. 195–215.
3. Бантьева, М.Н. Состояние проблемы аборт в России в динамике за 2008–2015 гг. / М.Н. Бантьева // Акушерство, гинекология и репродукция. – 2016. – Т. 10, № 3. – С. 47–52.
4. Бахалова, Н.В. Не завышено ли число аборт в России? / Н.В. Бахалова // Демоскоп Weekly. – 2007. – № 311–312. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2007/0311/gerprod01.php>
5. Богданова, Е.А. Регулирование правовых отношений в условиях неправового общества: опыт последних советских десятилетий / Е.А. Богданова // Интернет-журнал «Культура и общество». Рег. №2006-1-Б1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.e-culture.ru/Articles/2006/Bogdanova.pdf>
6. Войцехович, Б.А. Общественное здоровье и здравоохранение / Б.А. Войцехович. – Ростов н/Д, 2007.
7. Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml
8. Доклад Международной конференции по вопросам народонаселения и развития, Каир, 1994. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.unfpa.org/sites/default/files/event-pdf/icpd_rus.pdf
9. Здравоохранение в России в 2017 году. Статистический сборник. – М., 2017.
10. Землянова, Е.В. Потери потенциальных рождений в России из-за проблем, связанных со здоровьем / Е.В. Землянова // Социальные аспекты здоровья населения. Электронный научный журнал. – 2016. – № 2(48). – Режим доступа: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/742/30/lang.ru/>
11. Краснопольская, И. Люблю – не могу. Каждая шестая женщина в России идет на аборт, потому что ее муж не готов к отцовству / И. Краснопольская // Российская газета. – № 6721(150). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://rg.ru/2015/07/10/demografiya.html>

12. Мораторий на аборты объявлен в просветительских целях // Коммерсант. – 2018. – 12 августа. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3706048>
13. Основные показатели здоровья матери и ребенка, деятельность службы охраны детства и родовспоможения в Российской Федерации: ФГБУ «Центральный научно-исследовательский институт организации и информатизации здравоохранения» Минздрава Российской Федерации, 2018. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://mednet.ru/ru/statistika/materinstvo-i-detstvo.html>
14. Репродуктивное здоровье. Доклад секретариата Всемирной организации здравоохранения на 57-й сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения. 15 апреля 2004 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/22407/A57_13-ru.pdf;jsessionid=656A89983BE016089A283935E1C96A1A?sequence=1
15. Сакевич, В. Аборты в мире: неравномерная динамика и неравный доступ / В. Сакевич // Демоскоп Weekly. – 2018. – № 773-774. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2018/0773/barom02.php>
16. Сакевич, В. Как государству бороться с абортами? / В. Сакевич // Медуза. – 2015. – 13 февраля – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://meduza.io/cards/kak-gosudarstvu-borotsya-s-abortami>
17. Сакевич, В. От аборта к контрацепции / В. Сакевич // Демоскоп Weekly. – 2016. – № 687-688. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0687/tema03.php>
18. Сакевич, В. Сколько в мире бесплодных пар? / В. Сакевич // Демоскоп Weekly. – 2013. – № 559-560. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0559/reprod01.php>
19. Сакевич, В. Уровень подростковых беременностей в развитых странах снижается, но различия между странами сохраняются / В. Сакевич // Демоскоп Weekly. – 2015. – № 635-636. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0635/reprod02.php>
20. Сведения о беременности с абортивным исходом (форма № 13) // Формы федерального государственного статистического наблюдения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52009/0e18c634d1f647ce628b2535cb61c426c2e86b28/
21. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации (с изменениями на 3 августа 2018 года). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://docs.cntd.ru/document/902312609>
22. Щурко, Т. «Обязательное материнство»: репродуктивное тело женщины как объект государственного регулирования (на материале газеты «Советская Белоруссия») / Т. Щурко // Laboratorium. – 2012. – № 2. – С. 69–90.

УДК 316.34

ББК 60.52

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАКТИК ПОТРЕБЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (региональный аспект)

THE TRANSFORMATION OF PRACTICES OF CONSUMPTION IN CONDITIONS OF ECONOMIC CRISIS IN MODERN RUSSIA (regional aspect)

ФОКИНА Ольга Анатольевна

Волгоградский государственный университет,
Волгоградская государственная академия
последипломного образования, Волгоград, Россия
E-mail: olfa60@yandex.ru

FOKINA Olga A.

Volgograd State University,
Volgograd state Academy of postgraduate
education, Volgograd, Russia
E-mail: olfa60@yandex.ru

Аннотация. На основе эмпирических данных, в том числе полученных автором в результате проведения серии опросов по изучению практик потребления жителей Волгоградской области, проводится изучение изменений потребительского поведения жителей под влиянием социально-экономических кризисов 2008, 2014, 2016 гг. В результате автор приходит к выводу о постепенном, на протяжении ряда лет, упрощении, свертывании потребительских практик, которые формируют модели потребления, направленные не на повышение качества жизни, а на сохранение достигнутого уровня жизни, в худшем случае – выживания граждан. Все это свидетельствует о тревожной тенденции постоянного недоинвестирования в развитие человеческого капитала.

Ключевые слова: практики потребительского поведения, свертывание потребительских практик, потребительские расходы, развитие человеческого капитала, уровень и качество жизни.

Abstract. On the basis of empirical data, including those obtained by the author as a result of a series of surveys on the study of consumption practices of residents of the Volgograd region, the study of changes in consumer behavior of residents under the influence of socio-economic crises in 2008, 2014, 2016. as a result, the author comes to the conclusion about the gradual, over a number of years, simplification, curtailing consumer practices that form consumption models aimed not at improving the quality of life, but at maintaining the achieved standard of living, in the worst case – the survival of citizens. All this indicates a disturbing trend of constant underinvestment in the development of human capital.

Keywords: consumer behavior practices, curtailment of consumer practices, consumer spending, human capital development, level and quality of life.

Изменения в социально-экономической жизни общества неизменно отражаются на повседневных практиках граждан и их социальном самочувствии. По сути, потребительские практики выступают проекцией отношений индивида к социальной действительности. Изменения в социально-экономической реальности ведут к трансформации ценностей, норм, установок, изменению моделей поведения, что отражается и на потребительских практиках. Сущность современных потребительских практик заключается не только в удовлетворении повседневных, жизненно необходимых потребностей – посредством потребления каждый идентифицирует себя с определенной социальной группой, позиционирует свой стиль жизни, в потреблении находит отражение уровень и качество жизни индивида, повышение/понижение капитализации (как экономической, так и социальной) и эффективности жизнедеятельности человека.

«Необходимо учитывать, что человеческое поведение, в том числе и потребительское, является не только реактивным, вызываемым рефлексами, привычками или защитными механизмами, но и проактивным, то есть наступательным, творческим, стратегичным... Человек является не только адаптивным, но и адаптирующимся существом» [6, с. 111–112]. Потребитель вынужден постоянно адаптироваться к изменениям в социально-экономической сфере, при этом изменяя свое отношение к вызовам рынка. В конце XX – начале XXI вв., согласно исследованиям И.В. Василенко, не сумевших адаптироваться к рыночным отношениям насчитывалось 37,2 % жителей Волгоградской области, около половины обследованных (47,5 %) считали, что они в целом приспособились к новым социально-экономическим реалиям; полностью приспособившихся насчитывалось около 1,5 % [1, с. 145]. Соответственно, от уровня адаптации к рыночным условиям зависело и социальное самочувствие волгоградцев, и их невысокая оценка своего материального положения.

Однако уже в 2008 г. более 80 % волгоградцев считали материальное положение своей семьи как «хорошее» и «удовлетворительное»; негативная оценка своего материального положения («плохо» или «очень плохо») встречалась у каждого пятого опрошенного (18,7 % респондентов). Более 50 % оп-

рошенных ответили, что их «в целом устраивает» их жизнь; отрицательные эмоциональные оценки своей жизни встретились у каждого пятого респондента (19,2 %) [4].

В конце 2016 г., согласно опросу, проведенному автором (N=811, объект исследования – взрослое население в возрасте 18–70 лет; выборка стратифицированная (по признаку «тип поселения»), квотирование проводилось по признакам: пол и возраст; метод сбора информации – формализованное интервью по месту жительства респондента), большинство жителей Волгоградской области оценивали свое материальное положение как невысокое – «среднее» (около 57 % горожан и свыше 50 % жителей сельской местности), при этом «хорошим» считают свое положение 25,4 % респондентов, «плохим» – 16,5 %, «очень плохим» – 3,5 % опрошенных. Как видно, негативная оценка своего материального положения в доле опрошенных не изменилась – последние 8–9 лет пятая часть респондентов недовольна своей материальной обеспеченностью.

Тем не менее, как отмечается в отчете по итогам социально-экономического развития Волгограда за 2013 год, даже в период кризиса 2008–2010 гг. потребительские расходы волгоградцев не уменьшились – изменилась структура потребления в сторону увеличения расходов на товары и услуги, которые удовлетворяют базовые социальные потребности: по трети всех расходов волгоградцев пришлось на оплату услуг ЖКХ и услуг правового характера. Развитие телекоммуникационных технологий увеличило траты населения на оплату услуг связи (сотовая, телефонная, Интернет) – 14 % в структуре расходов. Доля расходов на бытовые услуги и услуги транспорта составила примерно по 10 % [2].

Фонд изучения общественного мнения (ФОМ) отмечает (май, 2017 г.), что признаки кризиса россияне видят, прежде всего, в «необоснованном повышении цен», «росте цен практически на все жизненно необходимые товары» и снижении уровня жизни: «недостаток в семьях, денег не хватает», «пенсионеры живут в бедности»: на инфляцию, рост цен и тарифов указали 30 % респондентов; снижение уровня жизни людей, их доходов, задержки или уменьшение выплат – 29 % опрошенных [5].

С 2012 года автором проведено три волны изучения потребительского поведения волгоградцев. Следует остановиться на результатах опроса в кризисные периоды социально-экономического развития региона. В сентябре 2014 г. автором был проведен опрос (N=282, выборка стратифицированная) с целью изучения изменения потребительского поведения волгоградцев под влиянием снижения социально-экономических показателей развития Волгоградской области в 2012–2014 гг., результат которого был соотнесен с результатом опроса 2012 г. (N=1200, выборка стратифицированная). Несмотря на малый объем выборки в 2014 г., исследование позволило выявить ряд тенденций изменения потребительского поведения по сравнению с 2012 г.: волгоградцы стали более практичны в приобретении товаров и услуг – наблюдалась тенденция приобретения, ориентированная не на моду, марку и т. д. (в 2012 г. – около 30 % опрошенных, в 2014 г. – около 20 % респондент-

тов), а на необходимость блага и его цену (в 2012 г. – 25 % опрошенных, в 2014 г. – 62 % респондентов). Большинство опрошенных признались, что предпочитают скопить нужную сумму на покупку, в противном случае отказываются от намерений приобретения (если в 2012 г. – 39 % респондентов, то в 2014 г. – более 50 %). В условиях кризисных явлений наметилась тенденция реализации потребительской стратегии выживания.

В 2016 г. около трети респондентов Волгоградской области признались, что живут в режиме постоянной экономии, еще около 20 % указали, что им в последнее время «пришлось начать экономить»; половина опрошенных волгоградцев тратят на питание от 50 до 75 % (см. таблицу).

Доля дохода населения Волгоградской области, которую респонденты тратят на питание, %

Оцените долю своего дохода, которую Вы тратите на питание	Процент ответивших
Менее 25 %	12,8
Около трети дохода	37,2
Около 50 % дохода	17,3
Около двух третей	26,9
Более 75 %	5,7
Затрудняюсь ответить, отказ	

Более половины опрошенных Волгоградской области не имеют стратегического запаса – отложенных денег. Среди тех, кто откладывает деньги, чаще всего на вопрос о цели накопления указывается ответ «на всякий случай, на черный день» (рис. 1).

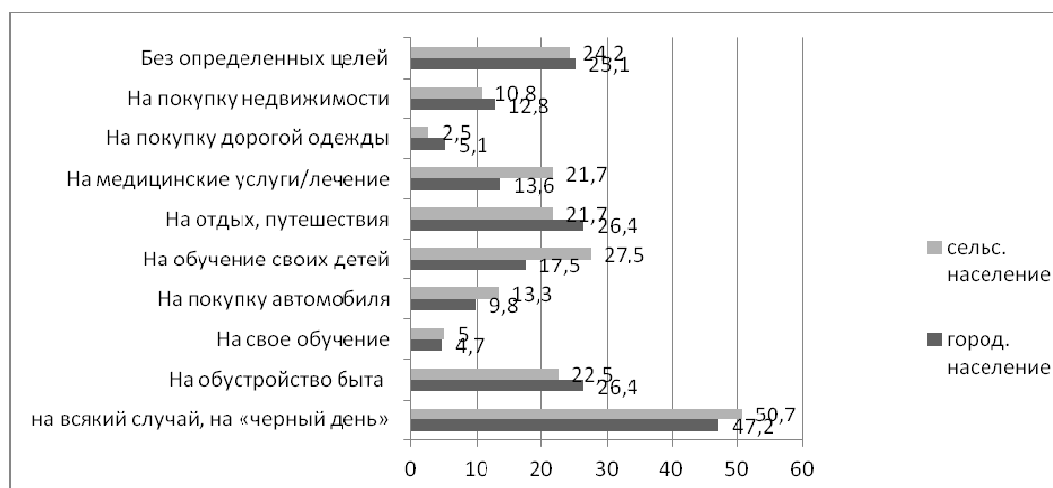

Рис. 1. Цели сбережения населения Волгоградской области, %

Как показывают результаты опроса населения Волгоградской области, несмотря на кризисную ситуацию в РФ и в регионе, среди тех, кто имеет на-

копление, достаточная доля респондентов, указывающая на приоритетность таких целей, как «обучение своих детей», «медицинские услуги, лечение» (доля респондентов сельской местности по данному вопросу превышает долю горожан – см. рис. 1); на цель сбережения «отдых, путешествия» чаще селян указывают городские респонденты.

Несмотря на то, что развитию потребительских практик способствуют новые форматы предоставления товаров и услуг – увеличение числа торгово-развлекательных центров как пространства гипер- и мультиформатного потребления, волгоградцы в основном пользуются услугами торговых площадей ТРЦ, попутно совмещая покупки с каким-либо развлечением (41,8 % респондентов), покупают только продукты в ТРЦ около 27 %; меньше рассматривают торгово-развлекательный центр как зону отдыха и досуга (6,22 % опрошенных).

Как показывают результаты опроса населения Волгоградской области, несмотря на широкую представленность товаров и услуг различных мировых и отечественных брендов, мотивы экономии, рациональности являются основными для респондентов при выборе потребительского блага. Программы лояльности к покупателям, распродажи, скидки становятся более значимыми факторами при покупке, чем мнение окружающих, мода, принадлежность товара к определенной марке, бренду. Основные мотивы потребления рациональны: покупатели на первое место выдвигают необходимость приобретения блага, его стоимость и качество, при этом для горожан преобладающим фактором приобретения становится качество товара или услуги, жители сельской местности в первую очередь обращают внимание на необходимость и стоимость (рис. 2).

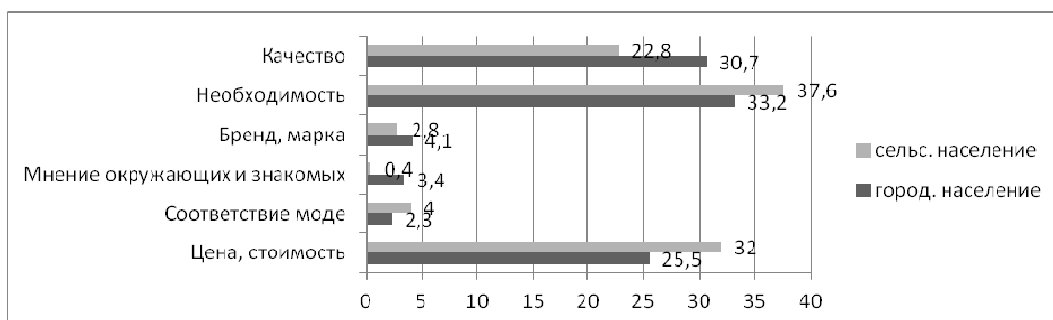

Рис. 2. Мотивы приобретения потребительского блага населения Волгоградской области, %

На рациональность потребительского поведения и тенденцию к реализации стратегии сбережения указывает тот факт, что две трети опрошенных при отсутствии денег на потребительское благо скорее откажутся от него (31,7 % городских респондентов и 34 % селян соответственно) или постараются скопить нужную сумму (36,7 % горожан и 31,6 % селян соответственно), чем возьмут в кредит или займут деньги у родных и знакомых, при этом разница в поведении ответивших горожан и жителей сельской местности незначительна (рис. 3).

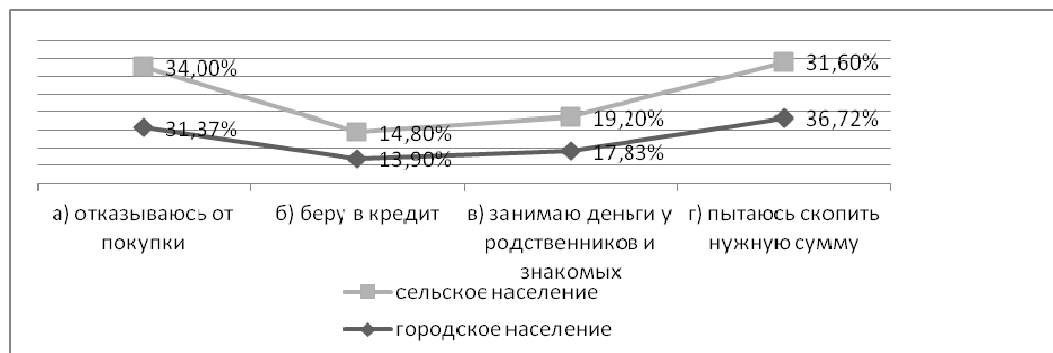

Рис. 3. Выбор модели потребительского поведения населения Волгоградской области в случае недостатка денег при необходимости покупки, %

Рациональность мотивов потребления обнаруживается и при совершении интернет-покупок: экономия денег (55,61 % ответивших респондентов-горожан и 57,14 % респондентов сельской местности) и времени (25,37 % горожан и 25,4 % жителей сельской местности), возможность приобретать товары за рубежом, не выезжая из дома (14,15 % горожан и 14,29 % селян соответственно) являются основными факторами интернет-потребления у населения Волгоградской области. Незначительна доля опрошенных, указывающих на современность подобных потребительских практик (3 % респондентов сельской местности, 4,5 % опрошенных горожан).

Проведенный опрос позволяет сделать вывод о том, что население Волгоградской области в реализации потребительских практик воспроизводит модель рационального поведения, обусловленную низким уровнем жизни: в первую очередь решаются жизненно значимые задачи выживания в сложных социально-экономических условиях. Несмотря на широкую возможность реализации потребительских запросов, потребители ориентируются на размер своего кошелька, с осторожностью откликаются на кредитные предложения банковской сферы: около половины опрошенных заявили, что пользуются кредитами, однако 22,4 % и горожан, и жителей сельской местности делают это «только в крайнем случае».

Таким образом, практики потребления жителей Волгоградской области в условиях экономического кризиса 2014, 2016 гг. свидетельствуют о том, что население все чаще демонстрирует модели потребления, направленные больше на сохранение достигнутого уровня жизни, а не на его повышение. В условиях последнего кризиса наметилась большая поляризация населения по сравнению с 2012–2014 гг.

Экономия на самом необходимом свойственна не только жителям Волгоградской области. По данным ФОМ (февраль, 2017 г.), потребители либо стараются покупать продукты более дешевых марок (30 % опрошенных), либо отказываются от покупки некоторых продуктов (21 % респондентов), при этом больше всего семьи экономят на мясе, птице (24 % опрошенных), сыре, колбасе (20 % опрошенных), рыбе, морепродуктах и фруктах (по 16 % респондентов); среди непродовольственных товаров – одежда и обувь (24 % респондентов) [5].

Как видно, низкий уровень жизни приводит к постоянному свертыванию, упрощению потребительских практик населения, недоложению в развитие человеческого капитала, соответственно, сказывается на качестве жизни россиян.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Василенко, И.В.* Региональная психика: традиции и новации : монография / И.В. Василенко. – Волгоград : Политехник, 2001. – 212 с.
2. Итоги социально-экономического развития Волгограда за 9 месяцев 2013 года и ожидаемые итоги за 2013 год / Официальный сайт администрации Волгограда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.volgadmin.ru/ru/MPEconomics/Economics2013-09.aspx>, свободный
3. Кризис: ощущения россиян / ФОМ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://fom.ru/Ekonomika/13337>, свободный
4. Общественное мнение о приоритетах и направлениях устойчивого развития Волгограда: аналитический отчет / Агентство маркетинговых коммуникаций «Вьюпоинт», август-ноябрь 2008 года – Волгоград, 2008. – 146 с.
5. Покупка продуктов и экономия / ФОМ [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://fom.ru/Ekonomika/13337>, свободный
6. Потребление и стабильность общества / С.А. Щавель [и др.] : Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т социологии. – Минск : Беларус. навука, 2010. – 314 с.

УДК 364.017

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
МЕДИКО-СОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ:
ТЕХНОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА**

**INSTITUTIONAL ANALYSIS OF
MEDICO-SOCIAL REHABILITATION:
TECHNOLOGY AND SOCIAL PRACTICE**

ЧИЖОВА Валерия Михайловна

Волгоградский государственный
медицинский университет
Минздрава России, Волгоград, Россия
E-mail: chijowa.valeria@yandex.ru

ГАВРИЛОВА Ирина Сергеевна

Волгоградский государственный
медицинский университет
Минздрава России, Волгоград, Россия
E-mail: chijowa.valeria@yandex.ru

ТОКИНА Валерия Алексеевна

Волгоградский государственный
медицинский университет
Минздрава России, Волгоград, Россия
E-mail: chijowa.valeria@yandex.ru

CHIZHOVA Valeria M.

Volgograd State Medical University
of the Ministry of Healthcare of the Russian
Federation, Volgograd, Russia
E-mail: chijowa.valeria@yandex.ru

GAVRILOVA Irina S.

Volgograd State Medical University
of the Ministry of Healthcare of the Russian
Federation, Volgograd, Russia
E-mail: chijowa.valeria@yandex.ru

TOKINA Valeria A.

Volgograd State Medical University
of the Ministry of Healthcare of the Russian
Federation, Volgograd, Russia
E-mail: chijowa.valeria@yandex.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается медико-социальная реабилитация как неотъемлемая технология социальной работы по повышению качества жизни пациентов на примере онкологических пациентов. Активное позиционирование данного вида деятельности в системе здравоохранения невозможно без рассмотрения ее институциональности. На основе методологического анализа в статье делается акцент на том, что данная социальная технология, имеющая свои специфические цели и задачи, примененная на практике, оказывает более широкое воздействие на социальную реальность, а она такова, что существование специализированных реабилитационных служб, включая социальные, зависит от сознательности руководства и финансового благополучия региона. Тем не менее существует насущная проблема в обсуждении функциональных особенностей данного вида деятельности и введения его в социальную практику.

Ключевые слова: медико-социальная реабилитация, социальная технология, социальная практика, агент.

Abstract. This article is devoted to medical and social rehabilitation as an integral technology of social work to improve the life quality of patients, for example cancer patients. Active positioning of this activity in the health care system is impossible without considering its institutionality. Taking into account methodological analysis, the article stresses on this social technology, which has its own specific aims and objectives, implied in practice, and has a wider impact on social reality, since specialized rehabilitation services, including social ones, depend on the consciousness of the authorities and financial well-being of the region. However, the discussion of the functional characteristics of the activity and introducing it into social practice is of great importance nowadays.

Keywords: medical and social rehabilitation, social technology, social practice, social agent.

Актуальность. С развитием медицинских технологий ранней диагностики и лечения онкологических заболеваний появилась и серьезная необходимость в реабилитации пациентов. Полный цикл мероприятий, приводящий к выздоровлению, будет завершен только тогда, когда пациент пройдет реабилитацию, причем не только медицинскую, но и социальную, поскольку онкологическое заболевание может приводить к инвалидизации с полным набором социально детерминированных проблем. Если медицинская реабилитация входит в программу ОМС, то социальная реабилитация остается в тени, что ведет к деструкции социальных ролей пациента и не только его социального окружения (родственники, друзья, работодатели) но, учитывая множественные связи в современном обществе, это влияет на более широкое окружение, в конечном счете, в целом на общество. Данная ситуация приводит к потере человеческих ресурсов и снижению человеческого потенциала в обществе, поэтому исследование возможных существенных стратегий медико-социальной реабилитации является ответом на потребность общества в социальном оздоровлении большого количества людей.

Проблема реабилитации онкологических пациентов рассматривается в ряде исследований (Бажин Е.Ф., Гнездилов А.В., 1983, Асеев А.В. и др., 1995; Алясова А.В. и др., 2002; Терентьев И.Г. и др., 2004), а также активно обсуждается на международном онкологическом форуме «Белые ночи» в г. Санкт-Петербурге, но только с медицинской стороны. На сегодняшний день реабилитация не полностью отвечает удовлетворению потребностей онкологических пациентов, остается множество нерешенных социальных задач, которые существенно снижают качество жизни пациента, а также его социального окружения, и, на взгляд авторов, данные задачи должны решаться в рамках медико-социальной работы.

Результаты. Медико-социальная работа – это социальная работа, нацеленная на повышение качества жизни пациента и его социального окружения. Одной из важных технологий социальной работы является реабилитация. Соответственно, медико-социальная реабилитация – это технология

медико-социальной работы. Задачи медико-социальной реабилитации специфичны не только для каждого этапа оказания медицинской помощи, но и зависят от жизненной ситуации онкологического пациента. Особенностью технологии медико-социальной реабилитации является удовлетворение потребности пациентов в особых услугах, которые не являются медицинскими, но имеют непосредственное влияние на здоровье и качество жизни пациента, а также его социального окружения.

Весьма перспективным представляется рассмотрение медико-социальной реабилитации с точки зрения институционального подхода. Во-первых, институциональность как совокупность социальных статусов и, соответственно, прав и обязанностей предполагает деперсонализацию акторов социального взаимодействия [4]. В таком случае медико-социальная реабилитация становится регламентированным процессом, а деятельность его участников регулируется соответствующими нормами. И если технология медико-социальной реабилитации для акторов деперсонализирована, то социальная практика медико-социальной реабилитации для агентов, напротив, персонализирована. Врач и пациент осуществляют действия в рамках своего социально-культурного поля, и данное поле непосредственно влияет на формирование их габитуса. Специалист по социальной работе должен уметь адаптировать технологию медико-социальной реабилитации, с учетом социальной практики учитывая габитус участников, в этом и возникает сложность в стандартизации взаимодействия.

Во-вторых, нормы могут быть внутриинституциональными, поли- и межинституциональными. Все три типа норм характерны для медико-социальной реабилитации. Например, межинституциональные включают в себя нормы как неофициальные, так и официальные. К примеру, последние разработаны Министерством здравоохранения РФ, а также Министерством труда и социальной защиты РФ. И, несмотря на то, что стратегические цели данных социальных институтов могут совпадать (восстановление утраченных способностей и возвращение работоспособности), то тактические цели различаются. Целью здравоохранения является качественное лечение и медицинская реабилитация, которая связана с экономической стороной (экономический эффект – восстановление работоспособности индивида, предупреждение патологических процессов, которые могут приводить к стойкой потере трудоспособности и инвалидности). Тактическая цель Министерства труда и социальной защиты, касающаяся рассматриваемой проблемы – обеспечить социальной и материальной помощью социально- незащищенные слои населения. Данное обеспечение необходимо для достижения экономического эффекта, который заключается в повышении качества человеческого капитала, выражающегося в количестве здоровых и материально обеспеченных людей. В том случае, когда люди ощущают социальную поддержку, а также убеждены в ней, только тогда общество становится более интегрированным и стабильным.

Объединяющая цель данных министерств может заключаться в повышении здоровья и качества жизни населения. И достижение этой цели возможно только путем совместно разработанных нормативных документов.

В соответствии с разработанными нормативными документами Министерства труда и социальной защиты населения РФ социальная реабилитация предписывается пациенту только после признания его инвалидом и является вторичной по отношению к медицинской. Но не стоит забывать, что у пациента на всех медицинских этапах (диагностика, лечение, медицинская реабилитация) возникают социальные проблемы (трудное финансовое положение, не с кем оставить детей на длительное время и др.), решение которых влияет на успешность лечения и качество жизни. И для того, чтобы достичь объединяющей цели двух министерств, необходимо осуществлять социальную реабилитацию с момента установления диагноза. Но для этого необходимо разработать стандарт межведомственного взаимодействия специалистов, учитывая нормы различных министерств.

В законодательных актах РФ инвалидность определяется как социальная недостаточность вследствие нарушения здоровья со стойким расстройством функций организма, приводящего к ограничению жизнедеятельности и необходимости социальной защиты (Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации»). В связи с задачей снизить социальную недостаточность инвалидов, правительством РФ было принято решение изменить подведомственное подчинение медико-социальной экспертизы Министерству труда и социальной защиты РФ.

Как же в реальности обстоят дела со снижением социальной недостаточности среди онкологических пациентов? За счет успешного лечения и медицинской реабилитации онкологических пациентов удается достичь повышения показателей продолжительности жизни. Но на данных медицинских этапах социальные вопросы остаются нерешенными, и это в свою очередь отрицательно влияет на показатели качества жизни.

Учитывая, что онкологическое заболевание имеет свои особенности не только физиологического (изменение тела и др.) и психологического характера (танатофобию и др.), но и влечет за собой социальные изменения как самого пациента, так и его социального окружения (связанные с изменением режима труда и качеством работы; материальные, связанные с затратами на лечение). И одна из задач медико-социальной реабилитации – помочь справиться с данными проблемами. Анализ интернет-форумов («Рак победим» и др.) показывает, что аспект социальной реабилитации малоинтересен как пациентам, так и другим агентам взаимодействия. По мнению авторов, это связано с тем, что медико-социальная экспертиза является последним этапом, где прописывается социальная реабилитация, затем она не отслеживается и представляет личное дело пациента, который воспринимает ее как бытовой уровень.

Медико-социальная реабилитация – это не две реабилитации (медицинская и социальная), а социальная реабилитация пациента и его социального окружения, направленная на повышение качества жизни в отношении здоровья, и ее необходимо оказывать с момента установления диагноза.

В-третьих, институциональный подход включает анализ действий акторов медико-социальной реабилитации: медицинский персонал, родствен-

ники, друзья, пациенты, работодатели и др. Их права и обязанности, и соответственно, нормы не только различны, но и часто не согласованы. Нормы ведения онкологического пациента с медиками одни, а для специалиста по социальной работе они другие. Очень часто врачи отмечают, что социальная жизнь пациента (социально-психологические установки, образ жизни) может способствовать или препятствовать его лечению. Но врач, работающий согласно принятым стандартам в здравоохранении, не может учесть все социально-психологические особенности, да это и не входит в его обязанности. Специалист по социальной работе в системе здравоохранения рассматривает пациента с позиции биосоциального подхода, оказывает социальную помощь и материальную поддержку пациенту, учитывая медицинские аспекты.

Идея П. Штомпки о том, что социальное взаимодействие происходит в социальном поле, где социальная реальность представлена в виде социальной ткани, образованной за счет самых разнообразных связей между агентами на различных уровнях (межличностном, профессиональном, институциональном), приводит к пониманию того обстоятельства, что любая социальная технология, имеющая свои специфические цели и задачи, примененная на практике, оказывает более широкое воздействие на ткань социальной реальности. Поэтому весьма важен социологический анализ медико-социальной реабилитации не только как институализированной технологии, но и как социальной практики.

Социальная практика рассматривается П. Бурдые, Э. Гидденсом, а также отечественными учеными Т. Заславской, В. Ядовым, Ф. Девятко, Н. Антоновой и др. На основе изучения работ авторов мы пришли к выводу, что социальная практика – это взаимодействие агентов, образующее устойчивые связи, протекающие во времени и пространстве и создающее определенное социальное поле. П. Бурдые в отличие от П. Штомпки подчеркивает значение социально-культурных полей.

Для того чтобы показать каким образом медико-социальная реабилитация выступает как социальная практика, перспективным является использование понятие *habitus*, которое вводит П. Бурдые и определяет его как систему диспозиций, «прочных приобретенных предрасположенностей», порождающих и структурирующих социальную практику агента и его представления [1]. Когда происходит анализ социальной практики, уместно применение современной деятельностно-активистской парадигмы, согласно которой социальные субъекты именуется «агентами» (а не акторами!). Термином «агент» обозначается активно действующий субъект, чья деятельность производит или причиняет какой-то результат. Далекое не всегда социальные агенты способны предвидеть и контролировать отдаленные последствия своей деятельности, то есть они не избавлены от наступления непредвиденных («эмерджентных») и подчас разрушительных исходов сознательных усилий [3].

Социальная практика медико-социальной реабилитации по-разному проявляется в различных регионах РФ. Например, в московских учрежде-

ниях онкологического профиля есть медико-социальные службы, а в волгоградских учреждениях данного профиля нет даже специалиста по социальной работе.

Сами пациенты – не пассивные объекты воздействия, это субъекты, осуществляющие социальные действия и обеспечивающие таким образом взаимодействие всех участников лечения. При этом социальные действия являются, с одной стороны, нормативными, а с другой – спонтанными.

Сегодня пациент и его социальное окружение выстраивают свои взаимодействия преимущественно в рамках патерналистской модели. При такой модели взаимодействий пациенты и их родственники не принимают на себя ответственность за свои действия в отношении здоровья. Данная модель поведения является исторически сложившейся и влияет на габитус пациента и его родственников. Но на данный момент в медицине приоритетной моделью взаимодействия со стороны врачей является партнерская, в которой каждый несет ответственность за свои действия для достижения совместной цели. И для достижения цели медико-социальной реабилитации необходимо построение взаимодействий между участниками в рамках данной модели.

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) рассматривает реабилитацию, как «комбинированное и координируемое применение медицинских, физических, социальных, педагогических и профессиональных мероприятий с целью подготовки или переподготовки (переквалификации) больного или инвалида на оптимум его трудоспособности». Таким образом, по определению ВОЗ, реабилитация представляет собой совокупность мероприятий, призванных обеспечить активную социальную жизнь лицам с нарушениями функций в результате болезней, травм и врожденных дефектов. В современном понимании реабилитация предполагает включение в зону своей ответственности широкий круг профессиональных лиц, которые осуществляют реабилитационные мероприятия с различными группами пациентов.

Выводы. Сущность реабилитации может быть глубже понята с позиций системного подхода, который рассматривается уже социологами, а не медиками. С точки зрения данного подхода, реабилитация представляет одновременно и цель (восстановление и сохранение статуса личности), и процесс (имеющий биопсихологические и социальные механизмы), и метод подхода к человеку, нуждающемуся в реабилитации. Реабилитация – это система отношений «человек – среда», где человек выступает как организм и личность, как открытая система, а среда как единство биологических и социальных факторов [2]. Упомянутая в данном определении среда и является социальным полем, о котором говорили в своих работах П. Штомпка, П. Бурдье, В. Ядов. Если рассмотреть реабилитацию в контексте социального поля, то получается, что социальная реальность представляется межличностной реальностью, в которой существует сеть связей, привязанностей, зависимостей, обменов, отношений личной преданности. Иными словами, она является специфической общественной средой, или тканью, соединяющий людей друг с другом [5]. На взгляд авторов, процесс реабилитации также мож-

но рассматривать как социальное поле, где ткань состоит из взаимодействий агентов.

Человек – это целостная личность. Если для врача стоит на первом месте лечение, то для пациента и его социального окружения важным также являются вопросы социального характера, которые возникают на каждом из этапов жизненной ситуации (диагностика, лечение, реабилитация). При осуществлении медико-социальной реабилитации на каждом из этих этапов взаимодействия каждого агента будут определяться задачами. И правильно выстроенное взаимодействие агентов медико-социальной реабилитации, которое будут отвечать потребностям онкологических пациентов, позволит повысить их качество жизни и социального окружения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бурдые, П. Структуры, habitus, практики / П. Бурдые // Современная социологическая теория: Бурдые, Гидденс, Хабермас: учеб. пособие / под. ред. А. Леденевой. – Новосибирск, 1995. – 120 с.
2. Кулебякин, Е.В. Психология социальной работы: учеб. пособие / Е.В. Кулебякин. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2004. – 85 с.
3. Оберемко, О.А. Общетеоретические подходы к анализу социального развития и социальных изменений / О.А. Оберемко, В.А. Ядов // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ: учеб. пособие / под ред. В.А. Ядова. – М.: Флинта, 2005. – С. 10–44.
4. Смелзер, Н. Социология / Н. Смелзер ; пер. с англ. – М.: Феникс, 1994 – 688 с.
5. Штомпка, П. Социология социальных изменений / П. Штомпка ; пер. с англ., под ред. В.А. Ядова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.

УДК 37.013.73
ББК С 60

СУБЪЕКТНЫЙ ПОДХОД В ИЗМЕРЕНИИ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

SUBJECT APPROACH IN MEASUREMENT OF QUALITY OF EDUCATION: SOCIOLOGICAL FOUNDATIONS

ПОЛЕЖАЕВ Дмитрий Владимирович

Волгоградская государственная академия
последипломного образования,
Волгоград, Россия
E-mail: polezh@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме философского осмысления субъектного подхода в современном российском образовании. Поиск наиболее общих методологических основ образования предполагает выстраивание убедительных прогностических моделей в отношении результативности и качества учебно-воспитательного процесса. Принцип субъектности рассматривается автором как равный принципу ответственности за конечный продукт и общие результаты образования.

Ключевые слова: образование, воспитание, субъектный подход, социология, философия, качество образования, прогнозирование.

POLEZHAYEV Dmitriy V.

Volgograd State Academy
of Postgraduate Education,
Volgograd, Russia
E-mail: polezh@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of philosophical interpretation of the subject approach in modern Russian education. The search for the most general methodological bases of education presupposes the construction of convincing forecast models with respect to the effectiveness and quality of the educational process. The principle of subjectivity is considered by the author as equal to the principle of responsibility for the final product and the overall results of education.

Keywords: education, upbringing, subject approach, sociology, philosophy, quality of education, forecasting.

Современное осмысление проблемы качества российского образования заставляет исследователей задуматься как об истоках и составляющих образования как социального феномена, его формирующем влиянии на наличную действительность, так и о философском осмыслении феномена качества образования, рассматриваемого через призму точек зрения различных участников образовательного процесса – субъектов. Поскольку образование как социальная система представляет собой большой в социальном измерении феномен, следует обозначить и некоторые составляющие вопросы, связанные с проблемой качества образования в социологическом понимании.

Возможны, конечно, самые различные подходы к измерению образования в целом и его результативности для самореализации в социуме. Например, конкретно-исторический подход к изучению самых различных социальных феноменов подводит к мысли о необходимости учета ценностных и глубинно-психологических установок, понимаемых как ментальные основания и социальные характеристики того или иного феномена. Ментальное измерение явлений социально-индивидуального плана, в том числе вопросов качества образования (на уровне глубинно-психических установок восприятия, оценки и поведения) [9], может работать и в парадигме субъектного подхода.

Качество вообще рассматривается как интегративная характеристика того или иного феномена (объекта или субъекта), представляющая собой набор (в его целостности, единстве) сложных социально-индивидуально-обусловленных компонентов (психические процессы, свойства, образцы, устойчивые состояния), определяющих деятельность феномена в данных конкретных условиях наличной культуры, заданной в том числе ментальными установками и характеристиками.

Сопряжение феномена качества (образования) с феноменом менталитета необходимо нуждается в содержательном уточнении понятия «менталитет» / «ментальность», его сущности и особенностей понимания. На сегодня существует достаточно много различных толкований ментальных феноменов, вот одно, в качестве примера: «образ мышления, общая духовная настроенность человека, группы» [10, с. 487]. Впрочем, это не единственно возможный вариант понимания менталитета и рядоположенных категорий. Дефинициальный консенсус в его трактовке пока не достигнут, и от исследовательской позиции зависит его более или менее убедительное использование при характеристике различных феноменов социально-гуманитарного знания, в том числе в социологической плоскости.

Напомним, что понятия «менталитет» и «ментальность» мы в категориально-понятийном отношении разводим – через призму общеполитических категорий «общего», «особенного» и «единичного» – как «целое» и «часть». Рассматривая исторически устойчивые привычки поведения достаточно крупных или относительно малых групп людей – обществ, наций (национальностей), государств, возможно, цивилизаций, следует использовать понятие «менталитет» [7]. Личность, малая социальная группа, например, профессиональное объединение (религиозная община или собрание по ин-

тересам), предпочтительнее детерминируется с понятием «ментальность». Достаточно подробно эта часть авторской теоретической модели концептуально развернута и представлена ранее [8].

Понятно, что каждый отдельный индивид не может быть приравнен в полной мере к той или иной социальной группе, в которой он самоопределяется, ведь его самость в значительной мере независима от социального окружения. Однако он несет в себе те или иные сущностные признаки этой группы; маркеры, способствующие его идентификации, обращенной как внутрь, так и вовне ее.

На взгляд автора, примечательно, что понятие «ментальный» в зарубежном социально-гуманитарном знании чаще всего означает «имеющий отношение» к уму, интеллекту, мышлению индивида или сообщества. Это отношение может разворачиваться в двух аспектах: в функциональном – поведенческом, с точки зрения психологической науки (восприятие, воображение, память, чувство, желание и другие феномены работают здесь в полной мере) и в содержательном аспекте, который включает в себя чувственные составляющие индивида или группы индивидов, внутренне обусловленные образцы поведения, а также, возможно, некоторые иные содержания, которые присутствуют в умственно-смысловых моделях.

Следует напомнить авторское определение менталитета как системы устойчивых во «времени большой длительности» (Ф. Бродель) системы внутренних глубинно-психических социально-культурных установок общества, формирующихся и функционирующих как под воздействием внешних условий (витальный блок), так и на уровне внесознательного (пользуясь термином из психологии отечественного исследователя Д.Н. Узнадзе), на котором функционирует инертный блок менталитета. Функциональность данной детерминации менталитета как явления и понятия подчеркивается некоторым уровневым разведением системы установок на глубинно-психические (восприятие, оценка, поведение) и социально-культурные, набор которых достаточно широк, поскольку и сам феномен культуры выступает как неокончательный, поскольку он продолжает развиваться в изменяющихся наличных условиях, в том числе под влиянием факторов конъюнктурного характера [9].

В числе социально-культурных, ценностных установок менталитета, среди прочих, может вполне убедительно проявляться и установка образования / воспитания. Это предположительное аспектное выделение позволяет говорить о ментальном осмыслении феномена образования через призму различных его социально-индивидуальных проявлений и содержательных аспектов. Может быть, данное понимание найдет свое подтверждение в рамках ментального подхода, попытка обоснования которого предпринималась ранее, или через призму субъектного подхода, который также убедительно применяется в пространстве образования. Это тема достаточно интересная, хотя в структурно-содержательном и, возможно, праксиологическом отношении требующая дальнейшего исследования.

Представляется возможным и в исследовательском отношении перспективным выделение и других существенных проблемных узлов феномена об-

разования в контексте исследования менталитета общества / ментальности личности, помимо рассматриваемой в настоящей статье проблемы субъектного измерения качества образования как содержательно значимого структурного компонента и явления.

С точки зрения общей результативности образования (как процесса и как социального феномена), на первый план справедливо выдвигается проблема качества, связанная с ожидаемыми результатами в соотношении с практически получаемым продуктом. И феномен качества образования в нашем понимании (с позиции ментального подхода к вопросам взаимодействия человека и общества) может выглядеть (в прикладном плане) как реализация глубинно-психических, функциональных (то есть действующих в условиях наличной культуры) установок.

Особенности восприятия качества образования как социального феномена в целом различны для участников образовательного процесса. Это различие, уточним, не категорично; видятся вполне возможными точки содержательного пересечения и пространственного совпадения в его восприятии. Восприятие качества образования для учащихся достаточно сильно отличается от его (качества) восприятия родителями и ближайшим социальным окружением данного ученика. Восприятие качества образования педагогами имеет свою, в том числе профессиональную, специфику. А с точки зрения государства (в лице органов управления или политиков от образования), общества в целом (а также его отдельных институтов), институтов самоуправления (гражданского общества), образовательных учреждений и работающих (занятых в сфере образовательных услуг) педагогов различается иногда кардинальным образом.

Установка оценки действия субъекта в приложении к феномену образовательного качества (оценки целей, процесса и результата), как и установка поведения в отношении желаемого (заданного извне или внутренне фиксированного) качества (формулировка субъектных целей, разработка тактики – задач по их достижению, определение возможности и формы личного участия в образовательной деятельности, допущение необходимых затрат, связанных с финансовым, временным, интеллектуальным и прочим участием и многое другое), также может быть распределена в своих составляющих, в ментальном пространстве субъектов весьма неравномерно. Это наталкивает на мысль о необходимости достаточно четкого субъектного разделения образования – кто участвует (и каким образом), кто заинтересован (каковы интересы) и кто имеет возможность влиять на корректировку целей, ход и результат образовательной деятельности в контексте достижения качества образования («нового качества», если угодно, при необходимом уточнении – в чем его новизна по сравнению со «старым»).

Необходимо подчеркнуть, что в числе системных характеристик качества образования в первую очередь может быть выделен его прикладной характер. Во-вторых, важным здесь выступает понятие результативности, результатности, что подчеркивает в некотором смысле итоговый характер качества образования.

Качество образования некоторыми авторами толкуется как «определенный уровень знаний и умений, умственных, нравственных и физических результатов, которого достигли обучаемые на определенном этапе в соответствии с планируемыми целями; степень удовлетворения ожиданий различных участников процесса образования от предоставляемых образовательных учреждений образовательных услуг» [3, с. 120].

Впрочем, трактовок подобного или иного рода достаточно много, и они зависят от исследовательской компетентности или сферы научных исследований ученого, в которой он профессионально реализуется. А.М. Моисеев и А.А. Хват, например, вполне справедливо замечают, что качество образования вообще необходимо достаточно четко разделять на качество результатов образования и качество образовательного процесса, от неарифметической суммы которых оно находится в прямой зависимости [2, с. 102]. Оценка результата образования, таким образом, может быть разделена на оценки внешнего и внутреннего в образовании (или оценки, направленные внутрь или ориентированные вовне).

Ко внешним могут быть отнесены не только те итоговые показатели, которые фиксируются в процессе мониторинга (на уровне стартовой, экспресс- и финишной диагностики), но и иные показатели, к которым можно отнести: выполнение образовательного госстандарта (нормативных документов в сфере образования – национальных образовательных стратегий, концепций, стандарта педагога / воспитателя и прочее), престижность того или иного уровня образования / образованности или, в частности, данного конкретного учебного заведения – в том или ином рейтинге, отражение в общественном сознании – на уровне, по меньшей мере, местного сообщества – обобщенных представлений о необходимом уровне образованности и образовании как некоего формального показателя (мировоззренческие позиции), государственные приоритеты, финансирование, информационное и материально-техническое оснащение и т. п.

К внутренним результатам относятся особенности реализации основных идей, связанных с функционированием образования, обучения, воспитания и управления, как единой социально-государственной системы. К числу основных идей и принципов современного российского образования могут быть отнесены: всеобщность, непрерывность, преемственность, гибкость, адаптивность, инновационность, гуманитаризация, фундаментальность, специализация, интегративность, комплексность и т. п. О некоторых из них в свое время довольно убедительно высказывался А. М. Новиков [5, с. 272].

Следует достаточно четко понимать, что «качественное образование» вовсе не означает «образование с хорошим уровнем качества». Данные выражения не синонимичны, хотя традиционно, когда говорят о качественном образовании, имеются в виду его именно положительные стороны и свойства. Положительные признаки образования связаны, например, с потенциальной социальной мобильностью субъектов педагогического процесса, комфортными условиями его протекания, должным материальным и финансовым его обеспечением, хорошим (качественным!) преподаватель-

ским составом, соответствием запросам всех участников образовательной деятельности.

Д. Л. Константинов и другие исследователи говорят здесь о некоем «казусе лингвистического свойства». «Одно и то же слово, – отмечают исследователи, – употребляется в двух значениях: сначала это степень выраженности, интенсивности, уровень, а затем – то свойство (или набор свойств), о степени выраженности которого идет речь» [4, с. 188]. Примечательно, что качество образования измеряется, по преимуществу, самим учебным заведением, то есть только одним, хотя и сложным многоуровневым субъектом образования. Поэтому понятие признаков (качеств или свойств) образования как процесса часто переносится на образовательное учреждение и трансформируется в понятие качеств самого учебного заведения как субъекта. Такого рода формализация (как необходимое оформление или, возможно, в ином понимании) качества образования достаточно привычно сегодня и удобно для внешней оценки качества, измерения эффективности и результативности образования.

В понимании идеи субъектности образования, в том числе в его качественном измерении, в качестве первоосновы необходимо использовать представление (возможно, несколько идеализированное) об общей заинтересованности субъектов образования в обеспечении его итогового продукта (качественного, востребованного и функционального) учащимися и родителями, педагогическими коллективами школ и вузов, общественными институтами, органами управления и государственной властью вообще, работодателями и др. Автор настаивает на утверждении, что качество образования для различных акторов – активных участников образовательного процесса, субъектов образования – различно. Это подчеркивала и Т. В. Громова, заметившая о качестве образования, например, что «для педагогов оно может означать наличие качественного учебного плана, обеспеченного учебными материалами, для учащегося соотносится с жизненной позицией, умениями и навыками. Для родителей – связано с развитием индивидуальности их детей. Для общества качество связано с теми ценностными ориентациями обучающихся, которые могут найти свое выражение в гражданской позиции, в гуманистической или технократической направленности их профессиональной деятельности» [1, с. 51]. С данным утверждением можно только согласиться как с универсальным и для современного российского образования, так и для феномена образования вообще.

Впрочем, в осмыслении феномена качества образования с точки зрения социологической, а в практическом отношении – с позиции образовательного менеджмента, здесь видятся недостаточными теоретические рассуждения большинства авторов о «соблюдении стандарта». Можно упомянуть следующее небезынтересное замечание Л. М. Плаховой: «Проверки федеральных служб, региональных, территориальных и местных органов управления осуществляются в системе не только образования, но и Госсанэпиднадзора, Госпожнадзора, административной инспекции, надзора за соблюдением трудового законодательства... А уж о проверках финансовых

и налоговых органов и говорить не приходится. И на недоуменное выражение руководителя: «Но ведь эти вопросы недавно проверяли!» – возражения инспектора могут быть самыми разными: либо уровень проверки и орган, ее осуществляющий, другие, либо основания для проверки изменились (то была плановая, а теперь оперативная)...» [6, с. 374]. Ситуация, когда контроль измеряется в ходе непрерывных проверок, руководителям известна. Однако насколько результативен такой непрерывный «мониторинг» и какова его практическая значимость в целом – вопросы, заставляющие задуматься и не имеющие, на взгляд автора, однозначного и окончательного ответа.

Понятно, что формальное (внешнее) оценивание качества образования является недостаточным в контексте полисубъектной образовательной парадигмы, в рамках субъектного подхода к оценке результатов образования. Теоретические построения, в том числе через призму социологических и философско-образовательных исследований, видятся вполне убедительными и перспективными в концептуальном отношении.

При социально-философском осмыслении проблемы качества современного российского образования не следует упускать из виду принципа его доступности. Именно он признается существенно важным в официальных документах, посвященных вопросам дальнейшего развития отечественной образовательной сферы – в предметных и воспитательных концепциях, в стратегии воспитания до 2025 г. и др. Видится, без соблюдения этого принципа как одного из важнейших методологических оснований, существенного в социологическом отношении, невозможно достижение высокого качества образования и в смысле его всеобщности, равноуровневости и т. п. Весьма важным представляется то, что соблюдение этого принципа затруднено рядом факторов объективного и субъективного характера.

Группа ученых института социологии Российской Академии наук, проводившая в свое время специальное исследование, направленное на оценку доступности образования, отмечала, что научный анализ доступности образования с выделением только трех участников – возможных потребителей образовательных услуг неоправданно узок. Здесь необходимо включение множества дополнительных критериев измерения данной характеристики образования. «Сегодня проблема доступности образования, – отмечают они, – перестает быть проблемой исключительно социально уязвимых слоев населения. Она должна рассматриваться ... с точки зрения специфических потребностей и возможностей в сфере образования различных групп населения» [4, с. 187]. Таким образом, вновь актуализируется проблема субъектного подхода, в пространстве образовательной деятельности.

Авторы указанного социологического исследования достаточно подробно разворачивают признаки образовательных моделей и факторы, влияющие на выбор образовательного учреждения потребителями образовательных услуг, подразделяя образовательное учреждение на некие кластеры – группы, объединенные общими признаками. Автор не предполагает останавливаться на достаточно интересных результатах этого исследования сколько-нибудь подробно, обозначив этим возможное социологическое

обоснование принципа доступности образования как одного из существенных факторов достижения нового качества образования. А также полагает важным подчеркнуть, что «специфические потребности», о которых упоминают авторы исследования, выражаются в новых запросах «потребителей образования», в том числе информационного плана.

Субъекты образования – педагоги-преподаватели, обучающиеся, их родители и ближайшее социальное окружение, а также местное сообщество (в определенном смысле – гражданское общество, на уровне самоуправления), большое социальное окружение – в масштабах страны и само государство, целенаправленно определяющее для себя модель будущего гражданина – все они заинтересованы в качестве и доступности образования разного уровня. Ведь именно качественное образование, конкурентоспособное внутри страны и обращенное вовне, выступает основой устойчивого поступательного развития современного российского общества и государства в условиях как внешних угроз и вызовов, так и внутренних трудностей национально-государственного, национально-этнического и национально-регионального самоопределения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Громова, Т.В. Критерии и оценки качества образования / Т.В. Громова // *Директор школы*. – 2006. – № 5 (110). – С. 51–55.
2. Качество образования в школе // *Управление школой: Словарь-справочник руководителя образовательного учреждения* / под ред. А.М. Моисеева, А.А. Хвата. – М.: Педагогическое об-во России, 2005. – 320 с.
3. Коджаспирова, Г.М. Качество образования // *Словарь по педагогике* / Г.М. Коджаспирова, А.Ю. Коджаспиров. – М.: ИКЦ «МарТ»; Ростов н/Д: Изд. центр «МарТ», 2005. – 448 с.
4. Константиновский, Д.Л. Доступность качественного общего образования в России: возможности и ограничения / Д.Л. Константиновский, В.С. Вахштайн, Д.Ю. Куракин, Я.М. Рощина // *Вопросы образования*. – 2006. – № 2. – С. 186–202.
5. Новиков, А.М. Российское образование в новой эпохе. Парадоксы наследия, векторы развития / А.М. Новиков. – М.: Эгвес, 2000. – 272 с.
6. Плахова, Л.М. Курс молодого бойца, или Азбука директора школы. В 3 вып.: практ. пособие / Л.М. Плахова. – М.: Просвещение, 2007. – Вып. 3. – 423 с.
7. Полежаев, Д.В. Ментальные проекты в образовании: к постановке проблемы / Д.В. Полежаев // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. – 2009. – № 6 (40). – С. 80–84. (Сер. «Педагогические науки»).
8. Полежаев, Д.В. Проблема формирования картины мира личности / Д.В. Полежаев // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. – 2009. – № 8 (42). – С. 50–55. (Сер. «Социально-экономические науки и искусство»).
9. Полежаев, Д.В. Русский менталитет: социально-философское осмысление: монография / Д.В. Полежаев; ВГИПК РО. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. – 370 с.
10. Рожанский, М.И. Ментальность / М.И. Рожанский // *Философия: энциклопедический словарь* / под ред. А.А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. – С. 487.

УДК 314, 378
ББК 60.7 + 74.04

ЭКСПОРТ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ В РОССИИ

EXPORT OF EDUCATION IN RUSSIA

ГУСЕЙН-ЗАДЕ Рена Гаджиага кызы
МИРЭА – Российский технологический
университет, Москва, Россия
E-mail: rena.guseynzade@mail.ru

Аннотация. В статье показано, насколько важен экспорт образовательных услуг в условиях демографического кризиса. На основе комплексного анализа определены и проанализированы цели, на которые работает экспорт образовательных услуг: вклад в экономику России; компенсация демографических проблем; источник человеческого капитала; интернационализация и повышение качества обучения; рост конкурентоспособности российских вузов; популяризация и пропаганда России, ее языка и культуры. Статья наглядно показывает, как меняется доля иностранных студентов очной формы обучения за последние годы, как развивается экспортный потенциал российской системы образования.

Ключевые слова: демография; старение населения; система высшего образования, экспорт образования.

GUSEYN-ZADE Rena G.
Moscow Technological University,
Moscow, Russia
E-mail: rena.guseynzade@mail.ru

Abstract. The article shows importance of education export in the conditions of the demographic crisis. The objectives of the export of educational services are determined and analyzed: the contribution to the Russian economy; compensation of demographic problems; the source of human capital; internationalization and improvement of the quality of education; the growing competitiveness of Russian universities; popularization and propaganda of Russia, its language and culture. The article clearly shows how the share of foreign students in full-time education has changed in recent years, how the export potential of the Russian education system is developing.

Keywords: demography; population aging; higher education system, export of education.

Сегодня одна из основных демографических проблем России заключается не в снижении численности населения, а, в основном, в возрастном дисбалансе [1]. Все последнее десятилетие численность трудоспособного населения ежегодно сокращается примерно на один миллион человек. Низкая рождаемость и увеличение продолжительности жизни приведут к изменению пропорции людей работоспособного возраста и людей старше 65 лет.

В 2012 году число граждан России в возрасте 60 лет и старше составляло 26,5 миллиона человек, это почти 19 % от общего населения страны. При этом каждый восьмой житель России перешел через порог 65 лет. В самом ближайшем будущем старение россиян ускорится: согласно официальному демографическому прогнозу Росстата, к 2030 году доля населения в возрасте 65 лет и старше превысит 28 % [2]. Прогноз ООН [3] еще более страшный, согласно нему к 2050 году в России доля самой экономически активной части граждан страны (от 20 до 60 лет) уменьшится до половины от общей численности населения.

Ведущие страны мира, уже столкнувшиеся с демографическим кризисом (уменьшением численности молодежи) и растущей потребностью в квалифицированных кадрах на рынках труда, находят выход из сложившейся ситуации. Сейчас в стратегиях социально-экономического развития в различных странах мира все большее значение приобретает экспорт высшего образования. Экспорт образования регулируется Генеральным соглашением по торговле услугами, ГАТС (General Agreement on Trade in Services, GATS).

Мировой рынок высшего образования оценивался ВТО в 50–60 млрд долларов США в год, из которых доля России меньше 1 %. Экспорт образова-

тельных услуг становится одной из важных и высоко прибыльных статей в структуре общего экспорта страны. Например, экспорт образования ежегодно приносит в американскую экономику порядка 22 млрд долларов (пятая статья доходов) в виде платы за обучение иностранными студентами, их проживания и т. д. [4].

В 1990–1991 учебном году по данным Института статистики ЮНЕСКО, в СССР обучалось 126,5 тыс. студентов, стажеров, аспирантов, что составляло 10 % от общемирового студенческого контингента. По этому показателю советские вузы уступали лишь университетам США (419,6 тыс. иностранных студентов колледжей и вузов) и Франции (136,9 тыс.) и занимали третье место в мире [5].

В 2001–2002 учебном году количество иностранных студентов в России составляло 72 тысячи. Сегодня в России обучается 3 % иностранных студентов от общемирового студенческого контингента и занимает шестое место в мире [6]. За последний год число учащихся из других стран в российских вузах увеличилось на 17 %, по сравнению с предыдущим, и в 2017 году составило более 242 тысяч человек [7]. Согласно данным Отчета о глобальной конкурентоспособности МЭФ, позиции России по показателю развития высшего образования неуклонно улучшаются: в 2017–2018 годах наша страна заняла 32-е место в данном рейтинге, а в 2009–2010 годах она находилась на 51-м месте.

В 2015 году Центр социологических исследований опросил 3000 иностранных студентов из 100 вузов [7]. Их спрашивали, почему они выбрали для получения высшего образования российский вуз. 27 % ответили, что в России высокий уровень образования. 24 % указали на то, что в России доступная стоимость обучения. Невысокие позиции российских вузов в международных рейтингах (THE, QS, Shanghai, и др.) не оказывают определяющего влияния на выбор иностранными студентами России в качестве страны обучения. Что касается профессий, иностранцы, в наибольшей степени, интересуются медицинскими направлениями. За последние годы также возрос интерес к инженерно-техническим специальностям: 22 % иностранных студентов учатся в технических вузах, 17 % – в медицинских, а 16 % получают образование в области экономики и управления.

Число иностранных студентов в мире заметно растет. Если в 2000 году их было 2,1 млн человек, то в 2015 году за пределами своей страны обучалось уже 4,6 млн человек. Эксперты ЮНЕСКО предполагают, что этот показатель к 2025 году возрастет до 7,2 млн человек. В условиях глобализации, интеграционных процессов в сфере высшего образования, тенденция к росту сохранится [8].

Привлечение в Европу большего количества учащихся из других регионов мира является одной из задач Болонского процесса.

Помимо преследования экономических целей, ведущие мировые державы стали рассматривать экспорт образовательных услуг как часть своей внешней политики, преследующей геоэкономические и геополитические цели. Экспорт образования позволяет оказывать значительное, прежде все-

го, культурное влияние на другие страны. Как правило, для этой цели служат курсы по изучению языков и различные средства для повышения квалификации, а сейчас все больше набирает обороты дистанционное обучение. Кроме воспитания «агентов влияния» в странах-донорах, привлечение иностранных студентов решает задачу о пополнении своего рынка труда на отдельных направлениях, и особенно в инженерных профессиях.

Экспорт образовательных услуг также приводит к более интенсивному развитию национального рынка труда. Ряд государств (США, Канада, Австралия, Великобритания, Германия, Франция) получают примерно 1 млн. высококвалифицированных специалистов год из числа иностранных граждан, обучавшихся в вузах этих государств и, таким образом, компенсируют демографические проблемы.

В связи с этим одним из основных современных направлений развития российской высшей школы стало увеличение приема иностранных граждан в российские вузы [9]. Эта стратегия преследует следующие цели:

- Увеличение численности иностранных студентов в российских вузах на 20 % может увеличить вклад в экономику России почти до 1,5 млрд долларов США ежегодно.

- Интернационализация образования – одна из важнейших современных тенденций экономического развития. Для привлечения иностранных студентов вузы должны стремиться к повышению качества обучения, чтобы готовить специалистов с учетом требований мирового рынка труда.

- Увеличение числа иностранных студентов – это одно из необходимых требований повышения конкурентоспособности российских вузов, и, соответственно, одно из условий успешной реализации «Проекта 5-100» о вхождении пяти российских вузов в сотню лучших университетов мира.

- Иностранные студенты, получившие высшее образование и решившие остаться в РФ, являются сравнительно недорогим источником человеческого капитала (так как школьное образование они получили без затрат со стороны РФ) и надежным (поскольку за годы обучения студент интегрируется в российское сообщество).

- Выпускники российских вузов, претендующие на гражданство РФ, способны внести не только экономический, но и демографический вклад в развитие страны. Это особенно актуально в условиях, предсказанного агентством «Standard&Poor's», резкого снижения численности населения РФ с 2010 по 2050 гг. Желательно, чтобы лучшие иностранные студенты оставались и продолжали работать по специальностям, полученным в российских вузах, в частности, развивали науку или технологии. Для этого планируется специально проработать вопросы их трудоустройства и стажировок на время обучения и каникул, а также упростить процедуру получения российского гражданства. В 2017 году депутаты Госдумы предложили выдавать иностранным студентам паспорта не после пяти лет постоянного проживания в нашей стране, а после трех.

- Популяризация и пропаганда русского языка, образования, культуры, научно-технических достижений и т. д. Для этой цели последние несколько

лет Правительство РФ ежегодно выделяет 15 тысяч бюджетных мест в различных университетах страны. В 2016 году конкурс среди иностранцев составил 4,5 человек на одно бюджетное место.

**Доля иностранных студентов очной формы обучения
(согласно RAEX (Эксперт РА)), %**

Доля иностранных студентов	Годы			Изменение за 2 года, п. п.
	2014	2015	2016	
В среднем по топ-100 вузов	7,3	7,4	8,3	1,0
Участники программы «5-100»	9,1	10,6	12,1	3,0
Топ-20 вузов	8,5	8,9	10,4	1,9
Экономические вузы	6,9	6,1	6,8	- 0,1
Технические вузы	6,7	8,1	8,4	1,7
Медицинские вузы	11,2	11,1	12,7	1,5

Привлечение иностранных студентов в российские вузы может помочь решить еще одну проблему современной России – серьезный дисбаланс возрастных групп. Сегодня за счет увеличения квоты на прием иностранных студентов (см. таблицу) можно частично компенсировать недобор, обусловленный снижением рождаемости, произошедшим 15–20 лет назад. Таким образом, можно избежать ликвидации и перепрофилирования невостребованных вузов, что привело бы к дефициту мест в вузах к 2035 г. [10].

Протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам от 30 мая 2017 г. № 6 утвержден паспорт приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» [11]. Разработчики госпрограммы рассчитывают, что с 2017 по 2025 годы экспорт образовательных услуг из РФ вырастет с 70 до 373 млрд рублей. То есть доля экспорта на российском рынке образовательных услуг может достичь приблизительно 20 %.

В конце 2017 года правительство РФ утвердило дорожную карту по экспорту образования, согласно которой Минобрнауки выделило первые 39 вузов, являющихся привлекательными для иностранных студентов. В частности, предполагается, что количество иностранных студентов, которые обучаются на очной форме, в российских вузах вырастет с 242 тыс. человек в 2017 году до 710 тыс. человек в 2025 году (интегральный показатель по всем курсам).

Это не только может повысить конкурентоспособность российского образования в мире и увеличить долю несырьевого экспорта (экспорт образовательных услуг), но и частично решить демографическую проблему. Привлечение иностранных студентов не только дает новый толчок к развитию собственной системы образования, исследовательской базы, но и создает рабочие места.

Заключение

Для компенсации демографических изменений странам, вступившим на путь инновационной экономики, необходимо преобразовать свою систему

образования. При этом все более заметную роль играют процессы глобализации и интернационализации образования. В связи с этим приоритетными задачами в сфере образования становятся модернизация и экспорт образования. В современном мире образование должно не только обеспечивать конкурентоспособность экономики страны, но и само наращивать экспортный потенциал.

Студенты-иностранцы, обучающиеся в российских вузах и решившие остаться работать в России, могут также стать очень качественным вкладом в демографическую картину экономического активного населения страны. Экспорт образования может сыграть большую роль в социально-экономическом развитии России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бараненкова, Т.А. Старение населения и его социально-экономические последствия / Т.А. Бараненкова // Вестник института экономики Российской академии наук. – 2017. – № 2. – С. 47–64.
2. Российский статистический ежегодник. 2017: стат.сб./Росстат. – М., 2017. – 686 с.
3. Щербакова, Е.М. Население России по прогнозам ООН / Е.М. Щербакова, В.А. Козлов // Демоскоп Weekly. – 2017. – № 717–718. – С. 1–20.
4. Краснова, Г.А. Российское образование на экспорт (ИСИЭЗ НИУ ВШЭ) / Г.А. Краснова. – 2014. – 8 октября – Режим доступа: URL: <https://issek.hse.ru/press/134790524.html> Дата обращения: 07.03.16.
5. Арефьев, А.Л. Иностранцы в российских вузах / А.Л. Арефьев, Ф.Э. Шереги; Министерство образования и науки Российской Федерации. – М.: Центр социологических исследований, 2014. – 228 с.
6. Education at a Glance 2017 /OECD Indicators DOI. – Режим доступа: <http://dx.doi.org/10.1787/eag-2017-en>
7. Иностранцы в России / Сайт Министерства образования и науки Российской Федерации (09.03.2017). – Режим доступа: URL: <https://studyinrussia.ru/actual/articles/inostran-pye-studenty-v-rossii/> (Дата обращения: 16.11.2017)
8. Международная студенческая мобильность как показатель успешности системы образования // Бюллетень о состоянии российского образования. – 2015. – № 4. – С. 18. – Режим доступа: URL:<http://ac.gov.ru/files/publication/a/5474.pdf>
9. Зангиева, И.К. Студенты из стран СНГ в России: предпосылки к миграции / И.К. Зангиева, А.Н. Сулейманова // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2016. – № 5. – С. 127–146.
10. Учебная миграция из стран СНГ и Балтии: потенциал и перспективы для России / под ред. К.А.Гаврилова, Е.Б.Яценко. – М.: Росстат; Фонд «Наследие Евразии», 2012. – 207 с.
11. Приоритетный проект «Развитие экспортного потенциала российской системы образования». – Режим доступа: URL:<https://минобрнауки.рф/проекты/экспорт-российского-образования> (Дата обращения: 16.11.2017)

УДК 101.1:903.7.031+930.85.130.2

ББК С 60

МЕНТАЛЬНЫЕ НАЧАЛА ИСТОРИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРОСТРАНСТВЕ ОБРАЗОВАНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

RUSSIAN IDENTITY AS THE HISTORICAL DYNAMICS: MENTAL ASPECTS RESEARCH

БУТЕНКО Сергей Викторович

Волгоградский техникум водного транспорта
имени Н.Д. Сергеева, Волгоград, Россия
E-mail: bytenko@mail.ru

Аннотация. В работе рассматривается проблема исторической идентичности обучающихся в условиях современного российского образования. Формирование идентичности гражданина России представляется как государственная задача, в решении которой участвуют многие акторы. В числе субъектов образования выступают семья (ближайшее социальное окружение), образовательное учреждение, общество и сам индивид как активный участник учебно-воспитательного процесса. Автором предпринимается попытка выделить ментальные основы становления исторической идентичности российских обучающихся.

Ключевые слова: образование, воспитание, историческая идентичность, менталитет, субъекты образования.

BUTENKO Sergey V.

Volgograd Technical College of Water Transport
named after N.D. Sergeev, Volgograd, Russia
E-mail: bytenko@mail.ru

Abstract. The paper considers the problem of the historical identity of students in the context of modern Russian education. The formation of the identity of a citizen of Russia is presented as a state task, in the decision of which many actors participate. Among the subjects of education are the family (the nearest social environment), the educational institution, the society and the individual himself as an active participant in the educational process. The author makes an attempt to identify the mental foundations for the emergence of the historical identity of Russian students.

Keywords: education, upbringing, historical identity, mentality, subjects of education.

Сегодня задача формирования идентичности гражданина России не зависит от желания или профессиональных возможностей и компетентности отдельного преподавателя / воспитателя, направленности деятельности образовательного учреждения и других факторов выбора. Это – государственная задача, зафиксированная во многих официальных государственных документах в отношении образования как социальной системы. Федеральные государственные образовательные стандарты разного уровня – это государственный заказ на получение определенного образовательного продукта. И воспитание гражданской идентичности (а как ее составляющей – и исторической идентичности человека) – неотъемлемая составляющая часть этого заказа.

Формирование общероссийского национального сознания гражданина России – важнейшая задача национального образования и воспитания, способствующая этническому, религиозному, в целом историческому самоопределению индивида и социальной группы, а также общества в целом [1]. Такое сопряжение современной жизни с прошлым позволяет человеку обрести устойчивые духовные основания в современной жизни для обращения в будущее. Конечно, для выполнения этой нелегкой интеллектуальной и нравственной работы нужна максимальная внутренняя концентрация индивидуального сознания, социальная направленность работы внутренних глубинно-психологических ментальных установок личности в их системе, формирующих неповторимую индивидуальную картину мира [5].

Несмотря на возросший интерес к феномену идентичности, явлению, вызывающему споры в научных кругах и педагогической практике, единого (в некотором смысле – абсолютного) определения на сегодняшний день не существует. В контексте социально-философского и философско-образовательного дискурса весьма неоднозначным представляется решение ряда проблем, к которым можно отнести: постижение сущности идентичности как социально-индивидуального феномена посредством мониторинга тех или иных его внешних проявлений; вопрос соотношения идентичности с социальными изменениями и др. [6; 7]. Дискуссионны также подходы к содержанию и объему понятия «идентичность» и его смысловая нагрузка. В любом случае, в основе различных определений идентичности всегда лежат некие коллективные ценности, которые личность осваивает в процессе социализации.

Идентичность, таким образом, рассматривается как свойство глубинной психики субъекта, осознающего свою групповую принадлежность и определяющего свое место в какой-либо общности, как процесс постепенного и последовательного осознания себя человеком как части общего социального пространства, которое в условиях наличной культуры производит и воспроизводит исторически значимые для народа ценности и нормы, знаки и символы, императивы и запреты. Такое понимание и выступает как методологически необходимая основа индивидуально-личностной и социально-групповой идентификации как процесса [10]. Такое понимание идентичности позволяет также уяснить, что она имеет множественные измерения, каждое из которых актуализируется в конкретных условиях.

Историческая идентичность понимается как одна из составляющих социально-индивидуальной самоидентификации субъекта. Историческое образование и воспитание как семейное, так и социальное, обеспеченное (гарантированное) государством – основа идентификационного становления человека. Достижение у юных граждан России высокого уровня духовно-нравственного самосознания невозможно без формирования у них чувства принадлежности к российской историко-культурной общности, исторически связанных общей судьбой и ответственностью. В этом деле значение образования и воспитания неизбежно как с точки зрения семьи и государства, так и в смысле практического развития педагогических технологий, отработки концепций и подходов, направленных на идентификацию себя юным россиянином как части истории страны, как активного сопричастника современности и творца будущего [3; 4].

Осознанная выработка индивидом собственной позиции по отношению к самым различным явлениям окружающего мира возможна только на основе знания и осмысления истории нашего Отечества, духовных ценностей, технических и иных исторически значимых достижений страны. Историческое образование и гражданское воспитание человека постепенно выкладывает устойчивые ментальные основания будущего общего национального самосознания (нации, народа, общества и иной большой социальной группы, испытывающей потребность и способной к самоидентификации) и исторической идентичности отдельного человека.

Менталитет русского народа (или российский менталитет, как характеристика российской нации), задавая самые различные характеристики отличия от менталитетов иных исторических общностей, определяет национально значимые для россиян глубинно-психологические составляющие национального характера [9]. Они фиксируются и работают как в жизни отдельного индивида, так в историческом протяжении в виде своего рода установочных реакций восприятия окружающей субъект действительности и ее оценки, а при обращении индивида вовне реализуются в определенных моделях поведения [2]. Именно в ходе становления будущего гражданина России для него определяются национально значимые исторические события нашей страны, ее проявлявшиеся ранее и существующие сегодня (или вновь возрожденные) символы и знаки, имена и даты. Именно эти элементы для образования можно рассматривать в качестве ментальных начал исторической идентичности в образовании с точки зрения воспитания гражданина на примерах отечественной истории и его личностного и гражданского становления.

Менталитет / ментальность – понятие, достаточно активно используемое сегодня как в теоретических исследованиях (историография вопроса довольно широка [8]), так и в общественно-политической практике. Важно оно и в практическом отношении – для повседневного использования, даже на бытовом уровне оно вполне востребовано. Поэтому необходимо обозначить позицию автора в применении данного термина и понятия.

Менталитет общества (народа, страны, исторического периода и других больших феноменов), основываясь на теоретических построениях Д. В. Полежаева, понимается как устойчивая в длительном историческом протяжении система психологических установок [9]. Они, установки, выстраиваются функционально: вначале работают те, которые направлены на восприятие событий, явлений, информации вообще; затем фиксируется оценка воспринятого в соотношении с той или иной системой ценностей (на уровне, например, оценок, суждений и т. п.); и уже на этой основе фиксируются некоторые поведенческие реакции, повторяемость которых также превращает их работу в системное действие, в закреплённые модели.

В пространстве образования эти ментальные установки получают свое (на уровне повторяемости) закрепление, отрабатывая ценностные ориентиры и образы жизни в качестве социально значимых либо несущественных. Шаг за шагом обучающиеся фиксируют для себя самые различные ценностные установки, осваивая пространство окружающей их культуры. Набор этих установок для различных менталитетов может быть очень близким, если не абсолютно одинаковым, а может и не совпадать. Тем не менее такие сферы культуры, как язык, религия, нация и другие характеристики объективного духа народа, по-разному проявляясь у отдельных представителей и социальных групп, принадлежащих к различным народам, выступают в качестве ментальных начал их исторической идентичности. Именно в таком качестве они работают сегодня в российском образовании.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Полежаев, Д.В. Менталитет и национальный характер образования / Д.В. Полежаев // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2009. – № 4 (38). – С. 12–16. (Сер. «Педагогические науки»).
2. Полежаев, Д.В. Менталитет как система установок: функциональное и ценностное измерения / Д.В. Полежаев // Научные проблемы гуманитарных исследований. – Пенза, 2009. – Вып. 4. – С. 123–128.
3. Полежаев, Д.В. Ментальные проекты в образовании: к постановке проблемы / Д.В. Полежаев // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2009. – № 6 (40). – С. 80–84. (Сер. «Педагогические науки»).
4. Полежаев, Д.В. Ментальный подход в образовании: философское измерение социальных проектов / Д.В. Полежаев // Сибирский учитель. – Новосибирск, 2016. – № 4. – С. 67–71.
5. Полежаев, Д.В. Проблема формирования картины мира личности / Д.В. Полежаев // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2009. – № 8 (42). – С. 50–55. (Сер. «Социально-экономические науки и искусство»).
6. Полежаев, Д.В. Психология русского народа: социальный аспект самоидентификации (из творчества И.А. Бунина) / Д.В. Полежаев // Философия хозяйства. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – № 4 (34). – С. 78–81.
7. Полежаев, Д.В. Российская идентичность в исторической динамике: ментальные аспекты исследования / Д.В. Полежаев // Известия ВолГГУ : научный журнал № 2 (155) / ВолГГУ. – Волгоград, 2015. – (Серия «Проблемы социально-гуманитарного знания»; вып. 20). – С. 29–34.
8. Полежаев, Д.В. Феномен менталитета в социально-гуманитарном знании: историографические заметки / Д.В. Полежаев // Личность. Культура. Общество. – М.: Изд-во ИФ РАН, 2009. – Т. XI. – Вып. 2 (48–49). – С. 496–501.
9. Полежаев, Д.В. Феномен менталитета общества: сущность и понимание / Д.В. Полежаев // Знание. Понимание. Умение. – М.: Изд-во МосГУ, 2010. – № 4. – С. 117–121.
10. Полежаев, Д.В. Философские основания национальной идентичности / Д.В. Полежаев // Сибирский учитель. – Новосибирск, 2017. – № 2 (111) март-апрель. – С. 60–67.

УДК 316.4.063.3

ББК 60.54

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ ПРОЦЕССА СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ В КРУПНОМ ГОРОДЕ

THEORETICAL FRAMEWORK FOR THE STUDY OF THE SOCIAL ADAPTATION PROCESS OF MIGRANTS IN A CITY

ШЕКЕРА Екатерина Александровна
Санкт-Петербургский Государственный
Университет, Санкт-Петербург, Россия
E-mail: shekerak@gmail.com

SHEKERA Ekaterina A.
Saint-Petersburg State University,
Saint-Petersburg, Russia
E-mail: shekerak@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассмотрено влияние городской среды на процесс социальной адаптации мигранта в ходе индивидуальной миграции. Анализируются следующие вопросы: как городская среда влияет на процесс социальной адаптации; как осваивается город; как адаптирующийся индивид репрезентирует себя в городе и отстаивает свои интересы; какие возможности дает город и какие страхи порождает? Одним из первых рассматривать город с позиций социальных характеристик начал Г. Зиммель, его идеи оказали существенное влияние на исследования города Чикагской школы социологии (Р. Парк, Э. Берджесс, Ф. Знанецкий, Л. Вирт, Р. Макензи, Р. Редфилд, Э. Хоули и др.). В статье рассматриваются идеи некоторых представителей данного

Abstract. The article deals with the influence of urban environment on process of social adaptation of migrant in the course of individual migration. The following questions are analyzed: How does the urban environment affect the process of social adaptation? How does the city become familiar? How does the adaptive individual represent himself in the city and defend his interests? What kind of opportunities does the city give and what fears generate? One of the first to consider the city from the standpoint of social characteristics began G. Simmel, his ideas had the significant impact on the research of the city of the Chicago School of Sociology (R. Park, E. Burgess, F. Znaniecki, L. Wirth, R. McKenzie, R. Redfield, A. Hawley and etc.), in the article we will consid-

направления. Также следует обратиться к исследованиям К. Линча и С. Милгрэма о том, как люди воспринимают город, формируя его образ; коснуться попытки выявления городской идентичности Ф. Знанецким. Таким образом, в статье раскрываются особенности процесса социальной адаптации в городской среде, в которой и к которой адаптируется мигрант.

Ключевые слова: социальная адаптация, городской образ жизни, мигрант.

er ideas of some representatives of the approach. In addition, we will refer to research of K.Lynch and S.Milgram regarding of how people perceive the city, forming its image. We will consider of attempt to define of urban identity made by F.Znaniecki. Thus, the article reveals the features of the process of social adaptation in the urban environment, in which and to which the miorant is adavted.

Keywords: social adaptation, city mode of life, migrant.

Очевидно, что крупные города являются местом притяжения мигрантов, и процесс социальной адаптации в крупном городе имеет особые характеристики, отличные от процесса социальной адаптации в сельской местности или малом городе. В данной статье социальная адаптация рассматривается в рамках нормативного подхода и понимается как «... любые взаимодействия индивида и среды, при которых происходит согласование их структур, функций и поведения» [3, с. 135]. Переезд на новое место жительства сам по себе вызывает стресс, к тому же адаптанту необходимо адаптироваться как к новой среде, так и встроиться в структуру принимающего общества, таким образом, преодолевая двойную нагрузку. Итак, какие основные социально-психологические черты образа жизни присущи крупному городу? Пожалуй, самым устойчивым маркером является амбивалентность характеристик городского образа жизни, поскольку городская среда как дает возможности для самореализации индивида, так и накладывает ограничения; задача же индивида заключается в выборе стратегий адаптации к городской среде, максимизирующих выгоду и нивелирующих негативное воздействие.

Одним из первых рассматривать город с позиций социальных характеристик начал Г. Зиммель, он отмечал, что городская жизнь насыщена впечатлениями, быстро сменяющимися событиями, нервозностью, большим количеством людей, многообразием общественной и профессиональной жизни и тому подобным, поэтому индивиду необходимо справляться с большим потоком поступающей информации, противостоять психологическим перегрузкам, вследствие чего вырабатываются компенсаторные реакции жителей больших городов. По мнению Г. Зиммеля, можно выделить следующие реакции:

а) Рассудочность, или преобладание интеллектуального характера душевной жизни, в противоположность чувственному восприятию действительности, характерному для сельской местности и малых городов, что связано с размеренностью протекания общественной жизни и меньшей скоростью смены впечатлений и более скудного их разнообразия.

б) Реакция жителей на раздражители городской жизни помимо рассудочности включает в себя бесчувственное равнодушие и интеллектуальность – следствия блазированности (blase attitude) – притупленности восприятия различия вещей, не в том смысле, чтобы различия воспринимались неправильно, <...>, а в том, что значение и ценность разницы между вещами, а потому и сами вещи кажутся ничтожными [4, с. 27]. Также блазированность достигается благодаря нивелирующему фактору денег.

в) Межличностные отношения базированных жителей больших городов замкнуты и обособленны, благодаря чему достигается анонимность. Урбанизированная среда предоставляет индивиду свободу, которая выражается в снижении социального контроля, тем самым развивая самостоятельность и самобытность. Адаптант, прибывая в город, проходит процесс десоциализации, что выражается в поиске новой группы, скорее всего, существенно отличающейся от его изначальной, и во встраивании в ее структуру.

Идеи Г. Зиммеля легли в основу дальнейших исследований образа жизни в урбанизированной среде. Роберт Парк – лидер Чикагской школы социологии, предлагал исследовать город как социальный институт. Он понимал под институтом некоторую часть совокупной человеческой природы плюс машинерию и средства, с помощью которых эта человеческая природа функционирует. Следовательно, можно мыслить город, то есть место и людей со всей их машинерией и сопутствующими ей чувствами, обычаями и административными средствами, общественным мнением и трамвайными путями, индивидуальным человеком и орудиями, которыми он пользуется, как нечто большее, чем просто собирательную сущность [7, с. 19]. Город имеет двойственную структуру (перекликается с «дуальностью структуры» Э. Гидденса, хотя Р. Парк отмечал это в 1915 г.), поскольку он укоренен в привычках, практиках поведения горожан, которые и создают структуру городской жизни, но в то же время город накладывает ограничения на людей, схематизирует их действия, таким образом, давая возможности, с одной стороны, навязывает модели поведения и накладывает ограничения – с другой. В городской среде преобладают вторичные контакты над первичными. Р. Парк определяет первичные группы со ссылкой на Ч. Кули как группы, характеризующиеся тесной ассоциацией лицом-к-лицу и кооперацией, именно в них происходит формирование социальной природы и идеалов индивида. Вследствие распада первичных групп, социальный контроль, который существовал в этих группах, ослабевает, что, по мнению Р. Парка, ведет к росту порока и преступности. Город «мобилизует индивидуального человека» посредством возрастания возможности осуществления контактов с другими людьми, в том числе участия в организациях, ассоциациях и тому подобное, но, с другой стороны, большинство данных контактов является поверхностным, мимолетным, таким образом, индивид обретает свободу, но теряет связь с первичной группой, тем самым обрекая себя на одиночество. Сегрегация групп и организаций в больших городах может быть настолько сильной, что в пределах города можно жить в изоляции почти столь же полной, как и изоляция заходустного сельского сообщества. По Р. Парку, город является «мозаикой маленьких миров, соприкасающихся, но не проникающих друг в друга» [7, с. 38].

Еще один видный представитель Чикагской школы социологии Луис Вирт выделял следующие характеристики города: высокая плотность заселения, большая численность, гетерогенность [2, с. 95]. Л. Вирт отмечал, что воспроизводство населения города происходит в основном за счет мигрантов, тем самым город выступает в роли площадки, на которой возникают

новые гибридные формы культуры; город вознаграждает различия, поскольку гетерогенность необходима для создания нового и прогрессивного, поэтому с возрастанием численности населения увеличиваются различия в укладе жизни, профессиях, культурах и т. д. Л. Вирт также констатирует замещение первичных контактов вторичными в городской среде, следствием чего является шизоидный характер жизни в городе, поскольку взаимодействие индивидов носит сегментарный, поверхностный характер, в рамках которого люди вступают во взаимодействие в очень частных ролях, направленных на удовлетворение конкретных потребностей. Поэтому важен не сам человек, а функция, которую он исполняет, что лишает индивида глубины взаимодействия и раскрытия своих душевных качеств. Скрытность, равнодушие и безразличный вид, проявляемые горожанами во взаимоотношениях друг с другом, можно, таким образом, рассматривать как средства, помогающие им оградить себя от личных притязаний и ожиданий других [2, с. 101]. Л. Вирт отмечает значимость для индивида включения в организованную группу, так как для достижения целей и удовлетворения потребностей у среднестатистического индивида не достаточно ресурсов. Чтобы его услышали, необходимо объединяться, что повышает шансы на успех. Таким образом, индивид в городе транслирует свои интересы посредством представителя группы, через которую индивид реализует их; чем больше организация, тем весомей голос представителя. Разнообразие организованных групп в городской среде приводит к тому, что один индивид может состоять в нескольких группах, интересы которых могут пересекаться, противостоять друг другу и т. д.; соответственно, скорее всего высок уровень текучести членства в группах. Индивиды, не являющиеся частью организованных групп, образуют неуправляемые массы городского населения, что повышает фактор нестабильности и опасности. Л. Вирт отмечает, что городской житель признает недостаток безопасности в мире как норму.

Л. Вирт обратил внимание на то, что индивид лишен возможности составить представление о городе в целом, а также выяснить свое место в общей схеме; эту идею развили К. Линч, С. Милгрэм и др. Кевин Линч (американский специалист в области городского планирования) выдвинул идею о том, что общественный образ города создается наложением одного на другой множества индивидуальных. Такого рода групповые образы совершенно необходимы для того, чтобы индивид мог успешно функционировать в пределах своего окружения, вступая в эффективные контакты с себе подобными [6, с. 50–51]. К. Линч подчеркивал значимость принципиального согласия членов группы в отношении образов окружающей городской среды, несмотря на то, что каждый индивид формирует этот образ самостоятельно, групповые смыслы задают основу для коммуникации внутри группы. Стенли Милгрэм (американский социальный психолог) продолжил исследования К. Линча, развивая идею, что представления о городе являются условием выживания в городской среде, то есть это не просто знания местности, маршрутов и ландшафта, но и правила, нормы, регуляции человеческого поведения. Социальные представления по С. Милгрэму – это продукт

множества людей. Не все они играют одинаковую роль в формировании образа. Те, кто занимает ведущее место в обществе, имеют большее влияние, престиж, доступ к средствам информации, чем более бедные люди. Им выгоднее навязывать свою концепцию желательного и нежелательного [9, с. 308–309]. Также социальные представления являются неким фильтром, через который информация о внешнем мире селективно попадает в поле зрения индивида.

Интересна также попытка Ф. Знанецкого выявления городской идентичности [10]. Хотя более широкое распространение получила идея об индивидуализации городского жителя, Ф. Знанецкого интересовало исследование города как человеческой целостности, поскольку, хотя город является совокупностью различных сообществ, все же существует ли ощущение духовной общности у жителей или нет? Несмотря на признание существования городского сообщества, принадлежность его членов к другим группам является более важной характеристикой по значимости взаимных обязательств и ожиданий членов групп друг к другу. Истоки идеи о городской идентичности восходят к М. Веберу, который употреблял словосочетание «братство горожан», обладающее взаимными правами и обязанностями преимущественно по защите города [1, с. 335].

Рассмотренные характеристики городского образа жизни не исчерпывают всего многообразия теорий, но очерчивают круг проблем, с которыми может столкнуться адаптант в городской среде. Конечно, эти теории уже неоднократно подвергались критике. Например, в соответствии с композиционной теорией, представителем которой является Герберт Ганс, повседневная жизнь людей протекает в так называемых социальных мирах, образуемых небольшими группами. Они выполняют изолирующую функцию для индивидов от окружающей среды, тем самым защищая от разрушительных процессов, о которых писал Л. Вирт (например, феномен «городских селян»). Несмотря на то, что критики отрицают возможность изучения города как целостной системы (Р. Сеннет, С. Сассен, М. Дэвис и др.) [8, с. 164], однако стоит признать, что городские жители находятся в единой среде, которая оказывает на них влияние (географическое, экологическое, политическое, культурное, экономическое и т. д.). О. Л. Лейбович акцентирует внимание на том, что город характеризуется тем, что в нем происходит повторяющееся, устойчивое, спонтанное взаимодействие людей, направленное на совместное освоение социального пространства; в городском пространстве на ограниченной территории функционируют многочисленные и разнообразные социальные институты (коммерческие, индустриальные, образовательные, властные и т. д.); организация данного пространства отражается на социальном поведении горожан, более того, оказывает формирующее воздействие на их жизненные стили; в результате в городе складывается особая социально-территориальная общность людей [5, с. 91].

Итак, город представляет собой открытую, постоянно изменяющуюся динамическую систему, включающую как экологические, так и социальные характеристики, также это площадка для взаимодействия гетерогенных ин-

дивидов, информации, смыслов, материальных объектов; город накладывает схемы, канализирующие социальную жизнь, но при этом дает свободу, невиданную сельским жителям. Так, Р. Парк указывает на непрерывный процесс адаптации как следствие влияния городской среды на индивида, поскольку последняя насыщена кризисами (под кризисом понимается любое нарушение привычки) [7, с. 39].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вебер, М. История хозяйства: Город: пер. с нем. / М. Вебер, Ин-т социологии Рос. Акад. наук. – М.: КАНОН-пресс-Ц, 2001. – 576 с.
2. Вирт, Л. Урбанизм как образ жизни / Л. Вирт ; пер. с англ. В.Г. Николаев ; отв. ред. Л.В. Гирко // Избранные работы по социологии: сб. переводов / РАН ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел социологии и социальной психологии. – М.: ИНИОН, 2005. – 244 с.
3. Волков, Г.Д. Адаптация и ее уровни / Г.Д. Волков, Н.Б. Оконская // Философия пограничных проблем науки. – Пермь, 1975. – Вып. 7. – С. 134–142.
4. Зиммель, Г. Большие города и духовная жизнь / Г. Зиммель // Логос. – 2002. – № 3–4. – С. 23–34.
5. Лейбович, О. Л. Большой город в постсоветском пространстве / О. Л. Лейбович, А. Н. Кабацков, Н. В. Шушкова // Мир России. – 2004. – № 1. – С. 91–105.
6. Линч, К. Образ города / К. Линч ; пер. с англ. В.Л. Глазычева ; сост. А.В. Иконников ; под ред. А.В. Иконникова. – М.: Стройиздат, 1982. – 328 с.
7. Парк, Р.Э. Предложения по исследованию человеческого поведения в городской среде / Р.Э. Парк // Избранные очерки: сб. переводов / сост. и пер. с англ. В.Г. Николаев ; отв. ред. Д.В. Ефременко. – М., 2011. – 320 с.
8. Хохлова, А.М. Мигрант как наивный этнограф: опыт освоения нового культурного пространства города / А.М. Хохлова // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2004. – Т. 7. – № 5. – С. 162–179.
9. Milgram, S. Cities as social representation // Social representations / ed. by R.M.Farr, S.Moscovici. Cambridge: Cambridge University Press. 412 p.
10. Znaniecki, F. Miasto w świadomości jego obywateli. Z badań Polskiego Instytutu Socjologicznego nad miastem Poznaniem. Polski Instytut Socjologiczny, 1931. 141 s.

УДК 37.02

УЧЕБНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ СТУДЕНТОВ: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

TRAINING AND COGNITIVE COMPETENCE OF STUDENTS: THE COGNITIVE ASPECT

ЛЕУШИНА Ирина Владимировна

Нижегородский государственный
технический университет им. Р.Е. Алексеева»,
Ниžний Новгород, Россия
E-mail: leushinaiv@yandex.ru

Аннотация. Важнейшим фактором обеспечения качества подготовки выпускников является формирование учебно-познавательной компетенции студентов. В работе рассматриваются варианты эволюции человеческого познания и, как следствие, познавательно-исследовательского мировоззрения, а также классификация учебных задач в контексте осознания, выделения и разработки индивидуумом авторских вариантов когнитивных действий и стратегий, что подводит его к самообучению. Познавательные процессы, механизмы познавательной деятельности выступают фундаментом учебной деятельности обучающегося. В этой связи анализируются некоторые когнитивные модели, варианты классификации общеучебных умений. Показано, что формально-динамические, процессуальные характеристики познавательной деятельности студента определяются его индивидуальным когнитивным стилем. Задача преподавателя заключается прежде всего в создании в аудитории обстановки, модельной информационно-образовательной среды, максимально благоприятствующей изучению соответствующей дисциплины, которая помогла бы реализовать все внутренние возможности и резервы обучающихся.

Ключевые слова: учебно-познавательная компетенция, когнитивный стиль, модельная информационно-образовательная среда.

LEUSHINA Irina V.

Nizhny Novgorod State Technical
University n.a. R.E. Alekseev,
Nizhny Novgorod, Russia
E-mail: leushinaiv@yandex.ru

Abstract. The most important factor in ensuring the quality of graduate training is the formation of the educational and cognitive competence of students. In this paper, the developmental directions of human cognitive activity are examined, and accordingly, two types of general cognitive-research attitude to the world, as well as the classification of educational tasks in the context of the individual's comprehension and isolation of his own methods of cognitive actions and the conscious development of cognitive strategies, which leads him to self-learning. Cognitive processes, mechanisms of cognitive activity are the foundation of the learning activity of the learner. In this regard, some cognitive models, variants of the classification of general educational skills are analyzed. It is shown that the formal-dynamic, procedural characteristics of the student's cognitive activity are determined by his individual cognitive style. The task of the teacher is primarily to create an environment in the classroom, a model information and educational environment that is most conducive to the study of the relevant discipline that would help to realize all the internal capabilities and reserves of students.

Keywords: educational and cognitive competence, cognitive style, model information educational environment.

Исследователи выделяют два эволюционных направления человеческого познания и, как следствие, два типа познавательно-исследовательского мировоззрения.

Первое направление связано с инвариантным подходом к жизненным реалиям и характеризуется отношением к ним как единому и устойчивому целому, а также потребностью в определенности и упорядоченности основных элементов деятельности. Второе направление (динамический подход) предполагает универсальное отношение к реальному миру как под-

вижному, изменяющемуся и нестабильному. В деятельности человека эти направления всегда дополняют друг друга, а траектории реального познания и обучения определяются их различным соотношением.

Для организации мышления было бы предпочтительным к любой задаче обозначить индивидуальную, строго определенную, последовательность действий, которая всегда без ошибок приводила бы к решению и упрощала процесс его достижения. Оптимальной стала бы разработка универсального алгоритма, который применим не только к определенному типу задач или к отдельной области, а в принципе к любой задаче, с которой можно столкнуться человеку в любой области. Однако мечты о таком универсальном методе оказались утопией, что вытекает из теоремы Генделя о неполноте, показывающей невозможность доказательства теоретическим выводным путем универсальности найденных законов и принципов и необходимость выхода за рамки изучаемой системы [1].

Для каждого варианта разрешения комплексных задач требуется постоянно комбинировать разные элементы декларативного (аксиомы, постулаты, теоремы) и процедурного (знание методов, стратегий, приемов, причем общелогических и предметно-специфических) знания.

Обязательной для формирования «расширяющейся зоны опережающего управления формированием мыслительных действий и операций» при решении задач студентами можно считать классификацию учебных задач Д. Толлингеровой [2]. Эти задачи предполагают: воспроизведение знаний; простые мыслительные операции; сложные мыслительные операции; обобщение знаний и сочинение; продуктивное мышление.

В работе [3] представленная выше классификация дополняется шестой группой, которая содержит рефлексивные задачи. Такие задачи непосредственно связаны с переходом к метапознавательной деятельности – осознанному использованию индивидуальных приемов построения эвристик, алгоритмов, способов анализа сложных проблемных ситуаций (например, задачи, позволяющие студентам научиться грамотно выполнять рефлексивные действия по построению письменного текста, а также стратегий коллективного и индивидуального поиска различных вызовов и определения путей их решения). При решении таких задач студенту необходимо осознавать и выделять собственные способы когнитивных действий и сознательно разрабатывать когнитивные стратегии, что подводит его к самообучению.

Познавательным стратегиям принадлежит отдельная ниша в целостной структуре опыта конкретного обучающегося. Тем не менее они тесно связаны с другими составляющими этой структуры и базируются на широком спектре мыслительных операций, фиксируются во внешних действиях, во многом определяют способности и стиль деятельности обучающегося, являясь проекцией его высших психических функций.

Многие исследования способностей констатируют, что именно они повышают продуктивность деятельности. При этом позитивный результат проявляет себя в знаниях, навыках и умениях, но не сводится исключительно к ним (С. Л. Рубинштейн, Б. М. Теплов и др.). А. А. Плигиным выдвигает-

ся предположение, что способности и деятельность связываются познавательными стратегиями: стратегии выступают базой для способностей и, в свою очередь, являются неотъемлемым операционально-управленческим элементом деятельности в целом [4]. Познавательные процессы, механизмы познавательной деятельности выступают фундаментом учебной деятельности обучающегося.

Технология обучения связана с изменением определенных познавательных этапов и создает, таким образом, маршрут познания. На этот стержень нанизываются формы обучения. Умение выдвигать цели обучения и подбирать адекватные инструменты их реализации (при соотнесении познавательных механизмов и разнообразных форм) представляет собой основу моделирования технологии обучения [5].

Гипотетическая когнитивная модель, основанная на понятии «гомункулусов», предлагаемая М. П. Карпенко [6], определяет, какие познавательные ресурсы человека и в какой степени следует применять в процессе обучения. Теоретической основой модели служит представление о «трех когнитивных гомункулусах», распоряжающихся познавательными процессами и выражающихся в форме познавательных систем (сенсорная, сознательная и бессознательная). Каждый из них имеет свою структуру, состоящую из компонентов мышления, памяти и управления (в том числе принятия решений и интенции как управления моторными импульсами), и действует как равноправный элемент. Применение данной модели предполагает, что знания (как владение информацией и итоговый познавательный результат) можно сформировать на уровне подсознания, а его рефлексивно-инновационные формы – привлекая уровень сознания.

С этой моделью в некоторой степени перекликается структурно-уровневая модель центрального звена психологического механизма творчества Я. А. Пономарева. Различие творческого и интеллектуального процессов состоит в том, что пассивное сознание способно лишь воспринимать результаты творчества. Напротив, бессознательное активно порождает творческий продукт и представляет его сознанию. В свою очередь, творческий продукт напрямую связан с интуицией (функция бессознательного) и ни в коей мере не вытекает из логического вывода. При оценке продукта как творческого релевантными являются социальные критерии: новизна, осмысленность, оригинальность и т. д. [7].

По своей психологической роли в рамках указанных моделей учение превращается в процесс становления продуктивности личности. При этом студенту становятся необходимыми осознание и выделение собственных способов когнитивных действий, разработка когнитивных стратегий.

Базу учебно-познавательной компетенции, входящей в состав иноязычной коммуникативной компетенции, представляет владение обобщенными способами деятельности: общеучебными (способы оперирования знаниями, применимые ко многим дисциплинам) и специальными (специфические для того или иного предмета, формируемые в процессе его изучения) учебными умениями.

Существуют различные варианты классификации общеучебных умений, в частности, деление их на три группы умений:

– учебно-интеллектуальные, структурирующие содержание процесса постановки и решение учебных задач;

– учебно-управленческие, решающие задачи планирования, организации, контроля и регулирования, а также нацеленные на анализ обучающимися их образовательных траекторий;

– учебно-информационные, призванные найти, обработать и рационально применить информацию к решению конкретных задач.

Следует еще раз подчеркнуть, что в методической литературе приводятся различные таксономии учебных умений и стратегий познавательной деятельности. Мы, вслед за Дж. Брунером, будем говорить о стратегиях как о способах приобретения, сохранения и использования информации для достижения определенных целей и приведения к определенным результатам, которым можно научиться. Для этого необходимы метакогнитивные стратегии, например, стратегии обдумывания процесса научения, его планирования, контроля за пониманием и продуцированием речи по ходу их осуществления, самооценки результатов научения.

Что касается стратегий овладения и использования иностранного языка, а также стратегий преодоления коммуникативных затруднений при производстве речи, то они подробно представлены А. А. Залевской на основе анализа отечественных и зарубежных исследований [8].

Активизации познавательных способностей обучающихся, по мнению автора, способствует знакомство студентов с успешными практиками преодоления трудностей и формирование на этой основе базы для самоконтроля и самокоррекции. В перспективе, речь может идти о специальных программах обучения.

В данном контексте существуют не только классификационные и концептуальные проблемы, но и проблемы учета индивидуальности каждого конкретного обучающегося, так как решение любой сложной задачи немислимо без привлечения когнитивных (познавательных), эмоциональных, личностных и социальных способностей и знаний студента.

Гуманизация образования, как новая образовательная парадигма, преобладающая сегодня в вузовском образовательном пространстве, базируется на приоритете вариативности индивидуальных познавательных стратегий, возможность реализации которых позволяет студенту в максимальной степени раскрыть свой личностный потенциал [9]. Одним из путей совершенствования учебной деятельности является создание педагогических условий для удовлетворения потребности субъекта учения в реализации его познавательной активности в соответствии с индивидуальными стилевыми особенностями. Анализ исследований стилевой проблематики приводит Г. А. Берулава [10].

В зарубежных источниках когнитивный стиль определяется как характеризующий формально-динамические, процессуальные параметры отдельных познавательных процессов или их определенных структурных паттер-

нов (А. Адлер, Р. Гарднер, Дж. Каган, Г. Келли, Г. Оллопорт, Х. Уиткин и др.). В советской и российской науке первоначально исследование индивидуальных стилевых особенностей проводилось в рамках деятельностной парадигмы: теоретический конструкт индивидуального стиля деятельности анализировался Е. П. Ильиным, Е. А. Климовым, аспекты его проявления в различных видах деятельности, в том числе учебной – А. К. Байметовым, О. А. Конопкиным, Г. Н. Неустроевым, П. С. Прыгиным, А. И. Сухаревой, коммуникативной – И. Г. Исмагиловой, И. П. Шкуратовой, познавательной – К. А. Абульхановой-Славской, педагогической – В. И. Загвязинским, В. А. Кан-Калик, Н. В. Кузьминой, А. К. Марковой, П. И. Пидкасистым, Я. А. Пономаревым.

В работах ученых внимание акцентируется на анализе специфических характеристик деятельности человека и его максимальной адаптации к ее требованиям. Под индивидуальным стилем деятельности понимается ее обобщенная, целостная личностно ориентированная характеристика. В центре внимания научной общественности оказались операциональный стиль, связанный с реляциями ориентировочных, исполнительных и контрольных операций, а также стиль общения как один из параметров стиля деятельности.

Сегодня большинство психологических исследований проводится в русле личностно ориентированной парадигмы развития личности. Когнитивные стили трактуются как индивидуально-своеобразные способы познавательного отношения человека к происходящему, проявляющиеся в особенностях индивидуальной картины мира (Д. Ройс). Проблема индивидуальных способов восприятия и переработки информации за рубежом получила развитие в концепции нейролингвистического программирования. Российские исследования индивидуальных стилей, развернувшиеся в последние десятилетия, направлены на активную личность как субъекта индивидуального стиля (В. А. Аллахвердов, А. Г. Асмолов, Г. А. Берулава, Б. Б. Коссов, И. П. Шкуратова и др.).

Теория стиля индивидуальности (Г. А. Берулава) рассматривает его как процессуальную характеристику поведения субъекта, детерминированного его образом мира, отражающего особенности личностно обусловленного смыслового поля. Выявлено, что на формирование стиля индивидуальности оказывает влияние социальная среда и обучение.

Едва ли вероятно смоделировать ситуацию, когда субъект получает информацию исключительно в рамках способов ее восприятия и переработки учебного материала, которые для него предпочтительны. Однако можно обеспечить условия для развития у обучающегося любых когнитивных стилей, ни в коем случае не превалирующих и подавляющих стиль его индивидуальности.

Следовательно, задача преподавателя, в том числе иностранного языка, заключается в создании в аудитории обстановки, модельной информационно-образовательной среды, максимально благоприятствующей изучению соответствующей дисциплины, которая помогла бы реализовать все внутренние возможности и резервы обучающихся [11].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Поддьяков, А.Н. Психология конкуренции в обучении / А.Н. Поддьяков. – М.: ГУ ВШЭ, 2006. – 231 с.
2. Толлингерова, Д. Психология проектирования умственного развития детей / Д. Толлингерова, Д. Голоушова, Г. Канторокова. – М.: Прага, 1994. – 152 с.
3. Ляудис, В.Я. Методика преподавания психологии / В.Я. Ляудис. – М.: Изд. УРАО, 2000. – 128 с.
4. Плигин, А.А. Познавательные стратегии школьников / А.А. Плигин. – М.: Профит Стайл, 2007. – 528 с.
5. Шамов, А.Н. Когнитивная парадигма в обучении лексической стороне иноязычной речи: монография / А.Н. Шамов. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2009. – 240 с.
6. Карпенко, М.П. Об одной когнитивной модели и ее роли в процессе обучения / М.П. Карпенко // Школьные технологии. – 1999. – № 3. – С. 86–89.
7. Психология одаренности: от теории к практике / под ред. Д.В. Ушакова. – М.: ИП РАН, 2000. – 96 с.
8. Залевская, А.А. Введение в психолингвистику / А.А. Залевская. – М.: Российский гос. гуманитарный ун-т, 1999. – 382 с.
9. Перспективы развития психологии и педагогики в современном мире: коллективная монография / Г.А. Берулава и [др.]. – Сочи: Международный инновационный университет, 2016. – 343 с.
10. Берулава, Г.А. Стиль индивидуальности: теория и практика / Г.А. Берулава. – М.: Педагогическое общество России, 2001. – 236 с.
11. Леушина, И.В. Лингвопрофессиональная подготовка в техническом вузе: бакалавриат, магистратура, специалитет: монография / И.В. Леушина, М.Е. Травянова. – М.: Изд. Дом НИТУ «МИСиС», 2018. – 200 с.

УДК 378.17

**СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СРЕДА ВУЗА
КАК ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА
ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ЗДОРОВЬЯ
СОВРЕМЕННОГО СТУДЕНТА**

**SOCIAL-CULTURAL ENVIRONMENT OF HIGHER
EDUCATION AS A PEDAGOGICAL PLATFORM
OF THE PROCESS OF FORMING THE CULTURE
OF HEALTH OF THE MODERN STUDENT**

КАЛИМУЛЛИНА Ольга Анатольевна
Казанский национальный исследовательский
технологический университет, Казань, Россия
E-mail: olgasir25@gmail.com

СИРОТКИНА Ольга Васильевна
Казанский национальный исследовательский
технологический университет, Казань, Россия
E-mail: olgasir25@gmail.com

KALIMULLINA Olga A.
Kazan National Research Technological
University, Kazan, Russia
E-mail: : olgasir25@gmail.com

SIROTKINA Olga V.
Kazan National Research Technological
University, Kazan, Russia
E-mail: : olgasir25@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы современного вуза в области формирования культуры здоровья студента. Решением данной проблемы является социально-культурная среда, которая включает внеучебную воспитательную работу для создания нужных условий: саморазвития, самореализации, мотивации формирования культуры здоровья.

Ключевые слова: образовательная система, вуз, студенты, социально-культурная среда, культура здоровья.

Abstract. The article deals with the problems of a modern university in the field of forming a student's health culture. The solution to this problem is the socio-cultural environment, which includes extracurricular educational work to create the necessary conditions: self-development, self-realization, motivation for the formation of a culture of health.

Keywords: educational system, university, students, socio-cultural environment, culture of health.

В современном обществе проблемы здоровья и самого процесса формирования культуры здоровья молодого поколения выходят за границы здравоохранения и ответственность за ситуацию, сложившуюся со здоровьем студенческой молодежи возложены и на систему образования. Среди многочисленных проблем образовательной системы особую актуальность приобретает проблема формирования культуры здоровья студентов как важная социально-педагогическая составляющая. От ее решения зависят качество подготовки современных молодых специалистов, развитие и использование интеллектуального потенциала общества, его здоровья.

Культура здоровья, впитывает в себя совокупность достижений человечества в разнообразных сферах – идеологии, образовании и воспитании, быте, науке, искусстве и т. п. Она интегрирована в общую систему культуры, которая приобретает ведущее значение среди глобальных проблем современности, определяющих будущее человечества. Следовательно, на современном этапе возникает необходимость в активном формировании культуры здоровья – индивидуальной и популяционной (массовой, государственной).

Между тем формирование культуры здоровья является проблемой педагогической, решение которой осуществляется через образовательно-воспитательный процесс современного вуза. Одной из приоритетных задач образования является сохранение и укрепление здоровья участников образовательного процесса, формирование у них ценностей здоровья и здорового образа жизни [2]. Весь период обучения в вузе должен быть наполнен активным формированием у молодежи культуры здорового образа жизни и самосохраняющих стратегий поведения.

В современном мире культура здоровья – это комплексное понятие, которое включает теоретические знания о факторах, благоприятствующих здоровью, а также грамотное применение в повседневной жизни принципов активной стабилизации здоровья, то есть оздоровления. Культура здоровья человека отражает его гармоничность и целостность как личности, адекватность взаимодействия с окружающим миром и людьми, а также способность человека к творческому самовыражению и активной жизнедеятельности [3].

Процесс обучения в вузе, как правило, совпадает с периодом становления ценностного сознания молодых людей, их моральных и профессиональных качеств. В этой связи вуз и его среда выступают важным условием формирования личности студента.

Социокультурная среда высшего учебного заведения выступает таким конструктом, который характеризует социокультурное пространство вуза с качественной стороны и раскрывает его социокультурную организацию, являясь педагогической платформой по своей сути. Социально-культурный подход к организации процесса по формированию культуры здоровья молодежи неизбежно связан с определением цели деятельности субъектов. Цель эта, на взгляд авторов, состоит в том, чтобы сформировать у молодых людей культуру здоровья. На современном этапе развития образования социально-культурная среда вуза представляется сложной структурой общественных, материальных и духовных условий, в которых реализуется деятельность всех субъектов образовательной деятельности. Среда оказывается существенным условием их личностного и профессионального развития. В то же время под влиянием активности этих субъектов среда может изменяться [4]. Одной из ведущих целей вуза является организация такой социально-культурной среды, в которой реализуются творческие процессы нормообразования и существует свободный выбор социокультурных норм.

Социокультурная среда Казанского национального исследовательского технологического университета (КНИТУ) представляет собой пространство совместной жизнедеятельности студентов, преподавателей, сотрудников университета. Она является интегративным фактором личностного становления студента, влияние которого опосредуется включением обучающегося в различные сферы жизнедеятельности вуза. Структурными элементами социокультурной среды являются учебно-воспитательная, научно-исследовательская, информационная, коммуникативно-досуговая, бытовая, предметно-пространственная, управленческо-координационная сферы.

Таким образом, целями формирования и развития социально-культурной среды вуза являются:

- создание условий для успешной социально-психологической адаптации к будущей профессиональной и социальной деятельности;
- формирование ценностной и профессиональной ориентаций выпускника;
- раскрытие индивидуальных ресурсов личности;
- формирование духовных норм и ценностей как основы развитой общей культуры выпускника университета;
- создание условий для самоидентификации и саморазвития творческой личности [1].

Между тем основная задача социокультурной среды – подготовка студентов к самореализации в основных сферах жизнедеятельности: познавательной, профессиональной, семейной, духовно-культурной, общественно-политической [5].

Организация социально-культурной среды КНИТУ опирается на стратегические документы, определяющие формирование социально-культурной среды вуза, обеспечивающей развитие социально-личностных компетенций обучающихся [1].

Прежде всего, социально-культурная среда университета включает:

- учебную, научно-исследовательскую, информационную и внеучебную работу кафедр и факультетов по формированию социально-личностных компетенций у студентов;

- воспитательную и коммуникативно-досуговую работу посредством участия студентов в различных формах общественной самодеятельности и спорте;

- работу по привитию обучающимся ценностей и норм организационной культуры: организация общеуниверситетских праздников и торжественных событий, предполагающих реализацию приобретенных умений и навыков, самовыражение студентов в индивидуальном и коллективном творчестве;

- самоуправление в системе управления вузом;

- воспитательную работу в общежитиях, при организации отдыха, служащую специфическим средством формирования культуры студенческого быта и досуга [1].

Система управления и координации учебной, воспитательной и внеучебной работой осуществляется в единстве целей, задач и методов на нескольких уровнях:

- ректор осуществляет общее руководство учебной, воспитательной и научно-исследовательской работой;

- воспитательную и внеучебную работу курирует и координирует начальник отдела воспитательной работы, подотчетный ректору и ученому совету университета;

- текущую и оперативную часть работы организует отдел по воспитательной работе совместно со студенческим советом;

- организация и контроль по воспитательной работе осуществляется на уровнях институтов, факультетов, кафедр, кураторов академических групп;

- текущую работу на факультетах и кафедрах курируют декан, заведующие кафедрами.

В КНИТУ внеучебная воспитательная работа выделена в качестве приоритетного направления в деятельности вуза и предусматривает решение следующих задач:

- создание условий для развития социокультурной среды, способствующей самовыражению, саморазвитию и самореализации личности;

- воспитание высоко нравственной, духовно развитой, физически здоровой культурной личности выпускника университета, способной к эффективной профессиональной деятельности и обладающей необходимой мотивацией и стремлением к постоянному профессиональному росту;

- развитие познавательных и творческих способностей обучающихся;

- содействие организации научно-исследовательской работы студентов;

- развитие у обучающихся правового самосознания, инициативы, самостоятельности, толерантности, гражданской активности и ответственности;

- формирование системы социально-психологической адаптации студентов и пропаганды здорового образа жизни, профилактика зависимостей и правонарушений в студенческой среде;

- развитие системы студенческого самоуправления, поддержка студенческих общественных организаций и объединений;
- развитие организационной культуры вуза и формирование позитивного имиджа университета, сохранение и развитие университетских традиций [1].

В социально-культурной среде университета существует целый ряд подразделений и общественных организаций, созданных для развития личности и управления социально-культурными процессами, способствующих укреплению нравственных, гражданских, патриотических и общекультурных качеств обучающихся. В формировании социокультурной образовательной среды активно участвуют такие подразделения университета, как: ассоциация выпускников; библиотечно-информационный центр; веб-сайт КНИТУ; информационно-издательский центр; музей истории КНИТУ; объединенная редакция газеты «КНИТУ»; студенческий Совет; центр молодежных научных инициатив; управление учебно-методической работы университета; факультеты и кафедры.

Кроме того, среди наиболее популярных у студентов видов досуга доминируют физкультура и спорт, обеспечивающие не только здоровье, нормальное физическое развитие, но и умение владеть собой, своим телом. Кстати, отношение человека к своей физической конституции является показателем его истинной культуры, отношения ко всему остальному миру. Удобные формы приобщения к физкультуре и спорту – группы здоровья, секции, спортивные клубы.

Таким образом, деятельность социальных и досуговых центров вуза, являясь определенной педагогической платформой, состоит не столько в том, чтобы предоставить каждому студенту как можно более разнообразные виды занятий, сколько в том, чтобы через то дело, которым человек любит заниматься в условиях свободного времени, как можно более многообразно и глубоко развивать различные стороны его личности: интеллектуальный потенциал, нравственное развитие, эстетические чувства, что в итоге влияет на процесс формирования культуры здоровья современного студента. Социально-культурная среда вуза включает в себя систему мероприятий, которые удовлетворяют потребность молодых людей в их желании быть здоровыми и развивать личностные качества. Как показывает практика, отдельно взятые центры КНИТУ перестают быть автономными источниками досуга для студентов и становятся в рамках социально-культурного центра структурой, обеспечивающей полноценное культурное включение студентов в процесс социализации и формирования культуры здоровья.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Абуталипова, Л.Н.* Тенденции воспитательной работы ФГБОУ ВО «КНИТУ»: учебно-методическое пособие / Л.Н. Абуталипова, М.В. Журавлева, Д.В. Сутопяко, А.Н. Горшков, О.В. Сироткина. – Казань: Изд-во КНИТУ, 2016. – 94 с.
2. *Вараксин, В.А.*, Проблема формирования культуры здоровья у студентов / В.А. Вараксин, Е.В. Егорычева, И.В. Чернышова, М.В. Шлемова // Международный студенческий научный вестник. – 2015. – № 5. – С. 4–6.

3. *Верхорубова, О.В.* Многообразие определений феномена «культура здоровья» как показатель его многогранности в педагогическом образовании / О.В. Верхорубова, Н.А. Лобанова // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). – 2012. – Вып. 5. – С. 161–165.

4. *Раковская, О.Л.* Модель развития творческой активности студентов / О.Л. Раковская // Проф. образование. Столица. – 2008. – № 7. – С. 24–25.

5. *Калимуллина, О.А.* Синергетический подход к процессу воспитания современного студента как фактор развития личности / О.А. Калимуллина // Социально-культурная деятельность: векторы исследовательских и практических перспектив: материалы Международ. электронной научно-практ. конф., 18 мая 2018 г. / КазГИК. – Казань: Изд-во «Астор и Я», 2018. – С. 220–225.

УДК 37.03

РАЗВИТИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА (из опыта НОЦ ВолНЦ РАН)

DEVELOPMENT OF THE INTELLECTUAL POTENTIAL OF THE POPULATION OF THE REGION (FROM THE EXPERIENCE OF THE SEC OF VOLSC RAS)

КУЛАКОВА Анна Борисовна

Вологодский научный центр
Российской академии наук, Вологда, Россия
E-mail: seni4eva@yandex.ru

СУХАРЕВА Любовь Михайловна

Вологодский научный центр
Российской академии наук, Вологда, Россия
E-mail: seni4eva@yandex.ru

ДУРЯГИНА Наталья Николаевна

Вологодский научный центр
Российской академии наук, Вологда, Россия
E-mail: seni4eva@yandex.ru

Аннотация. Материалы представленной статьи посвящены изучению влияния публичных лекций на развитие интеллектуального потенциала населения региона. На основе анализа опыта проведения публичных лекций в ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» формулируются выводы об успешности реализации данной формы просвещения, которая позволяет эффективно интегрировать научное знание в образовательную систему региона, формируя тем самым интеллектуальный потенциал. Только системная работа по данному направлению образовательных и научных организаций совместно с администрацией региона обеспечит устойчивое экономическое развитие территории.

Ключевые слова: интеллектуальный потенциал региона, научно-образовательный центр, публичная лекция ведущих ученых.

KULAKOVA Anna B.

Vologda Scientific Center of the Russian
Academy of Sciences, Vologda, Russia
E-mail: seni4eva@yandex.ru

SUKHAREVA Lyubov M.

Vologda Scientific Center of the Russian
Academy of Sciences, Vologda, Russia
E-mail: seni4eva@yandex.ru

DURYAGINA Natalia N.

Vologda Scientific Center of the Russian
Academy of Sciences, Vologda, Russia
E-mail: seni4eva@yandex.ru

Abstract. The materials of the article are devoted to the study of the influence of public lectures on the formation and development of the region's intellectual potential. Based on the analysis of the experience of conducting public lectures in FGBUN Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, conclusions are drawn about the success of this form of education, which allows to effectively integrate scientific knowledge into the educational system of the region, thus forming intellectual potential. Only systematic work in this area of educational and scientific organizations in conjunction with the administration of the region will ensure a sustainable development of the intellectual potential of the territory.

Keywords: intellectual potential of the region, scientific and educational center, public lecture of leading scientists.

Экономика на современном этапе развития представляет собой совокупность рынка интеллектуальных знаний, информации и рынка материальных товаров и ресурсов, где лидирующую позицию занимает интеллект-

туальная деятельность каждого члена социума. Такой тип экономики называется «экономика знаний» или «инновационная экономика». Специфической особенностью экономики, основанной на знаниях, выступают интеллектуальные способности индивида, которые оказывают влияние на научно-техническое и организационно-экономическое развитие общества. Этим обуславливается потребность в непрерывном совершенствовании интеллектуального потенциала общества: обновлении знаний, повышении профессиональных компетенций, ускоренном обучении и превращении интеллектуальных ресурсов в ведущий фактор конкурентоспособности населения региона в целом [1].

Интеллектуальный потенциал личности и общества, проблемы его развития изучаются В. Ж. Келле, О. Л. Краевой, В. А. Иванцовым, Н. Л. Макаренковым; составляющие интеллектуального потенциала исследованы в работах И. А. Богдашева, В. Г. Доброхлеба, А. Д. Космина, В. К. Левашова, М. Н. Руткевича; в качестве системной характеристики интеллектуальный потенциал человека изучают В. Н. Дружинин, О. Т. Лебедев, Т. Ю. Филиппова. Проанализировав методологические подходы к пониманию интеллектуального потенциала, можно сделать вывод о том, что это совокупность интеллектуальных возможностей индивидов, проживающих на определенной территории.

Фундаментальной основой интеллектуального потенциала региона являются интеллектуальные возможности его населения. Данный факт обуславливает значимость непрерывного образовательного процесса населения региона [2; 3]. Развитие новой парадигмы образования, в котором основным ресурсом становится высококвалифицированный, успешный, быстро адаптирующийся к новым изменениям специалист, требует достижения нового качества образования, которое соответствует новым многофункциональным и многомерным компетенциям нового времени. Для достижения поставленной задачи необходимым условием ее реализации является осознание и понимание значимости обучения на всех уровнях регионального управления. Только совместное сотрудничество органов власти, представителей высшей школы и научных сообществ позволит осуществлять качественную подготовку конкурентоспособных специалистов на основе интеграции образовательной деятельности с фундаментальными и прикладными исследованиями [4].

В контексте рассматриваемого вопроса, интересен опыт Вологодского научного центра Российской академии наук, на базе которого функционирует система подготовки кадров высшей квалификации в области экономики и управления.

В рамках сотрудничества ВолНЦ РАН с администрацией г. Вологды и МШЭ МГУ им. М. В. Ломоносова в качестве приоритетного направления было определено включение специалистов в систему непрерывного обучения через реализацию цикла публичных лекций, проводимых ведущими российскими учеными, докторами наук, профессорами, в том числе действительных членов или членов-корреспондентов Российской академии наук

попроблемам социально-экономического развития общества. Главный целевой ориентир подобной формы просвещения направлен на развитие качественно нового уровня интеллектуального капитала региона в сфере экономики, политики, образования, науки и культуры – подготовку интеллектуальной элиты региона [5; 6].

Так, в период с 2013 по 2017 гг. было организовано 13 визитов ведущих российских ученых, в рамках которых состоялись публичные лекции и научно-практические семинары по актуальной тематике развития современного общества (табл. 1).

Таблица 1

Публичные лекции, научно-практические семинары, организованные в 2013–2017 гг.

№ п/п	ФИО лектора	Должность	Тема лекции
1	С.С. Губанов	Главный редактор журнала «Экономист»	Состояние и перспективы экономики России
2	Р.С. Гринберг	Директор Института экономики РАН	Экономические модели современного мира: общие закономерности и российская специфика
3	В.М. Полтерович	Заместитель директора Центрального экономико-математического института РАН	Институты и инструменты региональной модернизации
4	В.Л. Квинт	Заведующий кафедрой финансовой стратегии МШЭ МГУ	Стратегирование регионального развития
5	М.К. Горшков	Директор Института социологии РАН	Актуальные проблемы современного российского общества: научные подходы и практика
6	С.С. Губанов	Главный редактор журнала «Экономист»	Системный кризис и выбор пути развития России
7	П.А. Минакир	Директор Института экономических исследований Дальневосточного отделения РАН	Восточный вектор экономической политики России
8	А.Р. Бахтизин	Заведующий лабораторией компьютерного моделирования социально-экономических процессов ЦЭМИ РАН	Агент-ориентированные модели экономики
9	Е.Д. Сушко	Старший научный сотрудник лаборатории издательской и маркетинговой деятельности ЦЭМИ РАН	
10	М.Ю. Головнин	Временно исполняющий обязанности директора Института экономики РАН	Внешние потрясения для экономики России и реакция на них в денежно-кредитной политике
11	Н.Н. Зубаревич	Профессор кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова	Социально-экономическая ситуация в регионах России
12	В.М. Полтерович	Заместитель директора Московской школы экономики МГУ имени М.В. Ломоносова	К стратегии развития региона до 2030 года
13	П. Оуй	Координатор проекта SI-Drive	Извлеченные уроки от проекта SI-Drive в отношении социальных инноваций на рабочем месте

По итогам лекций и семинаров проводилось анкетирование слушателей. Каждое мероприятие получило достаточно высокую оценку: более 8,94 баллов по 10-балльной шкале (табл. 2).

Таблица 2

**Оценка результатов анкетирования участников семинаров,
публичных лекций**

Ф.И.О. докладчика	Актуальность темы	Доступность	Целесообразность обсуждения	Среднее значение по всем критериям
С.С. Губанов (2013 г.)	9,73	9,13	8,87	9,24
Р.С. Гринберг	9,48	9,30	9,29	9,36
В.М. Полтерович (2014 г.)	9,49	9,32	9,3	9,37
В.Л. Квинт	9,48	9,67	9,29	9,48
М.К. Горшков	9,25	9,12	8,96	9,11
С.С. Губанов (2015 г.)	9,72	9,51	9,05	9,43
П.А. Минакир	9,22	9,07	8,87	9,05
А.Р. Бахтизин, Е.Д. Сушко	9,10	8,67	9,07	8,95
М.Ю. Головнин	9,40	8,82	8,60	8,94
Н.Н. Зубаревич	9,61	9,12	9,04	9,28
В.М. Полтерович (2016 г.)	9,48	9,59	9,41	9,49
П. Оуй	9,24	9,11	8,67	9,0

Подобное распределение показателей свидетельствует об успешности реализации такой формы просвещения, позволяющей интегрировать научное знание в образовательную систему региона, формируя и развивая тем самым его интеллектуальный потенциал.

Обобщив результаты проделанной работы, следует отметить, что ценность интеллектуального потенциала формируется и самовозрастает только в контексте целенаправленно реализуемой в регионе стратегии развития. Эффективность использования интеллектуального потенциала и создание условий для его воспроизводства является приоритетным направлением экономической политики России и в регионе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мингалева, Ж.А. Управление интеллектуальным потенциалом региона / Ж.А. Мингалева, И.И. Максименко // Вестник Пермского университета. – 2010. – Вып. 1(4). – С. 54–60.
2. Аньшин, В.М. Инновационный менеджмент: Концепции, многоуровневые стратегии и механизмы инновационного развития : учебное пособие / В.М. Аньшин, В.А. Дагаев. – М. : Дело, 2007. – 584 с.
3. Киршин, И.А. Роль федеральных университетов в развитии и реализации интеллектуального потенциала страны и региона [Электронный ресурс] / И.А. Киршин, И.А. Вашурин, М.Н. Овчинников. – Режим доступа : http://ifets.ieee.org/russian/depositary/v13_i3/pdf/12r.pdf
4. Минасов, М. Интеллектуальный потенциал региона – важнейший фактор устойчивого развития / М. Минасов // Экономика и управление: научно-практический журнал. – 2012. – № 4. – С. 29–35.
5. Беляева, О. В. Интеллект как ценность и потенциал в образовании / О. В. Беляева // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2009. – № 3. – С. 53–56.
6. Кулакова, А. Б. Интеллектуальный потенциал региона: теоретико-методологический подход / А.Б. Кулакова // Вопросы территориального развития. – 2017. – № 2 (37). – Режим доступа : URL: <http://vtr.vscs.ac.ru/article/2207>

УДК 37.013
ББК 74.05

**ОНЛАЙНОВЫЙ МУЛЬТИМЕДИА ПРОДУКТ –
ЗАМЕНА СТУДЕНЧЕСКОГО РЕФЕРАТА:
ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ**

**ONLINE MULTIMEDIA PRODUCT AS A REPLACEMENT OF
STUDENT'S ESSAY: APPLICATION EXPERIENCE**

ШТЫРОВ Андрей Вячеславович
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет,
Волгоград, Россия
E-mail: an.shtyrov@gmail.com

КАЗАНОВА Наталия Витальевна
Волгоградский государственный технический
университет, Волгоград, Россия
E-mail: nvk-work@yandex.ru

Аннотация. В статье описывается опыт организации самостоятельной работы студентов методом подготовки мультимедийных онлайн-рефератов. Предполагается, что подобная форма учебных работ с медиа-иллюстрациями, гиперссылками на источники открытого доступа в Интернете делают мультимедийные рефераты в форме таймлайнов информационно насыщенными и, в то же время, более удобными для восприятия, чем традиционные текстовые рефераты. Особо значимо, что подобную форму отчетности невозможно пока скопировать, поэтому мультимедийные рефераты выполняются студентами самостоятельно. Итоги двухлетней работы позволяют сделать вывод о несомненной эффективности данного метода и целесообразности его применения в организации СРС при изучении дисциплин социально-гуманитарного блока.

Ключевые слова: информационные технологии; образование; онлайн-рефераты; таймлайны; мультимедиа рефераты; студенческие рефераты

SHTYROV Andrey V.
Volgograd State Socio-Pedagogical
University,
Volgograd, Russia
E-mail: an.shtyrov@gmail.com

KAZANOVA Natalya V.
Volgograd State Technical University,
Volgograd, Russia
E-mail: nvk-work@yandex.ru

Abstract. The article describes the experience of organizing students' work by preparing multimedia online essays. It is assumed that this form of educational work with media illustrations, hyperlinks to sources of open access on the Internet makes multimedia abstracts in the form of timelines information-rich and, at the same time, more convenient for perception than traditional textual abstracts. It is especially significant that such a form of reporting is not yet possible to copy-past, so multimedia essays are performed by students independently. The results of the two-year work make it possible to draw a conclusion about the undoubted effectiveness of this method and the expediency of its application in the organization of the students' work in the study of the disciplines of the socio-humanitarian bloc.

Keywords: information technology; education; online-abstracts; timelines; information competence.

Одним из средств контроля усвоения знаний студентов по гуманитарным дисциплинам традиционно является реферат, то есть краткий доклад по определенной теме, содержащий обзор одного или нескольких источников, представляемый преподавателю на проверку в письменном виде. В идеале реферат позволяет не только проверить усвоение студентом знаний по определенной теме, но и сформировать умение выделить в реферируемых текстах основные мысли авторов, структурировать и логично изложить полученные знания.

К сожалению, интенсивное распространение новых информационных технологий, позволяющих легко копировать любые тексты и обмениваться ими через Интернет, привело к появлению такого малоприятного феномена, как «параллельный рынок образовательных услуг» [1], значительную долю которого составляет рынок готовых рефератов. В результате ценность этого вида студенческих учебных работ за короткое время снизилась прак-

тически до нуля. Студенты сдают преподавателю найденные в Интернете тексты, более или менее подходящие к заданной теме, в большинстве случаев даже не прочитав их. Попытки преподавателей формулировать темы по-новому, оригинально, успеха, как правило, не имеют: новые темы находят отражение лишь на титульных листах, под которыми скрываются все те же тексты десяти-пятнадцатилетней давности. Защита реферата, то есть собеседование преподавателя со студентом по представленному тексту, в условиях сокращения количества времени, отводимого на индивидуальную работу со студентами, зачастую превращается в формальность. Требования некоторых преподавателей писать рефераты от руки, чтобы заставить студентов хотя бы прочесть найденный текст, также не приводят ни к чему, кроме неудобств для самих преподавателей, и распространению такой услуги, как переписывание текста нарочито неразборчивым почерком за скромную плату. Определенные надежды возлагались на автоматизированные системы проверки оригинальности текстов типа «Антиплагиат», но и они, как оказалось, не в состоянии исправить ситуацию, тем более что жанр реферата сам по себе предполагает высокую долю заимствованного текста [2; 3].

Проблема студенческого плагиата и академического мошенничества исследуется достаточно серьезно и интенсивно [2; 4–7]. Исследователи предлагают различные варианты реорганизации самостоятельной работы студентов в условиях становления и развития информационного общества и пути разрешения данной проблемы (см., напр., [3; 8–10]). Один из способов, которым в последнее время все чаще пользуются преподаватели, состоит в том, что вместо традиционных текстовых рефератов студентам даются задания по подготовке электронных онлайн-ресурсов, включающих в себя элементы мультимедиа. Авторский опыт работы со студентами ВолгГТУ и ВГСПУ в таком формате, начиная с 2015 года, позволил сделать некоторые выводы и определить плюсы и минусы такого подхода.

Создание мультимедийного онлайн-продукта сочетает в себе достоинства традиционного реферата с необходимостью обладания хотя бы на начальном уровне соответствующими компетенциями в области современных информационно-коммуникационных технологий. Особо следует отметить, что авторы не используют для указанных целей презентации. Это достаточно давняя и распространенная практика [11; 12], но создание традиционной презентации не всегда способствует достижению всех заявленных целей. Поэтому в данном случае речь идет именно о мультимедийном онлайн-продукте – о таймлайнах, которые традиционно применяются в интернет-СМИ, в последнее время используются и как инструмент обучения [13–15].

Для выполнения мультимедийных рефератов обучаемым было предложено воспользоваться специализированными интернет-сервисами для создания *таймлайнов* (подробнее о том, что такое таймлайн смотрите здесь: <https://goo.gl/3egaOV>; <http://elearningpro.ru/profiles/blogs/5-2> и <https://infogra.ru/design/20-velikolepnyh-primerov-tajmlajnov-v-veb-dizajne>).

Работа студента состоит из двух этапов: поиск информации по заданной теме и ее представление в виде мультимедийного онлайн-продукта, содер-

жащего в себе, кроме текста, также иллюстративный материал (графика и, возможно, видео) и, в некоторых случаях, интерактивные элементы (например, опрос по теме работы, иллюстрацию или карту с интерактивными зонами и т. п.). Преподаватели особое внимание уделяли умению выделить из найденного материала основные мысли, структурировать их и изложить в наиболее лаконичной и емкой форме.

Исследование проводилось со студентами технических и социально-гуманитарных специальностей в двух вузах: Волгоградском государственном техническом университете и Волгоградском государственном социально-педагогическом университете. За период 2015–2018 годы в эксперименте участвовало 312 обучающихся, представивших 242 мультимедийных реферата (некоторые студенты ВолГТУ выполняли работы в паре). Базовыми дисциплинами для проведения работ были «Философия» для студентов факультета информатики и вычислительной техники ВолГТУ и «Информационно-коммуникационные технологии в культурно-просветительской деятельности» для студентов факультета историко-правового образования ВГСПУ. Подробно методика эксперимента и некоторые результаты в части, касающейся студентов ВолГТУ, описаны ранее [16].

Как и предполагалось, основные трудности у студентов технических специальностей (ВолГТУ) возникали на первом этапе работы, при анализе и структурировании текста. Около 20 % студентов демонстрировали неумение найти в пространстве Интернета базовую информацию по предложенной теме, выделить в тексте основную мысль автора, структурировать свое изложение текста; порядка 10 % обучаемых испытывали затруднения в этих действиях. По данной причине авторы облегчили студентам задачу, предложив им структурировать свои работы в виде «лент времени» (таймлайнов). Это позволило студентам сосредоточиться на поиске соответствующей информации, ее формулировке в возможно более кратком и емком виде, так как формат таймлайна требует применения текстов минимально необходимого объема, и оформлении заимствований в соответствии с общепринятыми правилами цитирования.

У студентов-гуманитариев (ВГСПУ) умение работать с текстами было значимо выше. Ожидали возникновения основных проблем на этапе освоения технических инструментов для создания таймлайнов, но они оказались не существенны. Большинство студентов-гуманитариев осваивали предложенные инструменты в течение тридцати-сорока минут под руководством преподавателя, после чего приступали к самостоятельной работе. Студенты факультета информатики и вычислительной техники ВолГТУ осваивали предложенные инструменты самостоятельно, в рамках СРС в процессе обучения по дисциплине «Философия».

Для выполнения задания студентам были сформулированы следующие требования:

- освоить один из предложенных сервисов по созданию таймлайнов;
- найти и проанализировать биографии ученых, философов из предложенного преподавателем списка (данная задача – традиционна для написа-

ния реферата; отличительной особенностью в данном формате является ограничение объема представляемого в текстовом виде материала, а также строгая привязка событий к хронологии в биографии выбранного для реферата исторического лица);

– оформлять активные гиперссылки на процитированные источники (не только текстового характера). В отличие от списка литературы в реферате, который может и не иметь никакого отношения к тексту, по активным гиперссылкам преподаватель действительно может убедиться, что студент работал с цитируемым источником и как именно он его использовал.

– подобрать к тексту иллюстративный материал (инфографика, мемы, видео- или аудиосопровождение текста – подобная задача при написании традиционных рефератов не ставится).

Большинство студентов ВолгГТУ с интересом восприняли новые условия игры. Примеры некоторых работ можно посмотреть по адресам: <https://goo.gl/LLmgDl> («Нильс Бор»); <https://goo.gl/gM1VWj> («Пьер Тейяр де Шарден»); <https://goo.gl/Q8oeYJ> («Стивен Хокинг»); <https://goo.gl/Sq6Smg> («Умберто Эко»).

Задания, поставленные студентам ВГСПУ, имели некоторые отличия от заданий студентов ВолгГТУ. Во-первых, студенты делали таймлайны не только биографического содержания (<https://goo.gl/uuuyDb> «Карл Маркс»), но и по историческим событиям (<https://goo.gl/UyYdjJ> «Антоновское восстание», <https://goo.gl/PQ3yj7> «Зимняя война 1939–1940» и др.). Кроме того, созданные ими таймлайны включались в качестве составной части в более крупный проект по выбранной теме, работа над которым велась на протяжении нескольких занятий.

Основной ожидаемый результат – формирование у студентов следующих компетенций: поиск информации по заданной теме; развитие поисковой активности; навык работы с источниками; критический анализ найденного информационного материала; отбор наиболее значимых данных и их верификация; уяснение понятия «интеллектуальная собственность»; упорядочение и структурирование материала в соответствии с поставленной задачей; репрезентация информационного материала; визуализация линейного текстового материала посредством подбора медиаконтента.

Большинство студентов в обоих университетах успешно справились с заданием. Обмен ссылками на работы внутри групп (например, в группах, организованных в социальной сети «ВКонтакте») позволил студентам просматривать работы друг друга, что положительно сказалось на их уровне. Преподаватели также имели возможность подробно ознакомиться с представленными студентами таймлайнами и изложить свои замечания как индивидуально, так и, при необходимости, публично (в пределах группы), отправив соответствующие сообщения или оставив комментарии на странице сообщества. В результате такого рода «мозгового штурма», студенты вносили существенные исправления в свои мультимедийные рефераты после замечаний преподавателя и/или конструктивной критики коллег по группе.

Просматривая работы однокурсников, студенты не только имели возможность критиковать их, высказывать замечания, но и получали дополни-

тельную информацию по темам работ своих товарищей. В этом состоит еще одно преимущество работы над онлайн-мультимедиа продуктом перед традиционным реферированием. Как известно, в большинстве своем студенты не читают даже собственные рефераты, которые сдают преподавателю при традиционной организации работы. Но краткий, емкий, клиповый стиль подачи информации в работах, выполненных в ходе проекта, оказался весьма подходящим для того, чтобы заинтересовать большинство обучающихся.

Можно утверждать, что опыт замены традиционных рефератов подготовкой онлайн-мультимедиа-продукта оказался положительным. Новая форма работы заинтересовала большинство студентов, позволила несколько поднять качество работ, сделала процесс проверки результатов более эффективным и объективным, но и более трудоемким. Авторы считают целесообразным продолжить эту практику уже не в качестве эксперимента, но как важную составную часть повседневной совместной деятельности преподавателя и студентов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Степанов, А.Г. Как бороться с параллельным рынком образовательных услуг средствами информационных технологий / А.Г. Степанов // Актуальные проблемы экономики и управления. – 2015. – № 2 (6). – С. 75–79.
2. Баделина, М.В. Реферат как одна из форм плагиата / М.В. Баделина, О.В. Караджова // Вопросы науки и практики - 2018. 1 сессия: сб.ст. III Межд. науч. конф. – 2018. – С. 127–135.
3. Васильева, В.Д. Организуемая самостоятельная работа студентов: судьба реферата / В.Д. Васильева, Р.М. Петрунева // PRIMO ASPECTU. – 2017. – № 3 (31). – С. 72–79.
4. Голунов, С.В. Студенческий плагиат как вызов системе высшего образования в России и за рубежом / С.В. Голунов // Вопросы образования. – 2010. – № 3. – С. 243–258.
5. Барчунова, Т.В. Эссе о копипасте: заимствование, компиляция, плагиат / Т.В. Барчунова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. – 2014. – Т. 12, № 2. – С. 58–66.
6. Кичерова, М.Н. Плагиат в студенческих работах: анализ сущности проблемы / М.Н. Кичерова и др. // Интернет-журнал «Науковедение». – 2013. – № 4 (17). – С. 82.
7. Федоровская, Н.А. Пути снижения показателей уровня плагиата в работах студентов творческих направлений в высших учебных заведениях / Н.А. Федоровская // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – № 11–3. – С. 533–536.
8. Дулина, Н.В. Домашнее задание как форма самостоятельной работы студентов в курсе социологии / Н.В. Дулина, Е.Г. Ефимов, Н.А. Овчар // Известия ВолгГТУ : межвуз. сб. науч. ст. № 8 (68) / ВолгГТУ. – Волгоград, 2010. – (Серия «Новые образовательные системы и технологии обучения в вузе»). – С. 76–79.
9. Овчар, Н.А. Прикладные методики в преподавании социологии и их роль в формировании компетенций / Н.А. Овчар // Известия ВолгГТУ : межвуз. сб. науч. ст. № 5 (43) / ВолгГТУ. – Волгоград, 2008. – (Серия «Новые образовательные системы и технологии обучения в вузе»). – С. 156–157.
10. Бурняшов, Б.А. Новая форма учебного реферирования – электронный учебный реферат / Б.А. Бурняшов // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6. – С. 817.
11. Хуторова, Л.М. Особенности подготовки и представления презентаций рефератов с использованием мультимедийных средств по дисциплине «История» студентами технических направлений / Л.М. Хуторова // Вестник Казанского государственного энергетического университета. – 2013. – № 4 (9). – С. 144–146.
12. Миронов, Д.Ф. Мультимедийная презентация и ее возможности в организации самостоятельной работы студентов / Д.Ф. Миронов // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2015. – Т. 205. – С. 191–196.

13. Печищев, И.М. Инструменты новых медиа - новый язык образования / И.М. Печищев // Визуальная коммуникация в социокультурной динамике: сб. ст. II Междунар. науч. конф. – Казань, 2016. – С. 464–469.
14. Симакова, С.И. Инструменты визуализации информации в СМИ: таймлайн / С.И. Симакова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2017. – № 4. – С. 207–216.
15. Черкова, А.И. Таймлайн как специфический вид журналистского творчества в Интернете: теория и практика / А.И. Черкова // Знак проблемное поле медиаобразования. – 2014. – № 2 (4). – С. 112–124.
16. Казанова, Н.В. Онлайн-рефераты как метод организации самостоятельной работы студентов / Н.В. Казанова // Актуальные вопросы профессионального образования. – 2017. – № 1 (6). – С. 23–27.

УДК 378

ТЕХНОЛОГИИ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМОРАЗВИТИЯ СТУДЕНТА-МЕДИКА

TECHNOLOGIES OF PEDAGOGICAL SUPPORT OF PROFESSIONAL SELF-DEVELOPMENT OF A MEDICAL STUDENT

НЕВОЛИНА Виктория Васильевна

Оренбургский государственный медицинский университет, Оренбург, Россия
E-mail: nevolina-v@yandex.ru

ЖУРАВЛЕВА Мария Олеговна

Оренбургский государственный медицинский университет, Оренбург, Россия
E-mail: m.o.juravleva@yandex.ru

БЕЛОНОВСКАЯ Изабелла Давидовна

Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия
E-mail: t251589@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются педагогические технологии как совокупность приемов и способов взаимодействия преподавателя со студентами в процессе профессиональной подготовки. Авторами приведен комплекс педагогических технологий сопровождения профессионального саморазвития студента-медика (историко-медицинские веб-квесты, моделирование профессионального поведения врача, проектные технологии, позиционная технология, дискуссионная площадка). В исследовании апробированы условия эффективного педагогического сопровождения профессионального саморазвития студента-медика (создание постоянно развивающейся среды на основе взаимодействия «преподаватель-студент»; реализация образовательного процесса на основе научно-исследовательской деятельности; формирование системы здорового образа жизни; ориентация педагогической деятельности на формирование ответственности, стрессоустойчивости, конкурентоспособности, организованности студента, опыта интеракции и социализации; проектирование стратегий успешного профессионального развития).

Ключевые слова: профессиональное саморазвитие, педагогическое сопровождение, студент медицинского вуза.

NEVOLINA Victoria V.

Orenburg State Medical University,
Orenburg, Russia
E-mail: nevolina-v@yandex.ru

ZHURAVLEVA Maria O.

Orenburg State Medical University,
Orenburg, Russia
E-mail: m.o.juravleva@yandex.ru

BELONOVSKAYA Izabella D.

Orenburg State University,
Orenburg, Russia
E-mail: t251589@mail.ru

Abstract. In the article, pedagogical technologies are considered as a set of methods and methods of interaction between the teacher and students in the process of professional training. The authors provide a system of pedagogical technologies for accompanying the professional self-development of a medical student (historical and medical web quests, modeling of professional doctor's behavior, design technologies, position technology, discussion platform). The study approves the conditions for effective pedagogical support for the professional self-development of a medical student (the creation of an ever-evolving environment based on the interaction between a "teacher-student", the implementation of the educational process on the basis of research activities, the formation of a healthy lifestyle, the orientation of pedagogical activity on the formation of responsibility, stress resistance, competitiveness, student organization, experience of interaction and socialization; strategies for successful professional development).

Keywords: professional self-development, pedagogical support, student medical school.

В образовании технология представляет собой систему общепедагогических, дидактических, методических способов взаимодействия педагога и студентов с учетом их особенностей. Педагогические технологии направлены на реализацию средств, методов и форм обучения, соответствующих контексту содержания подготовки [1; 3]. Существует целый ряд педагогических технологий. *Структурно-логические технологии* направлены на поэтапную организацию обучения, обеспечивают логику и динамику решения дидактических задач. *Диалоговые технологии* основаны на интеракции субъект-субъектного уровня. *Технологии активного обучения* предполагают участие каждого из субъектов в познавательном процессе. *Сетевые технологии* обеспечивают постоянный доступ студентов к информационным образовательным ресурсам, а также используются для формирования методических и инструментально-технологических средств (виртуальное обеспечение). *Интеграционные технологии* обеспечивают интеграцию знаний, умений, компетенций на уровне интегрированных тем, курсов, учебных и других форм организации обучения. *Тренинговые технологии* представляют собой систему деятельности по отработке алгоритмов решения задач [2; 4].

В педагогическом исследовании профессионального саморазвития с 2012 года принимали участие студенты, преподаватели, врачи, а также работодатели. Сетевыми участниками выступили вузы Нижневолжского медицинского кластера: Самарский государственный медицинский университет, Башкирский государственный медицинский университет, Оренбургский государственный медицинский университет; Loyola University Chicago (США), Иерусалимский медицинский университет (Израиль); «Научно-исследовательская лаборатория субъектной самореализации и инновационных технологий» (Самара). Авторами реализовано исследование педагогического сопровождения профессионального саморазвития студента с помощью виртуальной Форсайт-площадки с использованием технологий (веб-квесты, позиционная технология, моделирование, проектные, дискуссионные технологии и др.).

Моделирование представляет собой воспроизведение характеристик на специально созданном объекте. В нашем исследовании моделирование реальной ситуации в учебном процессе медицинского вуза создавало дополнительную мотивацию студентов, затрагивая эмоции студентов и обеспечивая им погружение в ситуацию. После решения задач проводился мониторинг и экспертиза. В процессе педагогического сопровождения использовалось моделирование профессионального поведения врачей: эталонное моделирование, исторические модели профессионального поведения, модели профессиональной этики, модель донорства, модель самопожертвования, антигуманные модели.

Пресс-конференция как педагогическая технология использовалась на основе имитации конференции со специалистами медицины и здравоохранения (на вопросы корреспондентов СМИ отвечали специалисты – доктора медицинских наук; представители Минздрава; преподаватели; ученый-генетик; врач СЭС; корреспонденты). Темы для пресс-конференции: «Роль здо-

рового образа жизни в современном мире», «Последствия экологической катастрофы» и др.

Музейно-педагогические технологии являются эффективным средством педагогического сопровождения профессионального саморазвития студентов. Музейно-педагогические технологии способствуют формированию самосознания, становления активной жизненной позиции, профессиональной социализации; развитию организаторских способностей, профессиональной компетентности; и проектно-исследовательских умений. Например, цикл экскурсий «Медицина Оренбуржья», «История ОрГМУ в лицах».

Проектные технологии. Профессиональное саморазвитие студента-медика происходит наиболее интенсивно в процессе проектной деятельности, позволяющей разрабатывать, выбирать и реализовывать стратегии развития. Были реализованы проекты: «Человеческий капитал в здравоохранении», «Верность высоким идеалам медицины», «Сила Здоровой Мысли», проект от первого лица «Встреча со значимым руководителем, врачом».

Технология тайм-менеджмента представляет собой систематическое использование комплекса техник организации личной и учебной деятельности. Технология «тайм-менеджмент» включает в себя взаимодействие преподавателя и студента; формирует ценностное отношение ко времени, процессу обучения; способствует личностному росту студента, осуществляя временной регулятив самостоятельной работы и умений самоорганизации. Стратегическое планирование осуществлялось с целью обучения студентов методам планирования, эффективного управления рабочей нагрузкой при помощи техник: «Матрица Эйзенхауэра», «Хронометраж».

Технология позиционного обучения (Н.Е. Веракса). Процесс профессиональной подготовки связан с необходимостью применения логического мышления, обобщения и систематизации материала. Изучение материала включало этапы работы: информационный (ознакомление с содержанием дисциплины в ходе лекции; смысловой (анализ изучаемой темы и выполнение задания); демонстрационно-дискуссионный (студент предъявляет наработанный материал аудитории). Каждая группа имеет определенное название и соответствует конкретной позиции. Например, группы «Понятие», «Тезис», «Схема», «Практика», «Вопросы», «Символ» и другие. Студенты активно принимали участие в обсуждении вопросов, излагая результаты работы. Каждая группа отражала изучаемый материал со своей заданной позиции.

Веб-квест как гуманитарная технология, в процессе которой студенты в сети Интернет выполняют указанное задание, учатся быстро находить необходимую информацию и использовать ее. Данная технология основана на анализе и структурировании информации. В процессе проведенного исследования использовались разнообразные формы веб-квеста: «База данных по проблемам современной медицины и здравоохранения», веб-квест «Лабиринты истории медицинской науки». Создание документа, дающего анализ проблемы в области медицины. Создание виртуальной выставки «История вуза в лицах», «Здоровье мудрых гонорар».

Форсайт-технология предвидения будущего развития сопровождается мерами по обеспечению движения по выбранной траектории. Форсайт-технологии предполагают анализ влияния факторов внешней среды и индивидуальных ценностей, которые могут оказывать существенное влияние на перспективу. Метод сценариев в данном исследовании был направлен на сценирование профессионального будущего с целью принятия перспективных решений и разработки стратегий успешного саморазвития. В рамках исследования со студентами-медиками применялась технология Форсайт-проект «Медицина 2030», «Врач будущего».

Метод дискуссии представляет собой развернутую эвристическую беседу, активный обмен взглядами по конкретной проблеме. Дискуссия активизирует мышление, обеспечивает сознательное усвоение учебного материала. Дискуссия требует предварительной подготовки участников, развивает коммуникативные навыки, умение выражать свои мысли, приводить аргументы и др. Интерактивный метод в форме дискуссионной площадки дает возможность обсудить дискуссионный вопрос в студенческой аудитории. Дискуссионная площадка является неформальной формой работы в ходе которой используется мультимедийная подача информации, совместные обсуждения, создаются условия для обратной связи между участниками.

Итак, педагогическое сопровождение профессионального саморазвития студента-медика как педагогическая деятельность интегрирует индивидуальные ресурсы преподавателя и студента (потребности, мотивы, ценностные ориентации, способности, компетенции), потенциально доступные условия среды медицинского вуза (кадровые, материально-технические, нормативно-правовые, методические), потенциал взаимодействия «преподаватель-студент». В исследовании использовались технологии педагогического сопровождения профессионального саморазвития студента-медика, которые учитывают прошлое, актуальны в настоящем и ориентированы на будущее.

Ретроспективный анализ медицинского образования в процессе педагогического сопровождения представлен такими технологиями, как проектные работы («Лабиринты истории медицинской науки Оренбуржья», Галерея «Врачи Оренбуржья»), научно-исследовательская работа «История развития медицинской науки в Оренбуржье»; историко-медицинский Веб-квест; цикл экскурсий («Медицина Оренбуржья», «История донорства»); моделирование (исторические модели профессионального поведения, модели профессиональной этики, модель донорства, модель самопожертвования, антигуманные модели).

Современное состояние медицины и здравоохранения изучалось с помощью таких технологий, как проектная работа «Современные врачи Оренбуржья»; проект от первого лица – встреча со значимым врачом; дискуссия, дебаты «Программа «Земский доктор»; пресс-конференция «Необходимость и возможность здорового образа жизни»; проект «Человеческий капитал в здравоохранении»; моделирование (современные модели профессионального поведения, модели профессиональной этики, модель донорства).

Перспективное направление охватывают такие технологии, как сайт «Лаборатория саморазвития», Форсайт-проекты («ЗОЖ 2030» «Врач будущего»).

го»), Веб-квест «Современные тренды медицины», «Этические проблемы современной медицины»; моделирование (модели профессионального поведения, модели профессиональной этики, модели профессионального будущего); научный фонд идей «Последствия экологической катастрофы».

Таким образом, педагогическое сопровождение профессионального саморазвития студента-медика будет эффективным, если:

- создается развивающаяся среда профессионального саморазвития на основе взаимодействия «преподаватель-студент», стимулирующая личностно-профессиональные запросы и потребности студента;

- обеспечивается проектирование образовательного процесса на основе научно-исследовательской деятельности с ориентацией на высокий уровень достижений в профессии медика;

- преимущества профессионального саморазвития студента обогащаются принятием ценности здоровья, формированием стиля здорового образа жизни, которые являются базисом жизнедеятельности медицинского вуза;

- педагогическое сопровождение профессионального саморазвития студента задает направления развития образовательной системы медицинского вуза, являясь фактором личностного и профессионального роста студента и его социализации;

- педагогическое сопровождение профессионального саморазвития студента в условиях медицинского вуза ориентировано на формирование ответственности, стрессоустойчивости, конкурентоспособности, опыта эффективной интеракции и социализации, организованности студента и успешное освоение будущей профессии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Егорова, Р.И. Педагогическое сопровождение процесса выбора учащимися будущей профессии : на примере коррекционной школы : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Егорова Р. И. – Якутск, 2007. – 24 с.

2. Ерофеева, Н.Е. Опыт реализации тьюторского сопровождения образовательного процесса в вузе [Электронный ресурс] / Н.Е. Ерофеева, Г.А. Мелекесов, И.В. Чикова // Вестник ОГУ. – 2015. – № 7 (182). – Режим доступа: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-realizatsii-tyutorskogo-soprovozhdeniya-obrazovatel'nogo-protsesta-v-vuze> (дата обращения: 12.06.2018).

3. Пикулик, О.В. Педагогическое сопровождение саморазвития обучающихся в условиях сетевого взаимодействия: автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Пикулик О.В. – Саратов, 2013. – 24 с.

4. Сизинцева, Е.П. Педагогическое сопровождение индивидуального прогресса обучающихся в проектной деятельности : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Сизинцева Е. П. – Тверь, 2016. – 26 с.

УДК 796.011.3-057.875
ББК 75.116.42

**К ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИИ СТУДЕНТОВ
ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА
К ЛИЧНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ**

**ON THE ISSUE OF THE ATTITUDE
OF HIGHER TECHNICAL EDUCATION STUDENTS
TO PERSONAL PHYSICAL PREPAREDNESS**

ПЕТРУНЕВА Раиса Маратовна

Волгоградский государственный технический университет, Волгоград, Россия
E-mail: raissa@vstu.ru

ВАСИЛЬЕВА Валентина Дмитриевна

Волгоградский государственный технический университет, Волгоград, Россия
E-mail: vasilyevavd2016@yandex.ru

ГЛАДКИХ Артем Станиславович

Волгоградский государственный технический университет, Волгоград, Россия
E-mail: agent77@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается личная физическая подготовленность как ценностная ориентация будущих инженеров, формирующаяся в процессе их подготовки к профессиональной деятельности в образовательной среде технического вуза. Приведены результаты анкетного опроса студентов Волгоградского государственного технического университета.

Ключевые слова: личная физическая подготовленность, ценностная ориентация студентов.

PETRUNEVA Raisa M.

Volgograd State Technical University,
Volgograd, Russia
E-mail: raissa@vstu.ru

VASILYEVA Valentina D.

Volgograd State Technical University,
Volgograd, Russia
E-mail: vasilyevavd2016@yandex.ru

GLADKIKH Artem S.

Volgograd State Technical University,
Volgograd, Russia
E-mail: agent77@rambler.ru

Abstract. The article considers personal physical preparedness as a value orientation of future engineers, that is formed in the process of their preparation for professional activity in the educational environment of a technical university. The results of a survey completed by students of Volgograd State Technical University are given.

Keywords: personal physical preparedness, value orientation of students.

Здоровье человека во многом определяет его пригодность выполнять определенные профессиональные функции. Под здоровьем подразумевают, прежде всего, физическое состояние, умственное и социальное самочувствие [1]. Связь здоровья с качеством рабочей силы очевидна: от него зависит общая работоспособность и производительность труда, время отсутствия на рабочем месте по причине болезни и профессиональная заболеваемость, способность выполнять с должным качеством профессиональные обязанности, определенные профессиональным стандартом. Таким образом, сегодня никто не оспаривает связь физического/психофизического здоровья работника с его профессиональными успехами. По этой причине физическое/психофизическое здоровье объективно и субъективно представляет личностную и профессиональную ценность.

Студенческие годы благоприятны для формирования ценностных ориентаций как устойчивого свойства личности. Для этого периода характерно

то, что в круг интересов человека входит весь спектр социальной действительности, разнообразие социальных ориентиров. От того, сможет ли молодой человек выделить среди интересов и ориентиров приоритетный, выстроить своеобразную иерархию жизненных ценностей, будет зависеть успешность его дальнейшего жизненного пути. Состояние здоровья и физическая подготовленность специалиста определяют, каким видом профессиональной деятельности он объективно способен заниматься. Многие профессии в промышленности, а также типовые действия инженера (металлургия, химическая и нефтехимическая индустрия, машиностроение и ряд других) требуют от специалиста хорошей физической подготовленности, которая подразумевает наличие таких качеств, как физическая выносливость, сила, ловкость, быстрота реакции, наблюдательность, общая координированность и точность движения, выносливость при вынужденном нахождении в статичной позе и ряд других [2; 3].

В связи с необходимостью трудиться в разнообразных и сложных производственных условиях в процессе подготовки будущих инженеров большое внимание уделяется процессу физической подготовки. Цель физической подготовки в вузе состоит в формировании у студентов физической/психической подготовленности и профессиональной дееспособности, содействию в освоении конкретной профессии, надежности и готовности к высокопроизводительному труду по инженерной специальности.

Физическая подготовленность студентов вузов является результатом их физической подготовки. Это достигается путем практического совершенствования всех функциональных систем организма. В процессе физической подготовки с помощью специальных физических упражнений активизируются соответствующие механизмы, которые обеспечивают высокий уровень формирования и проявления профессионально важных психофизических качеств личности. Это те качества, которые объективно необходимы специалисту для освоения или выполнения избранной профессиональной деятельности. Физическая подготовленность человека характеризуется состоянием и функциональными возможностями различных систем организма (сердечно-сосудистой, дыхательной, иммунной, мышечной, кровообращения, вестибулярного аппарата, адаптационных возможностей) и развитием основных физических качеств (силы, выносливости, быстроты, ловкости, гибкости, утомляемости, внимания). Оценка уровня физической подготовленности производится по специальным контрольным упражнениям-тестам, характеризующим эти качества – силу, выносливость, ловкость и т. п. Набор данных тестов зависит не только от возраста, состояния здоровья, пола, но и от профессиональной принадлежности испытуемого, от применяемой физкультурно-оздоровительной или спортивной программы [4].

Необходимость формирования у студентов технических вузов высокого уровня физической подготовленности к выполнению профессиональной деятельности вызвана ее спецификой. Профессиональная деятельность инженера связана с проектированием, производством, эксплуатацией, утилизацией технических систем, при условии обеспечения благоприятного

и безопасного существования человеческого сообщества. Поэтому для общества в данном случае физическая подготовленность инженера является еще и гарантией безопасного функционирования производственных систем. Ответственность инженера за безопасность, здоровье и благополучие общества обеспечивается системой его ценностных установок, которые являются ориентирами в его профессиональной деятельности, определяя цели, направленность, мотивацию его поведения.

Недостаток внимания современных исследователей к разработке конкретных путей создания мотивирующих факторов для формирования физической подготовленности обучающихся, поиска новых форм, средств и методов физического воспитания, соответствующих современным требованиям, побудили нас обратиться к изучению мнения студентов технического вуза относительно их отношения к личной физической подготовленности.

Под ценностной ориентацией (установкой) на физическую подготовленность понимается целостное динамичное состояние субъекта профессиональной деятельности, которое определяется его физической и психофизической готовностью осуществлять профессиональную деятельность, ориентируясь на значимые характеристики деятельности, которые определяют не только ее эффективность, но и идеалы, нормы и эталоны профессионального поведения, которые одновременно выступают и как ценности профессиональной жизни субъекта. Ценности (в социально-психологическом плане) отражают для человека значимость и личностный смысл феноменов профессиональной деятельности и окружающей действительности.

Структура профессиональной ценностной установки студента основана на представлении о ее компонентном составе [5; 6]: когнитивный компонент – это представление человека о значении ценностных установок в его жизни; сенситивный компонент характеризует его положительное отношение к профессиональным ценностным установкам; мотивационный компонент показывает наличие у него мотивации к реализации профессиональных ценностных установок в профессиональной деятельности; деятельностно-практический компонент показывает наличие у него профессиональных компетенций, позволяющих регулировать на ценностной основе профессиональное поведение.

В исследовании ставились задачи изучить: 1) входит ли физическое здоровье в систему ценностных ориентаций студентов; 2) связывают ли студенты физическую подготовленность специалиста с профессиональными действиями инженера; 3) насколько студенты мотивированы на формирование физической подготовленности в процессе обучения в вузе; 4) насколько студенты вовлечены в занятия физической культурой и спортом.

Личностную ценность физической подготовленности к профессиональной деятельности авторы рассматривали как убеждение в высокой персональной значимости данного качества, положительной мотивации к его реализации; опирались на анализ данных анкетного опроса студентов Волгоградского государственного технического университета. Опросом были охвачены 435 студентов, занимающихся в основной группе по здоровью

(57,5 %), подготовительной (26,2 %) и специальной (15,6 %), причем ровно половина опрошенных – девушки. Что касается будущей профессиональной принадлежности студентов, то палитра очень разнообразна: от архитектуры до металлургии и машиностроения. Основной возраст опрошенных 18–20 лет (80,1 %). При этом почти все указали, что занимаются спортом в том или ином виде: 35,9 % посещают занятия физкультурой в вузе, 18,2 % занимаются в фитнес-клубах и спортивных секциях, 32,2 % занимаются самостоятельно, 13,8 % не смогли найти подходящий ответ среди предложенных альтернатив и указали «иное». При этом 72,8 % опрошенных помнят, что последний раз посетили спортивный зал не более недели назад.

Индивидуально-личностное основание ценности физической подготовленности связано с показателями состояния собственного здоровья. Каково оно у респондентов? 53,8 % ответивших на этот вопрос удовлетворены состоянием своего здоровья, 19,1 % – не удовлетворены, а 27,1 % даже не задумывались об этом. При этом свой образ жизни готовы назвать здоровым только 42,1 % опрошенных; 29,2% не готовы сказать такое о себе, а 28,8 % вообще об этом не задумывались. Адекватны ли эти самооценки реальным показателям состояния здоровья? Студенческий возраст характеризуется высоким уровнем самостоятельности, интенсивной социальной деятельности, разнообразием эмоциональных переживаний, что отражается в образе жизни, который часто пренебрегает заботой о собственном здоровье. В это время часто не уделяется должного внимания релаксации и отдыху в силу убеждения в неисчерпаемости собственных психофизических ресурсов. В молодости личностные ресурсы, особенно здоровье, кажутся неисчерпаемыми, а оптимизм по отношению к собственным возможностям – неограниченным, забота о здоровье кажется преждевременной.

Ответы на просьбу проранжировать «ценность личной физической подготовленности» с точки зрения личной важности для студентов (где 1 – наивысшая ценность, 9 – наименее значимая ценность), распределились практически равномерно между рангами, что составило от 8 до 13 %. Этот результат, по мнению авторов, свидетельствует о недопонимании студентами важности и ценности своей физической подготовленности (для последующей профессиональной деятельности), другими словами, они не видят связи между своей физической формой и профессиональной успешностью.

Применительно к профессиональной деятельности независимо от профиля подготовки важными физическими/психофизическими качествами студентами были названы (возможно несколько вариантов ответов): выносливость (68,7 %), стрессоустойчивость (64,1 %), высокая работоспособность в течение рабочего дня (56,1 %), быстрота действий (49,7 %), скорость принятия решений (46,4 %), способность выполнять служебные обязанности в условиях высокой эмоциональной нагрузки (40,9 %), общее функциональное состояние организма (артериальное давление, пульс, динамометрия, жизненная емкость легких) (40,7 %), сила – 38,2 %, ловкость 37,7 %, гибкость и скоростно-силовые качества – 26,4 %, способность выполнять служебные обязанности в неблагоприятных санитарно-гигиенических условиях – 17,2 %,

выполнение определенных нормативов на занятиях физической культурой – 13,3 %. Впрочем, только 26,9 % опрошенных считают, что профессиональная деятельность инженера в процессе исполнения трудовых функций связана с физическими нагрузками; однако в зависимости от отраслевой принадлежности инженера (экономика, машиностроение, металлургия и т.д.) этот показатель возрастает до 57,9 %. Наибольшую важность для инженера имеют, по мнению студентов, физические/психофизические качества: точность и четкость действий (80,2 %), быстрота принятия решения (65,7 %) и глазомер (65,3 %), выдержка (57,9 %), координация (52,9 %), выносливость (52,0 %), быстрота действий (48,5 %), скорость реакции (40,0 %).

Оценивая личную физическую подготовленность, студенты отнеслись к себе довольно критически: только 6,9 % оценили ее на «отлично», 32,0 % – на «хорошо», 48,7 % – на «удовлетворительно», 8,5 % не довольны собой, 3,9 % затруднились с ответом.

Анализ результатов проведенного опроса привел к выводу, что, к сожалению, сегодня у определенной части студентов не формируются прочные семантические связи между хорошей физической подготовленностью и успешностью в профессиональной сфере. А это не способствует формированию личной физической подготовленности студента к выполнению профессиональных функций и не создает условия и предпосылки для саморазвития и самосовершенствования субъекта, эффективной учебно-профессиональной деятельности и профессиональной культуры будущего специалиста. Данные исследований позволяют также сделать заключение о не вполне адекватной оценке многими студентами профессиональной и гуманитарной ценности физической культуры для развития личности специалиста и его профессионального становления. Согласно данным анкетирования, более половины опрошенных студентов занимаются физкультурой или спортом, стараются поддерживать хорошую физическую форму, однако при этом считают, что занятия спортом являются личным и добровольным выбором каждого и не усматривают в этом государственного значения. Необходимо также признать, что недостаточная физическая подготовленность, неадекватная оценка студентами значимости физической подготовленности для инженерной деятельности, слабая мотивированность молодежи показывают, что в вузах пока еще не в полной мере используется большой воспитательный потенциал физкультурно-спортивной деятельности и комплекса ГТО в интересах развития духовной, интеллектуальной и физической сферы студенческой молодежи. В этой связи возрастает актуальность системы физической подготовки студентов и ее популяризации среди обучающихся. Тогда, разумеется, появятся дополнительные возможности для мотивации обучающихся совершенствовать личную физическую подготовленность с учетом сферы дальнейшей профессиональной деятельности. Также очевидно, что в условиях рыночных отношений физическая подготовленность во многом определяет успех профессиональной деятельности и является современным компонентом профессиональной культуры и системы ценностных ориентаций будущего специалиста.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Шамаль, Е.В. Качество рабочей силы и факторы, оказывающие влияние на его изменение / Е.В. Шамаль // Вестник Омского университета. – 2003. – № 2. – С. 89–103.
2. Раевский, Р. Т. Профессионально-прикладная физическая подготовка студентов высших учебных заведений / Р. Т. Раевский. – О.: Наука и техника, 2010. – 380 с.
3. Гусев, К. Микроэкономика. Интенсивность труда / К. Гусев. – Режим доступа: URL: http://www.gusewkb.ru/mnenie13_intensTruda.shtml
4. Полиевский, С. А. Физкультура и профессия / С. А. Полиевский. – М.: Физкультура и спорт, 1988. – 160 с.
5. Мартыненко, О.О. Ценностные ориентации студенческой молодежи / О.О. Мартыненко, О.А. Коротина // Высшее образование в России. – 2016. – № 8–9 (204). – С. 22–29.
6. Скляренко, И.С. Педагогическая система формирования профессиональных ценностных установок у курсантов вузов МВД России: дис. ... д-ра пед. наук / И.С. Скляренко. – М., 2014. – 531 с.

Редактор РИО, ответственный за выпуск:
Е. В. Кравцова

Компьютерная верстка:
Е. В. Макарова

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–63553 от 30 октября 2015 г.
Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Волгоградский государственный технический университет» (ВолгГТУ)

Адрес редакции и издателя: 400005, г. Волгоград, пр. В. И. Ленина, 28.
Волгоградский государственный технический университет (ВолгГТУ)
Телефон: гл. редактор – (8442) 24-80-15
E-mail: raissa@vstu.ru

Темплан 2018 г. Поз. № 16ж. Подписано в печать 20.09.2018 г. Формат 60 x 84 1/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 10,23. Уч.-изд. л. 7,21.
Тираж 100 экз. Свободная цена. Заказ №
Оригинал-макет и электронная версия подготовлены РИО ИУНЛ ВолгГТУ
400005, г. Волгоград, пр. В. И. Ленина, 28, корп. 7.
Отпечатано в типографии ИУНЛ ВолгГТУ
400005, г. Волгоград, пр. В. И. Ленина, 28, корп. 7.

Научное периодическое издание «PRIMO ASPECTU» извещает, что статьи в ежегодный сборник принимаются на следующих условиях.

Материалы представляются на бумажном и электронном носителях по рубрикам: «Философия», «Социология», «Педагогика». Редакция оставляет за собой право отклонять статьи, не соответствующие профилю издания или оформленные с нарушением требований.

ОСНОВНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Материалы статьи должны предоставляться в двух видах: печатном (А4, 1 экземпляр) и электронном. На электронном носителе название файла должно содержать первые буквы (латинские) фамилии первого автора и цифру, если автор подает более одной статьи.

1. Текст статьи набирается в редакторе Word for Windows: шрифт Times New Roman, размер – 14, интервал – 1,5. Распечатывается статья на белой бумаге (1 экз.). Поля: верхнее – 20 мм, нижнее – 30 мм, левое – 25 мм, правое – 25 мм.

2. Объем статьи – 8–16 страниц, включая таблицы и библиографический список.

3. Правила оформления статей.

Каждая статья должна включать следующие элементы издательского оформления:

- а) на русском и английском языках (полностью идентичные по содержанию):
 - заглавие и подзаголовочные данные;
 - фамилию, имя, отчество автора полностью; ученое звание, ученую степень; должность и место работы. При наличии авторов из нескольких организаций необходимо звездочками указать принадлежность каждого автора;
 - e-mail;
 - аннотацию;
 - 5–8 ключевых слов или словосочетаний (каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого запятой или точкой с запятой).
- б) на русском языке:
 - индекс УДК и ББК;
 - текст статьи;
 - библиографический список (при необходимости – примечания, приложения).

4. Таблицы представляются на отдельных листах и должны иметь порядковый номер (если их больше одной) и название. Сокращение слов в таблицах не допускается.

5. Рисунки выполняются на отдельных листах в графических редакторах Excel, Corel Draw и др. Размер рисунка не должен быть более стандартного листа формата А4.

6. Библиографический список представляется на отдельном листе и оформляется в соответствии со следующими правилами.

Оформление библиографических ссылок и примечаний

- Библиографические ссылки на пристатейный список литературы должны быть оформлены с указанием в строке текста в квадратных скобках цифрового порядкового номера.
- Пристатейный список литературы, озаглавленный как БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК, составляется либо в алфавитном порядке, либо в порядке цитирования. Он должен быть оформлен согласно ГОСТу 7.1–2003 с указанием обязательных сведений библиографического описания.
- Образец оформления списка литературы:

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Бурдые, П.* Социология политики: пер. с фр. / П. Бурдые. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.
2. *Витгенштейн, Л.* Logisch-philosophische Abhandlung = Логико-философский трактат // Философские работы / Л. Витгенштейн; пер. с нем. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева; сост., вступ. ст., примеч. М. С. Козловой. – М.: Гнозис, 1994. – Ч. 1. – 520 с.
3. *Гидденс, Э.* Социология / Э. Гидденс; науч. ред. В. А. Ядов; общ. ред. Л. С. Гурьевой и Л. Н. Иосилевича. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 704 с.
4. *Качанов, Ю. Л.* Социальная реальность и пространство – время социального мира / Ю. Л. Качанов // Россия реформирующаяся: Ежегодник-2003 / под ред. Л. М. Дробизиной. – М.: Институт социологии РАН, 2003. – С. 57–74.
5. *Малинецкий, Г.* Выбор стратегии / Г. Малинецкий // Компьютерра. – 2003. – № 38 (513). – С. 25–31.

• Имеющиеся примечания и комментарии помещаются перед списком литературы.

Фамилии авторов, полное название книг и журналов приводятся на языке оригинала. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

7. Статья должна быть подписана всеми авторами.

8. К статье должны быть приложены:

сведения об авторах (имя, отчество, фамилия, ученая степень, звание, место работы и должность автора, домашний адрес, номер телефона домашний и служебный, e-mail);

экспертное заключение о возможности опубликования в открытой печати для авторов из ВолгГТУ;

для аспирантов, соискателей – отзыв доктора наук по профилю представляемого материала (научного руководителя);

для всех – рецензия на статью (внешняя – от рецензента из другой организации, другого вуза).

Статьи принимаются ответственным секретарем сборника
Надеждой Андреевной Овчар
г. Волгоград, пр. Ленина, 28, высотный корпус ВолгГТУ,
кафедра истории, культуры и социологии, ауд. В-804,
тел. (8442) 24–84–85, e-mail lzvest.VSTU@gmail.com

Иногородним авторам экземпляр журнала с публикацией
высылается наложенным платежом.

Редакционный совет